

Михаэль ДОРФМАН

Евреи и жизнь
Как евреи произошли от
славян

*Каждый язык особенным образом
структурирует мир для людей,
говорящих на нем.*

Михаэль ДОРФМАН

Евреи и жизнь

Как евреи произошли
от славян

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА КРАСНОЯРСК
«Издательство
Андрей Буровский»
ВКП ВЛАДИМИР

Раздел первый

КАК ЕВРЕИ ПРОИЗОШЛИ ОТ СЛАВЯН

БАШЕВИС-ЗИНГЕР: ПОРТРЕТ, КОТРОЙ НИ В КАКИЕ РАМКИ НЕ УКЛАДЫВАЕТСЯ

Давайте поговорим о Башевис-Зингере, пока он еще не стал классиком, пока его портрет еще не добавили к иконостасу или, как по Талмуду, не построили вокруг него ограды, а его книги не покрылись пылью. Все в его образе и творчестве вызывает вопросы. Даже его личное имя. Как звали писателя? Ицхак, как настаивает современное израильское произношение, переиначивающее на свой лад еврейские имена; Исаак, как по-русски пишут в энциклопедиях; Айзик, как указано в некоторых наших изданиях в переводе с «американского»; Ицик, как на его родном идише; или же Иче, как произносили это имя в его молодости где-нибудь на еврейских Налевках в Варшаве?

На каком языке он писал? На идише, или же идиш был языком его черновигов, как утверждают некоторые критики? К какой литературе его отнести: к еврейской, польской или американской? Заслуженно ли досталась ему Нобелевка, или же были более достойные, чем он? Споры не утихают и по сей день, а значит, писатель Башевис-Зингер остается современным и актуальным для нас, хотя в 2004-м ему бы исполнилось сто лет.

Идиш сегодня – это язык вовсе не мертвый. По разным подсчетам, на нем разговаривает до полумиллиона человек, хотя родным и разговорным он остается лишь в ультрарелигиозных еврейских кварталах в Америке и Израиле. Зато в некоторых кругах художественной еврейской интеллигенции, подобно определенным русским кругам, бытует вера в необходимость «ходить за словом и учиться у мужика». Вот мы и направились в поисках читателей Башевис-Зингера к нашему «мужику» – в торгующий книгами на идише магазин в одном из наиболее религиозных еврейских кварталов Большого Нью-Йорка.

На вопрос, имеется ли что-нибудь из Башевис-Зингера, хозяин магазина, добрейший рэб Мойшеле (имя изменено по его просьбе), замкнул пальцем уста и скороговоркой забормотал что-то вроде «не приведи Господь». По ходу беседы выяснилось, что не только любые произведения Башевис-Зингера, включая его замечательные детские книжки 60-х годов, но даже творчество классиков еврейской литературы Шолома Аша и Шолом-Алейхема подвергалось анафеме различными раввинами.

– За распространение «такого» тут могут и стекла выбить, – патетическим шепотом сказал книготорговец. – Могут даже поджечь.

Улицы религиозных еврейских кварталов действительно пестрят плакатами, так называемыми «пашкэвилями» (идиш. от слова пасквиль), где подвергаются анафеме и проклинаются раввины, канторы и простые евреи и, разумеется, книги. Некоторые представители «народа Книги» не стесняются публично жечь неудобную литературу. Не так давно в Нью-Йорке во дворе известнейшей и крупнейшей йешивы «Мир» раввины жгли тираж труда раввина Натана Каменицкого «Творившие великое». На полутора тысячах страниц сын одного из видных духовных вождей религиозного американского еврейства Америки рабби Якова Каменицкого создал жизнеописания крупных раввинов конца XIX – начала XX столетия. Труд всей жизни раввина

горел в костре из-за каких-то мелких обид и теологических разногласий с нынешним руководством его общины. Двадцать лет назад раввины любавичского движения ХАБАД предали анафеме даже широко известного раввина Адина Штейзальца за «слишком живые» подробности его книг о библейских героях. Им не понравилось, что – в полном соответствии с Библией – пророк Елисей у него лысый, а царь Давид – рыжий. Хасидами проклят романтизировавший и популяризовавший хасидизм во всем мире замечательный философ Мартин Бубер. Некий раввин по фамилии Либерман из того же ХАБАДа предал анафеме друга и критика Бубера, крупнейшего исследователя хасидизма и еврейской мистики иерусалимского профессора Гершома Шолема. Тем более, здесь под запретом вся великая светская еврейская литература.

Впрочем, здесь евреи вовсе не являются исключением. В прошлом году на литургии Торжество Православия, что в воскресенье в первой седмице Великого поста, я с удивлением обнаружил, что имена графа Льва Толстого и еще целого ряда деятелей русской истории числятся в длинном списке тех, кого Русская православная церковь предаст анафеме.

Идиш в религиозных кварталах удивительно беден и лапидарен, совершенно лишен абстрактных понятий. У нашего, говорящего на идише «народа», как и у легендарного русского «мужика», можно порой отыскать искрометное выражение, сочную брань, поучиться изощренному использованию талмудических и библейских выражений в ругательном, а часто и откровенно матерном смысле. Неоткуда взяться здесь образным богатствам. Истинные сокровища языка – еврейского, русского, любого другого – накоплены в книгах, в литературе, но она-то как раз нашим «мужикам» недоступна, а их пастырям и вовсе кажется бесполезной и опасной. Впрочем, наш книготорговец рэб Мойшеле не подвел. Из каких-то глубин, заговорщицки улыбаясь, он достал редкое старое издание одной из самых эротических новелл Башевис-Зингера – «Тойбеле и ее демон»,

правда, лишь по-английски. И, подумав, предложил целый список эротических, а то и откровенно порнографических названий еврейской тематики. В списке, впрочем, оказалась и серьезная литература: «Языческий рэбе» Синтии Озик, «Романтика в погребальном свете» Тины Розенбаум, «Шлюха из Менза» Вуди Аллена и совсем уж непере译имое на русский язык «Пип-шоу» Натана Энгландера. И весь богатый ассортимент был по-английски.

– Наши «эпикорусы», – с улыбкой заметил рэб Мойшеле, употребив древнее талмудическое название еретика, происходящее от имени греческого философа Эпикура, – на еврейском языке такое не осият.

* * *

В 1935 году Ицик Зингер приезжает в Нью-Йорк, не зная ни слова по-английски. Его старший брат Исроэль-Йегошуа устраивает «зеленорога» (как дразнили в Нью-Йорке новых эмигрантов) работать в ежедневной еврейской газете «Форвардс» («Вперед»). В течение двадцати лет Зингер пишет в газете новости, фельетоны, заметки и рассказы под различными псевдонимами: Варшавский, Сегал, Башевис. Последний псевдоним писателя – от имени матери Басшева, хотя, как и во всем у Башевис-Зингера, и здесь мог быть некий скрытый смысл, и псевдоним на самом деле взят от имени библейской царицы Вирсавии, доставшейся царю Давиду через предательство его военачальника Урии-хеттянина. Сюжет о бесе, соблазнившем женщину, в свою очередь соблазняющую царя отправить ее мужа на гибель, вполне в духе писателя. Правда, у Башевис-Зингера дух плотской любви соблазняет девушку переодеться парнем и пойти учиться в религиозную йешиву.

Идишистская литература в первой половине XX века по праву входила в круг крупнейших и развитых европейских литератур. Она включала весь спектр художественных направлений и течений, охотно усваивала модернистские

и революционные художественные идеи XX века. В США, Мексике и Аргентине на идише творили писатели, драматурги и поэты, ставились спектакли, снимались фильмы. Еще и сегодня количество названий произведений художественной литературы, изданных на идише, намного превышает число выпущенных на иврите. В Нью-Йорке творила плеяда замечательных литераторов: Мани Лейб, Целия Дропкин, Мойше-Лейб Хальперн, Х. Левик (Левик Хальперн) Анна Марголин, А. Лайэлс (Эрн Гланц-Лейэрс) и Яков Глатстейн, многие другие. Все они, как рожденные в Америке, так и выходцы из Старого Света, от Бесарабии до Литвы, вырабатывали свой ответ художественным влияниям эпохи – русскому и итальянскому футуризму, «Гарлемскому ренессансу», кубизму, литературе «потерянного поколения», имаджизму. Нью-Йорк того времени был самым крупным и наиболее разнообразным еврейским городом в мире, поощрявшим необыкновенный культурный обмен.

Среди всего этого разнообразия читатели литературы на идише определяли Башевис-Зингера как газетного фельетониста, автора «несерьезных» рассказов, а то и порнографера. Его творчество не воспринимали из-за его «старомодности». Новаторство писателя разглядели значительно позже. Башевис-Зингер раздражал критиков и большую часть публики своей отчужденностью от общественных проблем, игнорированием «важных» тем. Писатель считал еврейскую литературу зараженной мессианскими социалистическими идеями, гуманизмом и сентиментализмом. «Смерть – это истинный мессия», – заканчивает Башевис-Зингер свой роман «Семья Мушкат». Правда, по-еврейски он не осмеливается этого сказать. Так он заканчивает лишь английскую версию.

Даже без того многим казалось, Башевис-Зингер намеренно задевает чувствительные для евреев темы, более того – издевается над традиционным еврейским здравомыслием. Вкус критиков оскорблял подчеркнуто потусторонний смысл произведений писателя, суеверные местечковые герои, неистовые страсти. «Магический

реализм» писателя резко отличается от идеализма еврейской литературы. В некоторых еврейских литературных кругах Башевис-Зингера рассматривали как «изменника Израиля» – по названию одного из его рассказов. «Изменял» писатель лишь по отношению к привычным шаблонам идишистской литературы. Создавая свой мир, Башевис-Зингер пренебрегал веками устоявшимися искусственными границами между ученым и простонародным, между законом и преданием, между кодексом-галахой и мифом-сказкой-агадой. Рационалисты уличали писателя в вере в духов и бесов, хуже того, в манипулировании мрачной языческой мистикой, оплодотворявшей в первой половине XX века тоталитарные националистические движения во всем мире.

* * *

В благодарственной телеграмме Нобелевскому комитету по случаю получения Нобелевской премии писатель пишет: «(Нобелевская премия) – чудесный сюрприз не только мне, но и всем читателям на идише». Известный тщательным выбором выражений, писатель намекает: не писателям и не литературе. С читателями у Башевис-Зингера тоже все складывалось непросто. Он скоро обнаружил, что в Америке не существует широкой читательской аудитории, подобной той, к которой он привык в Польше. Писать на «птичьем» языке евреев нью-йоркских, чикагских или бостонских улиц писатель считал ниже своего достоинства. Башевис-Зингер негативно отзывался об «американском» идише и творчестве американских идишистских еврейских писателей, считая его искаженным «идглиш». «Башевис был в ужасе от состояния идиша в Америке, считал это декадансом и извращением, – рассказывает редактор собрания сочинений Зингера профессор Илан Ставанс, автор книг о трансформации языка идиш в Латинской Америке. – Он писал на «космополитическом», по его мнению, идише. /.../ Хотя, разумеется, он не был абсолютно прав. Преобразование эмигрантского языка

(креолизация) – процесс естественный. Точно так же идиш преобразался, смешиваясь с испанским в Латинской Америке. Но идиш – один из немногих языков, чье развитие было прервано искусственно. Возьмите испанский язык в США. Он стремительно креолизуется, превращаясь в Spenglish. И если процесс будет продолжаться, то лет через сто на «спэнглише» вполне возможна высокая литература».

Башевис-Зингер однажды писал, как почувствовал, будто читатель предал его. Писатель не побоялся вступить в конфронтацию со всей американской литературой на идише. Он вернулся к традиционным, буквально самым первым литературным техникам на идише – к монологу. Ведь идиш начинался как разговорный язык. Именно в монологе существовал наибольший выбор изобразительных средств. Классики литературы Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем и И.-Л. Перец тоже широко использовали монолог. Башевис-Зингер был настолько традиционным, что стал новатором. Он создал удивительную серию, казалось бы, традиционных монологов. Но здесь читателя ожидал сюрприз. Оточенный, полный еврейской учености, замечательных идиом монолог произносит... дьявол. Еще более необычно для писателей на идише свободное и откровенное описание сексуальных отношений, любви и страсти.

Появившись по-английски, рассказы Башевис-Зингера сразу завоевали обширную аудиторию, о которой он не смел бы мечтать в среде читателей на идише. Там просто не знали о еврейских спорах. На одном из первых его публичных появлений перед говорящей по-английски публикой писателя запросто спросили, верит ли он в шейдим (древнеевр. – чертей, демонов, духов и привидений). Писатель тогда смутился, пожал плечами и пробормотал что-то очень еврейское, вроде бы «и да, и нет». Лишь потом, когда Башевис-Зингер понял, что ему нечего стесняться, он отвечал на дежурный вопрос одинаково: «Да, я верю в неизвестные силы». Трудно говорить о неизвестных силах, но после смерти его старшего брата от сердечного приступа внезапное обретение

веры в свой талант позволило Башевис-Зингеру нарушить длившееся семь лет молчание, преодолеть эмигрантский стресс, выйти к аудитории.

Смерть талантливого старшего брата, опекавшего его, стала для Башевис-Зингера своеобразным катарсисом. Он освободился от опеки, от страха необходимости писать «как надо», и понял, что можно писать как считаешь нужным и про то, во что веришь. Было еще одно обстоятельство. В 1943 году Башевис-Зингер отчетливо осознает, что и в Европе у него больше нет читателя. В августе он пишет для журнала «Ди цукумнфт» («Будущее») эссе «О еврейской литературе в Польше», где заключает, что польского еврейства больше нет. Одним из первых Башевис-Зингер понимает размеры катастрофы, постигшей еврейский народ. Задолго до теологов, размышлявших о «проблемах веры после Освенцима», писатель определяет: гетлехт он а гот, велтлех он а велт – «по-божески не иметь бога, по-мирскому не иметь мира». Когда Башевис-Зингер понял, что в Америке читателя у него не было, а в Европе уже нет, он приступил к переосмыслению еврейской литературы – и ему это удалось. Из писателя конфликтного, осужденного критиками и многими читателями, он с годами превращается в символ, с которым мир ассоциирует еврейскую литературу.

* * *

В начале 50-х годов XX века вокруг нью-йоркского журнала «Партизан ревью» образовалась группа молодых американских евреев-литераторов, получившая позже название «нью-йоркских интеллектуалов». Их занимал поиск самоидентификации и самоопределения в американской художественной жизни. Лидером кружка стал Ирвинг Хоу, тогда еще не помышлявший написать «Мир наших отцов» – книгу в Америке хрестоматийную. Совместно с еврейским литератором Элиезером Гринбергом Хоу осуществляет выпуск сборника «Сокровищница идишитских рассказов». В

сборник вошли не только произведения признанных классиков – Шолом-Алейхема, Ицхок-Лейбуш Переца и Менделе Мойхер-Сфорима, но и авторов, неизвестных за пределами круга читателей на идише. Среди них Башевис-Зингер.

Ирвинг Хоу отметил повесть Башевис-Зингера «Гимплупец» и опубликовал ее в «Партизан ревю». Публикация сразу же принесла писателю широкую известность среди читающей американской публики. «Нью-йоркские интеллектуалы» Нэтан Глэзер, Ирвинг Хоу, Дэниел Белл, Ирвинг Кристол, как и писатели еврейского происхождения Сол Беллоу, Филипп Рот, с восторгом восприняли творчество Башевис-Зингера, определив его в свои «литературные прадедушки». Влияние Башевис-Зингера на творчество американских писателей-евреев представляет обширную тему для исследований. Ведь они, блистательные нью-йоркские интеллектуалы, первое поколение родившихся в Америке «истинных американцев», выпускники престижных университетов Новой Англии, очень отличали себя от Зингера. Они выражали чаяния и надежды целого поколения американского среднего класса, выросшего после II Мировой войны, стать настоящими американцами. Вероятно, не будь Холокоста, американские интеллектуалы были бы совершенно иными. Их вряд ли занимали бы их еврейские корни, и они едва ли обратили бы внимание на творчество Башевис-Зингера.

«Нью-йоркским интеллектуалам» Хоу, Беллоу или Филиппу Роту, даже вдумчивым и мудрым литературоведам и исследователям культуры Гарольду Блуму или Альфреду Казину казалось, что, осуществляя мечту родителей, они, первые в своем роду амэриканэр геборэн (идиш – «рожденные в Америке»), становятся «как все», стопроцентными американцами. Лишь позже многие из них с удивлением обнаружили, что их локальный еврейский опыт выходцев из еврейских кварталов Бруклина, Бронкса, Бостона или Чикаго отражает весь конфликт великого перелома, становления послевоенного американского общества, оправляющегося от последствий «великой депрессии» и переходящего в

неожиданную реальность «нового блистательного мира» постиндустриального потребительского общества. Подобное уже случалось за полстолетия до того. Тогда открытые Фрейдом закономерности стали достоянием мировой науки потому, что психологическая дилемма венских евреев оказалась универсальным симптомом перехода к индустриальному обществу, показала, какую цену необходимо платить за буржуазную «современность». Не случайно наиболее известный роман о еврейских терзаниях – «Синдром Портного» Филиппа Рота разворачивается на кушетке психоаналитика. От Фрейда до Рота еврейский модернизм соединял в себе безмерную отчужденность и скрупулезный критический интеллект, что и позволило определить генеральную линию развития американской литературы.

Для очень разных американских писателей-евреев поколения 50-х – Сола Беллоу, Филиппа Рота, Бернарда Маламуда и многих других – Башевис-Зингер стал «литературным предком», «трогательным дядюшкой из провинции». Сам Башевис-Зингер был их старшим современником, коллегой; жил и творил рядом с ними. Он не желал быть «прадедушкой».

Обоюдное творческое влияние, разумеется, происходило. Несомненно, что после знакомства Башевис-Зингера с творчеством Филиппа Рота писатель стал более раскрепощен в своих сексуальных образах, свободней вводил психоаналитические элементы в творчество. Филипп Рот интервьюировал Башевис-Зингера, ввел его в круг авторов, рецензируемых в «Нью-Йорк Таймс Бук Ревю», определяющем рейтинг американских авторов на книжном рынке. Башевис-Зингера и Рота критиковали, по сути, за одно и то же: за эгоизм, за чрезмерную сексуальность, за «бесстыдство».

С Солом Беллоу (получившим Нобелевскую премию по литературе за три года до Башевис-Зингера) писатель порывает со скандалом. И это было далеко не первый и, уж конечно, не последний человеческий и творческий скандал в его жизни. Литературный Нью-Йорк наполнился слуша-

ми о несносном характере Башевис-Зингера, о мелочной издевательской жадности, о выплачиваемых нерегулярно мизерных гонорарах литсотрудникам, об оскорблениях переводчиков. Скандалов не избежали ни известные и самостоятельные – Сол Беллоу, Айзик Розенфелд, Доротеа Страус или Майра Гинзбург, – ни покорные и зависимые: Рут Шахнер-Финкель, Эвелин Торнтон, Герберт Лотман, Элизабет Шуб или Розанна Гербер. Каждый раз это были другие люди, и каждый раз писатель со скандалом порывал с ними. Башевис-Зингер так и не нашел «своего» переводчика. Чудо его творчества в том, что все «авторизованные переводы», вроде бы выполненные разными людьми, составляют удивительную гармонию, подчиненную хорошо узнаваемому и ни на кого не похожему стилю писателя.

Башевис-Зингера постоянно сопровождали разговоры об отсутствии лояльности и о непорядочности, постоянные скандалы и тяжбы с редакторами и издателями. Писатель был полностью «неподконтролен», отказывал в пресловутом «эксклюзиве» на свое творчество кому бы то ни было. Как известно, талант далеко не всегда сопровождается корректностью и порядочностью. Всеми правдами и неправдами писатель сопротивлялся диктату и закабалению, с удивительным постоянством пренебрегал так называемыми кодами «интеллектуальной собственности», защищающими капиталистический рынок и монополии отрасли, но никак не авторов и творцов. Всемирная слава писателя свидетельствует лишь о том, что он выбрал правильную стратегию.

* * *

Влияние Башевис-Зингера на очень разных американских авторов-евреев младших поколений выражено ясней. Очень разные авторы, из разных поколений – Синтия Озик и Джонатан Сэфран-Фозр – и вовсе сделали Башевис-Зингера прототипом своих героев. Синтия Озик озаглавила свое эссе о творчестве Башевис-Зингера «Книга творения» – так

называется библейская «Книга Бытия» по-английски, а писателя она назвала Американским хозяином (мастером) Книги творения. Озик, если и известна русскому читателю, то в основном по ее резким произраильским заявлениям. Между тем в начале 60-х она считалась «надеждой американской еврейской литературы» и ее творчество и художественные идеи во многом определили пути в творчестве целого направления еврейских авторов, предвосхитили основные векторы общественной жизни американского еврейства. «Если мы будем дуть в шофар (ритуальный рог, применяемый евреями для богослужений. – Авт.) по-еврейски, в устье, то наш голос прозвучит громко, – писала Синтия Озик в 1970 году в эссе «К новому идишу», – Если же мы будем искать общечеловеческие смыслы, то это подобно попытке дуть в широкую часть шофара: нас не услышат вовсе». Озик призывала к созданию «нового идиша» на основе английского языка, к переосмыслению еврейской литературы как постоянного тела диаспоры, по аналогии с тем, как талмудическая литература стала телом и смыслом иудейской религии за 2000 лет до того.

На тривиальный вопрос: а к какой литературе отнести Башевис-Зингера – к еврейской, американской или польской? – можно было бы не отвечать, поскольку его книги давно вошли в сокровищницу литературы мировой. Башевис-Зингер, несомненно, еврейский писатель, его труды глубоко еврейские, несут в себе особый парадоксальный еврейский юмор, чудесное мировосприятие, передаваемое нашим народом через столетия, языки и страны. Источники его творчества – в мире хасидских легенд, фольклора учеников йешив, народных суеверий. Несомненно, что «горячими» темам его молодости были Шопенгауэр, Фрейд, Ницше, Кафка, вернувшие в оборот бессознательное и иррациональное. Говорили о влиянии отца – полубезумного еврейского школяра, посвятившего жизнь вычислению точной даты прихода мессии. Башевис-Зингер был современником Гершома Шолема,

открывшего миру огромную роль мистических тайных учений в еврейском сознании. Творчество Башевис-Зингера сравнивали со сложным символизмом израильского лауреата Нобелевской премии Ш.-Й. Агнона, с язычеством Йонатана Ратоша и Бердичевского, с Шагалом.

Что касается последнего, рассказывают, что как-то Башевис-Зингера пригласили выступить в одном из университетов Техаса. Сотрудник университета, приставленный опекать писателя, спросил:

– Мистер Зингер, после чтения там будут вопросы. На какой вопрос вы любите отвечать? Я бы мог его задать из зала.

– Вы знаете, – ответил писатель, – многие сравнивают мои произведения с творчеством Марка Шагала. Спросите, что я об этом думаю.

Когда пришло время, молодой человек спросил:

– Мистер Зингер, как вы относитесь к сравнению вашего творчества с Марком Шагалом?

– Самый глупый вопрос, который мне когда-либо задавали, – ответил писатель.

* * *

Был ли он американским писателем?

«Очевидно, Башевис-Зингер не был американским писателем, – отвечает Илан Ставанс, редактор трехтомного юбилейного собрания сочинений писателя в серии «Американская библиотека». – Но он стал американским писателем».

Башевис-Зингер был не просто американским автором, но, по сути, создателем нового направления в американской литературе. Башевис-Зингера можно по праву назвать зачинателем эмигрантской, или, как ее называют в американском литературоведении, этнической литературы. Он первым в американской литературе использовал свой родной язык, происхождение, наследие предков, уникальный опыт своего народа для того, чтоб переосмыслить и заново определить магистральное направление американской литературы.

Ошеломляющий успех Башевис-Зингера на крупнейшем в мире американском книжном рынке открыл дорогу множеству писателей-эмигрантов европейского, азиатского и латиноамериканского происхождения. Их меньше интересовали подробности еврейской жизни в местечке. Они учились у Зингера древнему, исходящему еще от Библии и Талмуда еврейскому искусству рассказывать свои истории так, чтобы они приобретали универсальный смысл.

Путь писателя, приехавшего в Америку в 1935 году без единого слова по-английски, а в 1978 году уже произносившего по-английски свою Нобелевскую речь (хоть и начатую на идише), воодушевил многих и многих эмигрантских авторов во всем мире, по сути делавших то же в Америке, Британии, Франции, даже в Израиле или России. Ведь эмиграция была не только личной судьбой Башевис-Зингера, далеко не только участью евреев Европы. Сотни миллионов человек во всем мире узнали удел эмиграции. И здесь, как и прежде, еврейский опыт писателя опять оказался универсальным. Башевис-Зингер показал путь, раскрыл технологию творчества, по которому эмигрантский писатель приходит к иноязычной читательской аудитории. Не случайно, когда дети нашей эмиграции: Алона Кимхи в Израиле, Лара Вапняр, Борис Фишман, Гарри Штейниц, Сана Красиков в Америке или Дэйвид Безмозгис в Канаде стали писать, то и они, по сути, вошли в дверь, открытую Башевис-Зингером.

* * *

Сегодня едва ли наберется несколько сотен тысяч людей, для которых идиш родной. Да и те вряд ли относятся к читателям Башевис-Зингера. Во время его переезда в Америку в мире на идише разговаривало 11 миллионов человек. И все же с самого начала карьеры Башевис-Зингер испытывал трудности в достижении признания у широкой читательской аудитории на идише. Писателю повезло, что по приезду в Америку брат взял его на работу в самую

престижную в Америке еврейскую газету. Башевис-Зингер прошел прекрасную школу журналистики, что и позволило отточить технику короткого рассказа. В еврейских кругах до сих пор задаются вопросом: остался ли Башевис-Зингер еврейским писателем, приспособивая свои истории для американского рынка?

Нам посчастливилось беседовать с замечательным американским драматургом, классиком американского театра Джоозефом Стейном, большое число пьес которого идет на Бродвее, в том числе «Грек Зорба» и «Скрипач на крыше». Рассуждая об адаптации произведений Шолом-Алейхема «Заколдованный портной» и «Тевье-молочник», Стейн сказал: «Разумеется, приходится переосмысливать идишитские тексты для американской и затем для интернациональной аудитории /.../ произведения иного темпа, иной аудитории... Башевис-Зингер основательно перерабатывал свои истории, да и самому Шолом-Алейхему пришлось бы иначе переписать свои произведения, захоти он преуспеть на американской сцене».

Пожалуй, трудно согласиться с критиками, считавшими произведения писателя на идише лишь черновиками к его английским авторизованным переводам. Сам писатель не раз говорил о том, что идиш – живой, экспрессивный язык, в то время как английский он считал языком скрытым, полным подтекстов и умолчаний. Лучшее всего отношение Башевис-Зингера определяет еврейская поговорка, которую часто приходится слышать от людей, для которых идиш – родной язык: «По-английски (по-русски, на иврите) надо говорить, зато идиш говорится (редстэ) сам».

Очевидно, идея совместной переводческой работы пришла к писателю после успеха его повести «Гимпл-глупец», переведенной Солом Беллоу. Ирвинг Хоу пишет в мемуарах, что «нью-йоркские интеллектуалы» хорошо знали идиш, были выпускниками светских американских еврейских школ. Все они получили образование еще в дореформенную пору, до того, как под давлением сионистских функционеров еврейс-

кое образование в Америке отбросило идиш в пользу иврита, что сформировало американское еврейство как общину, а не как народ. Хоу вспоминает, что Сол Беллоу был очень занят и неохотно откликнулся на приглашение. В конце концов Беллоу пришел и сел за пишущую машинку, заявив, что у него есть время лишь чтоб переводить на месте. Перевод был сделан экспромтом, со слуха. Повесть читали по кускам, обсуждали, а Беллоу переводил и печатал. Так родился американский писатель I. V. Singer (Айзик Башевис). Ему было 49 лет.

Хотя английский и еврейский языки принадлежат к одной языковой группе, но перевод с идиша – дело непростое. Башевис-Зингер отлично понимал, что создает не просто разные версии, но по сути разные произведения по-еврейски и по-английски. На идише он пользовался псевдонимами в полном соответствии с еврейской литературной традицией, где псевдоним – часть нарратива, по сути еще один герой-рассказчик. Ицхок Башевис у него – для «качественной», высокой прозы, Ицхок Варшавский – для среднего качества, для литературных статей и рассказов для детей, а Д. Сегал – для полемической, желтой журналистики. Еще он писал эротическую прозу. На идише все псевдонимы отличаются по стилю, по языку и метафорическому ряду, а по-английски сам писатель все свел под именем Башевис-Зингер и добивался стилистического единства. Другой пример приводит исследователь идиша Хонэ Шемрук в предисловии к иерусалимскому сборнику рассказов писателя 1979 года.

Герой повести «Гимпл-глупец» (по-русски его именуют еще «Гимпл-дурень») начинает свой рассказ: «Их бин Гимпл там. Их халт мих нист фар кейн мар» («Я Гимпл-глупец. Я же не думаю, что я глуп»). Сол Беллоу перевел оба слова одинаково fool. Но в еврейском тексте герой назван Гимпл-там – арамейским словом, значащим не только «простак», но и «наивный», а еще «невинный» (в смысле «невинное дитя»). Слово это ассоциируется с одной из самых популярных еврейских притч из пасхального предания «Хагады» о человеке, имевшем четыре сына

– хорошего, злого, простого (там) и такого, что не умел спросить. Это же слово связано со знаменитым рассказом замечательного хасидского мастера и учителя начала XIX века рабби Нахмана из Браслава о мудреце и простаке. Во втором предложении используется еврейское слово германского корня нар – «дурак, фигляр, клоун», точно соответствующее английскому fool. При переводе Беллоу опустил различия между там и нар, пренебрег хорошо знакомыми еврейски образованному читателю религиозными и фольклорными нюансами и оттенками всех смыслов слова нар. Возможно, труды Башевис-Зингера когда-нибудь удостоятся академического перевода либо найдут увлеченного переводчика, и читатель получит комментарий – подобный тому, какой сделал Исраэль Шамир для романа Ш.-Й. Агнона «Сретение невесты».

В современной книжной индустрии, где велика роль редакторов, внутренних рецензентов и литобработчиков, Башевис-Зингер сумел найти идеально правильную форму, обеспечившую всемирную славу его произведениям. Работа с переводчиками была подлинным творческим актом, где писатель не знал уступок. «Авторизованные переводы» писателя по сути своей стали вторыми оригиналами его произведений. Писатель читал вслух переводчикам текст, небольшими кусками, обсуждал каждое выражение, искал аналогии, тщательно полировал, часто переделывал характеры и сюжет, приспособливал еврейские рассказы к американскому читателю. Только с английских «авторизованных переводов» писатель позволял делать переводы на другие языки. Поэтому некоторые сделанные в последнее время в России – якобы с идиша и явно вопреки воле писателя – переводы имеют жалкий топорный вид и даже отдаленно не напоминают подлинные тексты Башевис-Зингера. Исключением стали переводы на иврит, сделанные с идиша сыном писателя Израэлем Замиром.

Уезжая из Польши, Башевис-Зингер бросил там молодую жену Рахиль с новорожденным сыном на руках. Семья их поз-

же попала в Палестину. Единственный сын писателя вырос в кибуце Бейт Альфа, перевел свою фамилию на иврит (Зингер на идише означает «певец», как и Замир на иврите).

Израэль Замир рассказывал в интервью израильской газете «Едиот ахронот» о своих встречах с отцом в Нью-Йорке:

– Я часто бывал у него на квартире в районе Централ парк. Каждый раз он давал мне доллар. Этого, по его мнению, должно было хватать на проезд и еду. Я удивлялся его скупости, но ничего не говорил. Мне было стыдно сказать, что я голоден.

Известный скупостью Башевис-Зингер по отношению к сыну проявил королевскую щедрость:

– Понадобилось время, чтоб сломить отчуждение, понять, что мир вовсе не черно-белый /.../ Я потихоньку стал читать его книги... /.../ Однажды он спросил меня: «Почему бы тебе не перевести что-нибудь мое?» /.../ Я удивился, но он поддержал меня... Мы долго сживали вместе /.../ Он читал свои вещи, и мы тщательно, порой часами полировали их, искали нужное слово /.../ пока он не оставался удовлетворенным.

* * *

Замир, похоже, так и не понял, какой поистине царский подарок получил от судьбы. Он до сих пор тщательно избегает слова «отец», подчеркивает, что никогда не называл Башевис-Зингера «папа»:

– По телефону я говорил ему: «Слушай»... Лишь когда был маленьким, то начинал письма «Дорогой папа». Он был для нас человеком, живущим в Америке и раз за раз в год присылавшим два-три доллара в письме.

Отношения писателя с сыном всегда отличала отчужденность и холодность. Как отец, так и сын написали о своей первой встрече после Второй мировой войны. У Башевис-Зингера – лукавый, умудренный опытом и не сильно обремененный

ненный принципами еврейский человек созерцает наивного и самонадеянного, полагающегося на силу пришельца, которому многое предстоит узнать в этом мире. У Замира это встреча 25-летнего «нового ивритского человека», с высоты своего исторического оптимизма взирающего на смешного, немного жалкого своего отца, олицетворяющего все то, что сионизм был призван отменить.

Сегодня Израэлю Замиру 74. И он с горечью замечает:

– Отец был богаче меня... Он продал права на свои произведения, включая экранизацию и театральные постановки, американскому издательству за очень большие деньги. /.../ Когда я хотел написать пьесу «Влюбленные и приятные» по его новелле «Двое», то вынужден был обратиться к американскому издателю. Только потому, что я сын писателя, они разрешили мне сделать перевод бесплатно. Иначе театру «Габима» пришлось бы заплатить большие деньги.

Израильский национальный театр «Габима» действительно не способен заплатить за постановку Башевис-Зингера. Театр «Габима», один из ранних символов сионизма, начинал когда-то в Москве с благословения Вахтангова.

Символично, что первой и наиболее известной постановкой стал созвучный произведениям Башевис-Зингера «Диббук» («Одержимая духом» – евр.) Анского. Многолетний директор театра, выдающийся знаток культуры и умница, но из рук вон плохой администратор Яков Агмон рассказывал нам, как трудно было представить, чтоб лет тридцать, даже двадцать назад в «Габиме» захотели бы играть что-то «местечковое», из Башевиса.

Сегодня, да и уже в течение последних пятнадцати лет театр находится в состоянии перманентного банкротства. Зато созданный труппой из Москвы под руководством Евгения Арье театр «Гешер» («мост» – ивр.), по мнению одних, «самый профессиональный израильский театр», по мнению других – «единственный не местечковый», с успехом ставит пьесы по мотивам Башевис-Зингера.

– Отец не любил постановок и экранизации своих про-

изведений, считая, что они уводят от смысла, – замечает Исраэль Замир в интервью, – но я рад, что Евгений (Арье) сделал это хорошо, придерживаясь оригинала.

Постановки «Гешера» прошли в конце июля 2004 года в престижном нью-йоркском «Линкольн-Сентер» в рамках празднования 100-летней годовщины со дня рождения писателя с аншлагом. Влиятельный критик Лоренс Лопейт (в своем ток-шоу на нью-йоркском общественном радио WNYC) назвал «Гешер» самым еврейским театром в мире еще и за то, что там не ограничивают себя выдуманскими идеологическими и языковыми рамками, а играют на всех наиболее распространенных сегодня языках еврейского народа – английском, иврите и русском.

* * *

Разумеется, во всем, что касается жизни и творчества Башевис-Зингера, субъективное тесно связано с извечными еврейскими конфликтами и архетипами. Символично, что современный стопроцентный израильтянин, профессиональный литератор Исраэль Замир не может согласиться, что он мог что-то унаследовать от идишиста Башевис-Зингера. «Все, что выучил, это из книг», – уверенно замечал Замир. Так и современный Израиль до сих не готов к синтезу, не готов признать творчество Башевис-Зингера, как и всю культуру восточноевропейских евреев, своей интегральной частью. После получения Нобелевской премии повесть Башевис-Зингера «Раб» вошла в израильскую школьную программу. Но лишь по разделу «иностранный литература». Когда уже писалось это эссе, пришло сообщение, что Еврейский университет в Иерусалиме из-за недостатка средств вынужден закрыть академические программы на идише. Выяснилось, что идиш у них тоже в Департаменте иностранных языков.

Сионизм создавался на отрицании «галута» («изгнание» – ивр.), прежде всего языка идиш, еврейского быта в диаспо-

ре. Всякое еврейское преуспеяние в диаспоре рассматривается сионистской идеологией как ненужное, а то и вредное. Тем более когда речь идет о культуре, которую сионизм взялся заменить. Еще сегодня фраза на идише в говорящей на иврите израильской компании вызывает приступ какого-то нездорового смеха. Нетрудно понять, почему именно историческая повесть «Раб», где есть мотив возвращение в Сион, включена в израильские хрестоматии. Она входит в обязательную школьную программу, и ее скучный разбор надолго отбивает у израильского школьника желание читать что-либо из Башевис-Зингера. Кстати, полные восточноевропейской мифологической и религиозной еврейской символики романы единственного израильского лауреата Нобелевской премии Шмуэля-Йосефа Агнона, писавшего на иврите, израильские школьники тоже читают с трудом. Скажем еще, что скверный русский перевод повести «Раб», выполненный в общем-то хорошим израильским издательством «Алия», надолго отбил у нас вкус к творчеству Башевис-Зингера.

Впрочем, Замир, сам писатель, переводчик, бывший заместитель главного редактора органа кибуцного движения «Ал-Амишмар» («На посту» – ивр.), с горечью говорит об отношении к творчеству и личности Башевис-Зингера в Израиле: «В Нью-Йорке есть улица его имени, в районе, где он жил. У меня же нет достаточного количества денег, чтоб в Израиле назвали его именем улицу».

* * *

Особый накал страстей приобрела полемика вокруг творчества и личности писателя, когда стало известно о присуждении ему Нобелевской премии в 1978 году. Не единожды Нобелевская премия по литературе, по уставу присуждаемая лично, символизировала всемирное признание не писателя, а литературного явления, направления, а то целой национальной литературы. Похожая ситуация произошла и с Пабло Нерудой, и с Александром Солженицыным, и с Иваном Бу-

ниним. Многие считали, что премия присуждена не самому Башевис-Зингеру, а всей еврейской литературе.

Газеты же писали, что есть более достойные и даровитые таланты, например талантливейший прозаик, старший брат писателя Исроэль-Йегошуа Зингер или поэт Яков Глатстейн. Речь действительно идет о талантливой литературе. Глатстейн – проникновенный лирик, мастер и новатор еврейской поэзии. Возможно, лишь «вундеркинд еврейской поэзии» Ицик Фефер может сравниться с ним в виртуозном владении еврейским стихом. И.-Й. Зингер действительно великолепный стилист, много лучше своего младшего брата. Башевис-Зингер, как и Шолом-Алейхем до него, действительно силен не стилистикой, не хорошо скроенной фабулой. Оба они приобрели всемирную известность не повестями и романами, а особым еврейским умением создавать и рассказывать короткие истории. Хотя даже самые средние роман Башевис-Зингера – это все же хорошие романы. Вызывает сожаление, что внимание русских переводчиков и издателей больше привлекали романы писателя, чем короткие рассказы.

Еврейские критики всегда находили в богатом талантами, зато бедном средствами еврейском литературном мире Америки много кандидатов на Нобелевскую премию. Некоторые и вовсе писали, что идиш для Башевис-Зингера не более чем прикрытие, рекламный трюк конъюнктурщика, проходной билет, позволяющий проталкивать порнографические рассказы, эксплуатируя ностальгию американских евреев-заправил литературного мира.

«Я глубоко презираю его, – заявила в июне 2004 года 75-летняя Инна Градэ, вдова еврейского писателя Хаима Градэ. – И очень сожалею, что Америка отмечает юбилей этого богохульного клоуна... Я презираю его именно за то, что он попытался затащить еврейскую литературу и иудаизм, американскую культуру и литературу обратно в Моав».

Инна Градэ, в течение 25 лет борющаяся против несправедливого, по ее мнению, восхваления Башевис-Зингера,

намекает на библейскую страну, где дочери соблазнили библейского патриарха Лота совершить инцест. Хаим Градэ – великолепный писатель, лауреат Пулитцеровской премии 1983 года за состоящий из трех романов сборник «Раввины и женщины», безвременно скончался через год после ее получения. В новом издании сборник называется «Святой и простак», что подчеркивает лейтмотив творчества Градэ – конфликт между верой и традицией, скептическое исследование базисных конфликтов религиозной жизни.

В 1980 году, во время получения Инной Градэ почетной докторской степени в наиболее престижном в мире американском религиозном еврейском университете Йешива-юниверсити, критику творчества Башевис-Зингера аудитория встретила аплодисментами. В ответ президент университета, известный исследователь талмудического права профессор Норманн Ламм с пониманием заявил: «Были времена, когда литература, даже наша еврейская литература, захлебывалась в грязи греха цинизма и легкомыслия, затоплились зловонными потоками аморальности (в оригинале – потоками дерьма: scatological swamp. – Авт.), воспевая очарование демонического и сексуальной распущенности»

В академических и религиозных еврейских кругах до сих пор продолжают считать, что Нобелевская премия по праву должна была достаться Хаиму Градэ. Во 2001 году ректор религиозного израильского университета «Бар-Илан» раввин Эммануэль Рекман и известный манхэттенский адвокат Стивэн Вагнер опубликовали эссе, где настаивали: «Факт, что не Хаим Градэ получил Нобелевскую премию, ... а ее получил наихудший из возможных, наименее приемлемый с еврейской точки зрения автор».

* * *

Инна Градэ далеко не одинока. Противники творчества почившего тринадцать лет назад нобелевского лауреата и сегодня не оставляют своей критики. «Каждую строчку в

поэзии Хаима Градэ, каждый отрывок его прозы одушевляет ответственность за евреев, за их историю, за культуру, за народ боль и забота, – пишет в «Нью-Йорк Таймс» раввин и профессор Аллен Нейдлер. – Ничего подобного я не нахожу, читая Зингера». Рабби Нейдлер, к слову сказать, профессор, руководитель Отделения еврейских исследований Университета Дреу, бывший Директор исследовательского отдела нью-йоркского еврейского института YIVO и декан Еврейского академического центра им. Макса Вейнреха. Как в старой поговорке «два еврея – три мнения», причем каждый претендует на обладание некоей универсальной и единственной «еврейской правдой».

Многим до сих трудно простить Башевис-Зингеру, что он никак не укладывался в рамки мифов: не пострадал в Катастрофе, не участвовал в героическом сопротивлении, не был филантропом, презирал всякую общественную деятельность, не являл собой образец нравственности или религиозного усердия. У Нейдлера имелся и другой кандидат, тоже замечательный поэт: «В то время как Абрам Суцкевер голодал и воевал с нацистами в литовских лесах, под пулями создавая великую поэзию на идише, воспевшую трагическую судьбу евреев, – пишет Нейдлер в недавней (17.06.04) статье в «Нью-Йорк Таймс», – Зингер поедал сырные блинчики в «Знаменитом молочном кафетерии» на 72-й улице и размышляя о польских шляхах и еврейских бесах».

Манипуляция памятью Холокоста вызывает до боли обидные воспоминания: то ли «шли, как овцы на бойню», то ли «Ташкент защищали». Тем более несправедливы они по отношению к автору наиболее, возможно, пронзительного в современной литературе реквиема по погибшим.

«Я – черт, рожденный засвидетельствовать, что не осталось больше бесов на свете. Зачем бесы, если люди стали бесами?..

... Я все видел... разрушение Польши. Там больше нет евреев, больше нет чертей. Женщины не выплеснут воды на двор в разгар зимы. Никто больше не чурается набрать

четное число предметов. Никто не постучит на рассвете в передней синагоги. Никто не остерегается нас, вычищая грязь. Рабби замучили в пятницу, в месяце нисан. Общину вырезали, святые книги сожгли, кладбище осквернили. «Книга творения» вернулась к Творцу... нет больше грехов, нет больше соблазнов!.. Мессия не приходил к евреям, а значит, евреи ушли к мессии. Здесь больше не нужны бесы».

Рассказ этот по-русски называли «Последний демон», хотя речь идет не о романтическом лермонтовском Демоне или Пане символистов (они у Башевиса тоже есть), а о народных бесах и чертях, вроде пушкинских из «Сказки о попе».

Отношение самого писателя к теме Холокоста отличается от принятого в еврейских кругах. Башевис-Зингер не раз касался темы, особенно в поздних романах «Враг» и «Тени над Гудзоном». Гитлеровские концлагеря он сравнивает со сталинским ГУЛАГом, а коммунизм у него такое же зло, как и нацизм. Отношение писателя к Холокосту отличает чувство вины. Писатель не винит в гибели евреев себя, Америку, весь мир. Вина, по его мнению, в том, что могли бы помочь, не молчать. Еще более редкое в еврейском сознании толкование Холокоста – герои «Теней над Гудзоном» несут в себе вину за то, что уцелели. Даже после смерти Башевис-Зингер не перестает раздражать адептов культа Холокоста. Выступающие за права животных вегетарианцы называли свою кампанию «Холокост в тарелке». В ответ на нервные протесты еврейских кругов они ссылаются на убежденного вегетарианца Башевис-Зингера, говорившего: «Там, где речь заходит о животных, любой человек становится нацистом. Для зверей каждый день – Треблинка».

Знаток еврейской литературы раввин Марк Левин из Лондона заметил: «Ожесточенным критикам творчества, а особенно личности почившего тринадцать лет назад Башевис-Зингера стоило бы помнить, что религиозная еврейская традиция предполагает волю Господа во всем, что творится в мире. Религиозный комментарий по определению должен

не вопрошать и критиковать, а находить аргументы, почему правильно то, что угодно Господней воле. Если Господь допустил всемирную известность грешника и сластолюбца, то еще вопрос: кого мы критикуем? Целесообразней нам подумать, чем это хорошо для евреев».

Как часто бывает, художественная литература предсказывает явления задолго до их возникновения. Еще в 1968 году в повести «Зависть, или идиш в Америке» Синтия Озик вывела талантливого поэта Эдельштейна (прототипом которому, очевидно, послужил поэт Глатстейн) и его антагониста, писателя Островера (автор не скрывала, что это сатира на Башевис-Зингера). Эдельштейн отчаянно жаждет перевода своих стихов на английский язык, чтоб «унести их прочь из гетто!!! Ведь груз молитв, вырывающихся из массовых захоронений, должен как-нибудь уцелеть». Напротив, Островера широко переводят и публикуют. Эдельштейн заявляет в повести: «Островер – это мир, а? Пантеист, язычник, гой! – восклицает Эдельштейн. – Он взывает к человечеству, а? А тот, кто взывает к евреям, он что, не взывает к человечеству?»

Если еврейская сторона жаждала ответственности за свое еврейство, то американская сторона жаждет идентичности. Американская национальная мифология гласит, что после приехавших в поисках свободы пилигримов, отцов-основателей, все остальные волны эмиграции приезжали, грубо говоря, за колбасой и лишь затем волей-неволей начинали помогать строить Америку. От писателя «этнического», а по сути эмигрантского, здесь ожидают свидетельства от первого лица о голоде, лишениях, погромах, этнических чистках, религиозных преследованиях. Башевис-Зингер не имел, да и не заботился о создании подобного «героического имиджа», об удовлетворении ожиданий рекламного рынка. Секрет непреходящего всемирного успеха писателя в другом.

«В том то и разница между хорошим и плохим писателями, – говорит Илан Ставанс. – Хороший писатель убеждает читателей своим творчеством, а плохой старается удовлетворить заказ на то, что нужно».

И к чести американской публики, она приняла необычного автора.

* * *

«Еврейской улице», верней, некоторым ее переулкам как-то не по себе, что нобелевский комитет, а за ним и мировая культура приняли творчество Зингера и отметили его как представителя еврейской литературы. Евреи далеко не одиноки. Памятна свистопляска вокруг присуждения Нобелевской премии жившему в эмиграции Ивану Бунину. Вокруг него, как и вокруг Зингера, разразилась дискуссия, мало занимавшаяся творчеством. Русская эмигрантская пресса утверждала, что премия дана всей ушедшей в изгнание русской литературе. Тоже называли целый список «более достойных кандидатов». Так же издевались над «старческим любованием пороком» в «Темных аллеях», так же по косточкам разбирали непростую личную жизнь великого русского писателя, жившего с женой и любовницей, которые к тому же, поселившись вместе, состояли в лесбийской связи.¹

Личная жизнь писателя Башевис-Зингера еще раз подтверждает известное правило, что таланту не всегда по пути с нравственностью. Накануне отъезда в Америку он и вовсе по сути был, как сегодня бы сказали, жиголо. Да и американский период личной жизни писателя можно определить емким русскими словечком «ходок», а американцы бы интеллигентно назвали «сексуально обсессивный».

¹ После выхода замечательного фильма Алексея Учителя «Дневник его жены» достояние публики стала несколько другая версия романтических историй последних лет жизни И.А. Бунина. В конце 70-х-начале 80-х я учился во Франции, и в Париже еще застал остатки первой эмиграции, в том числе знакомых Ивана Александровича, а особенно его неприятелей и обиженных на него, которых хватает в любой эмиграции. Вот там то я и слышал неоднократно то, что пишу. Сжатые губки произносившие «старческое любование пороком» я живо помню. Фраза принадлежит одной довольно известной в эмиграции даме, недавно скончавшейся в возрасте больше 100 лет.

Такая обсессивная сексуальность никак не вяжется с домашней внешностью провинциального дядюшки. Писатель постоянно искал любовные аферы, был плохим отцом, неверным мужем, ненадежным партнером и скверным работодателем. Единственный сын писателя Исраэль Замир с горечью замечал, что лишь работа над переводом произведений Башевис-Зингера примирила его с творчеством, но отнюдь не с личностью отца. Замир отрицает, будто что-то унаследовал от отца:

– Если во мне есть что-то (от отца), – говорит сын писателя, – то только из его книг. Я дважды ездил в США как посланник. Мы встречались раз в неделю, много времени проводили вместе. У нас создалась своеобразная близость. Он был большим бабником, и мне часто приходилось его прикрывать, врать, будто бы он находится у меня. Между нами была близость, но приятельская, а вовсе не как у сына с отцом.

* * *

Светская культура на идише сделала возможным интеграцию еврейской культуры в мировую. Теория Сэпира-Уорфа гласит, что каждый язык особенным образом структурирует мир для людей, говорящих на нем. Другими словами, люди видят мир не таким, какой он есть, а через некие ментальные структуры, которые и являются основой мировоззрения, и, можно сказать, национальной души. Вопреки расхожим расистским и фашистским идеям, национальная душа передается не через кровь, гены или канонические правила, а через язык. Причем один из основных принципов современной лингвистики гласит, что словарный запас (глоссарий) и грамматика являются наиболее подвижными и поверхностными слоями языка. Фонетика – более глубокий компонент. Недаром среди на 98 процентов латинского глоссария французского языка вдруг всплывает древняя галльская фонетика, а фонетика идиша проявляется в речи

московского или нью-йоркского жителя. Речь вовсе не идет об акценте. Ментальные структуры, отражающие наиболее глубокие архетипы еврейского национального характера, продолжают жить в тех языках, на которых говорят евреи и идентифицируют себя евреями.

Трудно согласиться со статьями в русскоязычной прессе, повествующими, будто бы Башевис-Зингер был певцом еврейского местечка, классиком идишистской литературы. Наоборот, творчество его было новаторским, соединяющим старое, говорившее на идише еврейство с новой реальностью, с новой жизнью, с переходом на новый язык, в совершенно иной мир. Писатель много думал и говорил о так называемой проблеме «смерти языка идиш»:

– Наш язык умирает едва ли не последние 200 лет. Но правда об идише – это правда о еврейском народе: умирая, мы возрождаемся вновь и вновь.

Умирая в своих носителях, влача жалкое существование в резервациях религиозных гетто, сохраняясь в тиши университетских кафедр, идиш, подобно латыни, сумел возродить свою душу и стать важнейшей частью мировой цивилизации. Культура идиш стала неотъемлемой частью национальных культур Америки, Канады, Мексики, Аргентины, Польши, Чехии, Словакии, Германии. В Беларусь и Украину, как когда-то в Испанию, приходит понимание того, что иудаика и еврейская культура являются важным формантом их современной национальной культуры. Идиш живет в городской европейской культуре, в фольклоре и литературе Нью-Йорка, в кинематографии Голливуда.

«Смех сквозь слезы», отмечавшийся Горьким как характерный еврейский признак, через сто лет стал нормативом русской культуры – и здесь тоже возрождение моделей и менталитета людей, мысливших на идише. Идиш, по выражению Башевис-Зингера, «язык гордый и не знающий слов войны», стал важной частью коллективного сознания израильтян. Позволю себе предположить, что именно идишистская доминанта израильского менталитета не допустит

озлобления и скатывания Еврейского государства до образа и подобия своих многочисленных врагов.

Для решения спорных вопросов хорошо бы определить то, с чем все или хотя бы большинство спорщиков согласны. Большинство же согласно с тем, что Башевис-Зингер был писателем, привнесшим потусторонний мир еврейских преданий в мировую литературу. Он был писателем школы «магического реализма», подарившим еврейской литературе критического реализма фантастику и сюрреализм. Благодаря творчеству Башевис-Зингера назидательная и развлекательная народная наша литература, гневно отрицаемая ассимиляторскими и сионистскими идеологами, стала достоянием миллионов читателей во всем мире. В общем, Башевис-Зингер, несомненно, потрясающий писатель.

Писатель далеко не случайно получил свою Нобелевскую премию и стал для мира символом великой созидательной еврейской культуры. Всемирное признание и живой неослабевающий интерес к его творчеству – не только дань уважения вкладу идиша в мировую культуру. Личность Башевис-Зингера наглядно показывает универсальный процесс перехода с одного языка на другой, постоянно происходящее в еврейском народе в течение всей его многотысячелетней истории. Уникальный еврейский опыт опять особенно важен в стремительно меняющемся современном мире, где похожий процесс переживают сотни миллионов. Творчество писателя отразило, а во многом предвосхитило и сформировало новые тенденции многокультурного мира, отрицающего иерархию культур, признающего равноправное сосуществование самобытных этнических и культурных единиц. Творчество Башевис-Зингера продолжает золотую цепь еврейской традиции, оберегаясь от грозящей его сынам опасности предаться фундаментализму, а с другой, его учителям и поводырям избежать окостенения и догматизма.

ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА ЭТО НЕ ТОЛЬКО...

От показа сцен лесбийской любви еврейская публика была в шоке. Еврейская община Нью-Йорка и всей Америки обсуждала и осуждала скандальный спектакль о жизни жалкого еврея-содержателя борделя и его еврейских проституток. Рабби Джозеф Сильверман из синагоги Бейт Эммануэль на Пятой авеню постановил, что пьеса клеветает на евреев и запретил ее к показу нееврейской аудитории. Нью-Йорк Таймс публиковала письма протеста, обвиняющие продюсеров в разжигании антисемитизма. Продюсер и ведущие актеры попали под арест, были осуждены за пропаганду разврата, оштрафованы и чудом избежали тюрьмы. Автора, известного идишистского писателя убеждали уничтожить пьесу...

Речь идет не о сегодняшнем дне, а о постановке 1923 года на Бродвее пьесы классика еврейской литературы Шолом Аша «Бог возмездия» (Гот фун Некоме). Шум вызвала английская постановка, поскольку на идише спектакль поставили впервые в Нью-Йорке еще в 1918 году. Нравы в Нью-Йорке тогда были не столь свободные. Мало что изменилось с той поры, когда Максима Горького отказались поселить в гостинице со спутницей, из-за того, что у него не было брачного свидетельства. «Великий пролетарский писатель» обиделся и написал «Город Желтого Дьявола». Он не поскупился на едкие замечание об американской морали: «удушающий запах лжи и лицемерия, трусости и безнравственности».

Так или иначе, но теперь, через 82 года Еврейский театр Доры Вассерман при Центре Сейди Бронфман представляет пьесу Шолом Аша на идиш (с английским и французским синхронным переводом) в сезон 2005/06 года у себя дома в Канаде и на гастролях в Нью-Йорке.

Действие пьесы происходит в патриархальном еврейс-

ком местечке в Польше. Содержатель борделя Янкель Шапшович и его жена, бывшая проститутка Сорэ обеспокоены будущим своей невинной дочери Ривкэле. Родители опасаются, что их занятие может помешает им достойно выдать дочь замуж. Семья живет рядом с заведением, но Ривкэле даже не подозревает, что там происходит. Надеясь исправить свою репутацию в общине, а, возможно, и в глазах самого Господа Бога, Янкель заказывает для синагоги свиток Торы. Он собирается выдать дочь за раввинского ученика. Планы рушатся самым неожиданным образом. Вопреки страхам родителей, девушку не изнасиловал подвыпивший клиент и не соблазнил сутенер-конкурент. Ривкэле влюбляется в одну из отцовских проституток Манку. Посвященные дружбе двух девушек сцены полны подлинного лиризма. Образ Янкеля – своеобразного анти-Тевье сыграли на еврейской сцене величайшие актеры американского еврейского театра – Борис Томашевский, Давид Кесслер. Роль Янкеля прославила Рудольфа Шилдкромта. Именно он попал под суд, когда попытался поставить пьесу по-английски на Бродвее. Постановка на идиш американские власти не заинтересовала, да и рабби Сильверман тоже заявил, что в еврейский театр он не ходит, и пьесы на идиш его не интересуют.

Рассказывают, что прочитав рукопись пьесы, классик еврейской литературы Ицхок-Лейбуш Перец заклинал автора: «Сожги это, Аш, сожги!» Вместе с тем, появление «Бога возмездия» восторженно встретили многие деятели культуры. Среди них один из лидеров американского еврейства 30-х годов рабби Стивен Вейзе, режиссер Константин Станиславский, драматург Юджин О'Нил и легендарный основатель еврейской газеты «Форвард» писатель Авраам Каган.

Художественный руководитель театра Брайна Вассерман считает пьесу Шолома Аша одной из наиболее значительных в репертуаре еврейского театра наряду с «Мирэле Эфрос» Гольдфагена, «Шейнделе» Амнона Леви и «Диббук» Анского. С этим никто не возьмется спорить.

Действительно, пьеса была впервые поставлена в Европе в 1907 году и переведена на ряд европейских языков. «Бог возмездия» упоминается во всех учебниках и энциклопедиях и считается одним из шедевров Шолом Аша, строгого социального критика и замечательного писателя. Вот только ставить пьесу больше полвека не брался ни один репертуарный театр. Зато ее охотно играют в театральных школах и экспериментальных студиях. Там в пьесе видят не только и не столько возмездие за грехи отцов, как освобождение девушки из пут традиционных представлений. Таковую интерпретацию «Бога возмездия» осуществил лауреат Пулицеровской премии Дональд Маргулис на Вильямстоунском театральном фестивале летом 2002 г.

Брайна Вассерман не видит в пьесе ничего аморального. «Наоборот, – говорит режиссер, – пьеса вдохновлена духом библейских законов ответственности за грехи отцов, и в ней нет ничего особо провокационного. В пьесе подняты актуальные проблемы – контроль над страстями и невозможность приобрести уважение за деньги. В эру сериала «Секс и Большой город, – добавляет Вассерман, – трудно кого-нибудь смутить подобным сюжетом». Заметим попутно, что телесериал о жизни итальянских мафиози «Сопранос» вызывает среди итало-американцев значительно большее раздражение, чем, скажем фильм о еврейских гангстерах «Багси» Дэйвида Мамета или «Однажды в Америке» Серджио Леоне. Актеров, игравших главные роли в «Сопранос» даже выгнали из колонны традиционного итало-американского парада в День Колумба в Нью-Йорке.

Действительно, сегодня в Америке, как в России или в Израиле трудно кого-то удивить тем, что еврей может быть преступником, бандитом, торговать наркотиками или живым товаром. Обнищавшие и теряющие под ударами капитализма экономическое значение еврейские местечки-штетл Восточной Европы лихорадочно искали пропитания и заработка. Евреи жили в пограничной области между Российской, Австро-венгерской и Германской империями.

Там действовали контрабандисты, размещались винокурни, лаборатории по производству сахара и морфия, а позже кокаина, снабжавшие революционную Россию, о чем хорошо описано в ранних повестях и рассказах Пелевина.

Автор бестселлера «Зато он очень любил свою маму. Жизнь и преступления еврейских гангстеров» Роберт Рокауей отмечает, что в Америке до сих пор с тоской вспоминают про хорошее качество, низкие цены и порядочность евреев, державших в руках наркобизнес в первой половине XX века. Когда большевики изолировали Россию, центр деятельности постепенно переместился за океан.

Лишь Холокост разрушил привычные связи, что позволило итальянским, ирландским, черным и латиноамериканским гангстерам прибрать к рукам доходные отрасли бизнеса, традиционно контролировавшегося евреями. Рокауей отмечает и другую особенность – еврейские дельцы с оттопыренным пистолетом задним карманом, в отличие от своих итальянских коллег, не стремились создавать «фамилии» и «династии». Наоборот, они всеми силами стремились отвлечь детей от преступного промысла, вывести их в люди, дать образование и престижную профессию. Еврейские гангстеры занимались всем широким спектром криминальной деятельности задолго до того, как кто-то из отцов сионизма наивно провозгласил, что «мы станем настоящим народом, когда у нас будут свои воры и проститутки».

Виленская еврейская газета «Азман» рассказывает интересный случай. В 1905 году в гостинице обворовали всемирно-известного кантора Гершона Сироту. Бандиты согласились вернуть вещи и даже доплачивать ему по 25 рублей за выступление (а тогда это были большие деньги), если он перенесет их с субботы на будний день. Дело было не только в том, что публика приходила в субботу без кошельков, как требует религиозный завет. Проблема была в том, что и сами воры соблюдали заветы предков и в субботу не работали.

Русский читатель, знакомый «Ямой» Куприна или «Гос-

подином из Буэнос-Айреса» Шолом-Алейхема не удивится, встретив на страницах еврейской литературы или на театральной сцене еврея-сутенера. Повесть «дедушки еврейской литературы» Менделе Мойхер-Сфорима (1835-1917) «Стена плача» рассказывает о быте сутенеров и еврейских борделей XIX века. Профессор-историк Моти Залкин из Университета им Бен-Гуриона в Израиле даже посвятил целое исследование составлению карты еврейских борделей в Восточной Европе и Америке. Когда-то в Аргентине мне показали большой участок на еврейском кладбище в Буэнос-Айресе, где хоронили представительниц «древнейшей профессии».

Сегодня в Аргентине все изменилось. Как раз показу современной жизни евреев Буэнос-Айреса посвящена замечательная комедия Даниэля Бурмана «Последнее объятье». Полная мудрого юмора, заставляющая задуматься картина, номинант премии Оскар «За лучший зарубежный фильм», удостоенная «Гран при» на Берлинском кинофестивале 2004 г. и вышла сейчас на экраны в синематеках Нью-Йорка. С самого начала фильм способен заинтриговать. Камера следует за главным героем Ариэлем Макаровым, следующему в семейный магазин дамского белья по коммерческому центру, вдоль магазинов и лавок. Внутренний монолог героя повествует о соседях – итальянце, корейцах, еще одном еврее, и для разнообразия, нескольких латиноамериканцах. Типичное еврейское местечко. Не удивительно, что Ариэль рассуждает о местечке, как о модели мира. Он – бывший студент-архитектор, исключенный из университета и расставшийся со своей подругой. Сразу после рождения Ариэля в 1973 году, отец бросил семью ради осуществления сионистской мечты и уехал в Израиль. Ариэль очень боится впасть в свойственную его отцу маниакальных попыток достичь идеалов. Жизнь окружающая Ариэля далека тоже от идеала. Герои фильма лгут, изменяют друг другу, даже устраивают соревнования в изменах, а заодно и учат героя жить. Мать героя Соня – бывшая танцовщица израильских народных танцев кормит Ариэля медовым печеньем «лейках» и рассказами об

исчезнувшем негодяе-отце. Пережившая Холокост бабушка поет трогательные песенки на идиш в качестве лекарства от душевных ран и советует ко всему относиться с юмором. Брат Джозеф спокойней относится к отцовским грехам. Он мечтает стать раввином, хотя образ жизни ведет далекий от всякого благочестия. Типичная история – местный раввин бросает общину, соблазненный доходным местом испаноязычного раввина во Флориде.

Еврейская община в Аргентине была крупнейшей и богатейшей в Южной Америке и в пору расцвета насчитывала до полумиллиона человек. Туда ехали люди, обуреваемые мечтой стать еврейскими фермерами и скотоводами-гаучо. Там нашли прибежище тысячи уцелевших в Холокосте. Они создали великолепную общинную организацию, вели богатую и разнообразную культурную жизнь. Во время, не скрывавшего своего антисемитизма правого военного режима 70-х годов, евреи стали покидать Аргентину, кто в Израиль, кто в Северную Америку. Позже в стране начались экономические трудности, гиперинфляция, дефолт, крах экономики. Быть евреем становилось просто дорого. Ведь по аргентинским стандартам недостаточно было ходить в синагогу или посылать детей в еврейскую школу, что тоже стало многим не по карману. Часто надо было еще состоять в еврейском «кантри-клубе» и участвовать в дорогостоящих мероприятиях общины.

Одна из запоминающихся сцен – Ариэль ждет интервью в польском посольстве. Он подал заявление о репатриации и лихорадочно вспоминает знаменитых поляков, чтоб доказать свою принадлежность к польской культуре и к оставленной его дедами Польше. Герою надоела пустая светская жизнь Буэно-Айреса, все больше напоминающего Третий мир, и он мечтает о паспорте Евросоюза, открывающем ему дорогу в заветный мир. Восхитительное «Последнее объятье» полно парадоксов, иллюзий, а то и неврозов. Не удивительно, что Аргентина держит мировой рекорд по количеству психиатров на душу населения.

Фильм оставляет нотку ностальгии. Кажется, что вместе с Ариэлем уходит молодежь и заканчивается еврейская жизнь в Аргентине. Только не надо спешить. Помнится, в 1994 году я попал в большой сибирский город на встречу так называемых «еврейских лидеров». Среди них совсем не было молодежи, а те, что были, собирались в эмиграцию и, казалось, сами не верили собственным заявлениям о возрождении еврейской жизни. Мне было печально и казалось, славная история российского еврейства заканчивается на этих людях. С тех пор количество еврейских общин в бывшем СССР выросло с 80-и до почти без малого двух сотен. В большом сибирском городе еврейская жизнь тоже бьет ключом. Десятки тысяч израильтян и стали возвращаться назад. Только в Москве нашли свой новый дом 57.000 русскоязычных израильтян. Еврейская история полна сюрпризов и неожиданных историй. От владельца борделя Янкеля и его странной дочки, от невротического аргентинского юноши мы можем узнать такое, чего не смогли бы рассказать ни сентиментальный скрипач на крыше, ни «отличники труда и обороны» с сионистских плакатов.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН СНИМАЕТ КОНЕЦ ЕВРЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Автор от всей души благодарит руководителя Ансамбля еврейской песни Анатолия Пинского (Москва), Ирину Зубкову (Нижний Новгород) и Наталью Тышкевич (Израиль) за предоставленные материалы и помощь в работе.

Еврейскому государству пришел конец, и ликующие евреи возвращаются из Израиля. Даже в праздничный момент в еврейской толпе, как водится, нет единства. Каждый говорит в объектив о своем:

- Евреи! Давайте решать «еврейский вопрос»!
- Евреи! Давайте сначала решим вопрос, стоит ли решать «еврейский вопрос»!
- Евреи! Давайте решать мировые проблемы!
- Евреи! Давайте будем все говорить на иврите!
- Евреи! Давайте будем все говорить на идише!
- Евреи! Давайте обсудим, на каком языке нам говорить: на иврите или на идише?
- Евреи! Давайте будем говорить как можно больше!
- Евреи! Давайте спасти еврейскую систему образования!
- Гевалт, евреи! Почему мы не ходим в еврейский театр?
- Гевалт, евреи! Какой смысл в нашем еврействе?
- Еврей! Будь человеком!
- Еврей! Будь евреем!
- Еврейские человеки и человеческие евреи! Будьте одновременно человеком и евреем!

- Евреи! Давайте выпускать еврейскую газету!
- Евреи! Не нужна нам еврейская газета!
- Гевалт, евреи! Он обозвал меня «галицианером»!
- Не верьте ему, евреи, он же «литвак»!

Последние две реплики выражают традиционную вражду между литовскими евреями (северная часть Великого княжества Литовского) и выходцами из Галиции. Сейчас она немного поутихла, но на их место можно спокойно подставить современные оси вражды – ашкеназы и сефарды, религиозные «досы» и светские «отступники», правые «экстремисты» и левые «предатели», «русские» и «марокканцы»...

Так приходит конец еврейскому государству в сатирической антиутопии «Еврейское государство, или Вейцман Второй» – пьесе замечательного поэта, писателя, драматурга, продюсера, редактора и деятеля еврейской культуры Арна (Аарона) Цейтлина (1889-1973). Правда, на берегу остается знаменитый персонаж вместе с группой молодых энтузиастов, осуществляющих древние библейские пророчества и не готовых удовлетвориться ничем меньшим, чем возрожденное царство Давида... Маленький человек с усиками и с тросточкой, в котелке и больших ботинках, суетится вовсю. Он здесь не только персонаж Чарли Чаплина, но и сам Чарли Чаплин – режиссер и продюсер эпохального фильма. Настал его звездный час, и он старается успеть заснять восторги народа, лишённого желания строить свое совместное будущее и расстающегося с мечтой о независимом национальном доме.

* * *

Еврейское государство начиналось с утопии. Книги Теодора Герцля «Государство евреев» и «Новая-старая земля» – типичные утопии. Как любые утопии, их не удалось осуществить полностью. Не получилась страна воспитанных

евреев, говорящих по-немецки, где удастся удержать армию в казармах, а раввинов в синагогах. Получилась страна, где, по известному анекдоту, старожил-кибуцник и новый репатриант из Германии (их в Израиле дразнили йеке) наблюдают работу в кибуце.

– Вон тот, что роет яму, – говорит йеке, – он был в Германии крупный ученый, профессор, заведовал кафедрой древних языков... Вот тот, другой, что подгребает навоз, – он был в Германии известным хирургом, возглавлял клинику в Берлине...

– Видишь, там собака лает? – отвечает фермер. – Она в Германии была доберманом.

Даже название книги Герцля вопреки правилам немецкого языка переводят как «Еврейское государство», не считаясь с тем, что автор назвал свою книгу «Государство евреев», что совсем не то же самое. Хотя в школьном курсе литературы учат, что утопия и антиутопия – разные жанры, в жизни почему-то получаются они всегда одинаково.

Мрачная утопия Амоса Кейнана показывает погруженный в затяжную гражданскую войну и разделенный на маленькие анклавов Израиль. Религиозные воюют со светскими, белые с черными, Иерусалим с Тель-Авивом. Из недр Интернета вынырнула утопия Александра Свищёва, решающего противоречия просто: все «нормальные люди» поехали в Иерусалим на демонстрацию против Верховного суда, а остальные на «демонстрацию левых сил» в Тель-Авив. Иранцы сбросили на Тель-Авив атомную бомбу. «Так что теперь никакого противостояния правых и левых в Израиле нет, – удовлетворенно пишет автор. – И арабов тоже нет. Вековая мечта еврейского народа о трансфере арабов наконец осуществилась» Ирана, заметим, тоже больше нет, и заодно многого досадного. Встречаются и другие утопии, например, об арабской победе и оккупации Израиля. Картины там почему-то очень напоминали израильский оккупационный режим на территориях: блокпосты, комендантский час. Естественно, без утопии о крахе еврейского государства не

могло обойтись с самого начала, и она родилась под пером Цейтлина в самом начале 30-х годов.

В сионистской литературе много обвинений в адрес Великобритании и других европейских держав, много рассуждений на тему о том, что создание Еврейского государства в Палестине в 30-е годы смогло бы предотвратить Холокост. Что бы произошло, если бы после победы в мировой войне всех евреев выселили бы в Палестину и дали бы им возможность создать государство? Цейтлин дает свой четкий ответ сатирической пьесой «Еврейское государство, или Вейцман Второй» ((Ди идыше мелухе адер Вейцман дер цвейтэр)). В пьесе много пророческих предсказаний: приход Гитлера к власти, мировая война, тотальная депортация евреев как виновников мировых проблем... Даже в деталях пьеса содержит удивительные совпадения, изображает мрачные картины циничной измены мессианской мечте о возрождении древнего царства Давида в Иерусалиме и распада еврейского государства. Для Цейтлина и его современников такая фантазия была больше чем театральной игрой или импровизацией на актуальную тему. Израильский исследователь творчества Цейтлина Ихиэль Шейнтох считает «Вейцмана Второго» важным историческим документом, помогающим понять глубинные процессы в истории современной еврейской культуры. Целый ряд исторических деятелей: Владимир Жаботинский, лидер американского еврейства рабби Стивен Вейзе, Альберт Эйнштейн, отец израильской журналистики Наум Соколов, основатель нью-йоркского «Форвердса» Ав (Авраам) Каган, писатель Шолом Аш, Шварцбард и многие другие выступают персонажами комедии. Не удивительно, что в список выдающихся евреев в пьесе не попали лидеры еврейской колонии в Палестине во главе с Давидом Бен-Гурионом – те, кого современная израильская история считает отцами сионизма и нации. Их тогда никто не рассматривал всерьез, а Хаим Вейцман в письмах жене издевательски называл палестинских еврейских лидеров то шайкой жадных политиканов, а бывало и похуже.

Порой беспощадная и парадоксальная пародия или точная карикатура передают реальность достоверней, чем скучные учебники истории и энциклопедии. Там, как известно, никогда не напишут самого интересного. «Вейцман Второй» анализирует менталитет поколения, которому предстояло создать государство евреев всего через четырнадцать лет после выхода пьесы. Цейтлин сумел показать уродства современной ему еврейской политической и общественной жизни, наложившие глубокую печать на современный Израиль. Несмотря на провозглашенные цели создания нового еврея, сионизм во многом не сумел избавиться от уродливого груза местечковой жизни. Цейтлин дает удивительно точный прогноз проблем современного Израйля. Некоторые сцены выглядят как сатирическое шоу из современной израильской жизни. Вся пьеса – анатомия краха идеи современного государства евреев: «государства, как все государства». Почти невидимая в начале 30-х годов религиозно-мистическая альтернатива мессианского возрождения еврейского царства сегодня еще более проблематична. Когда все это играют в манере «Мистерии Буфф» или «Земли дыбом» театра Мейерхольда, а пьеса – одновременно сценарий кинофильма, который делает не кто иной, как Чарли Чаплин, то становится ясно, что новаторская сатира Цейтлина – это незаслуженно забытое важное культурное явление в ряду лучших художественных экспериментов XX века.

* * *

*Вот на рынок катит бричка,
Грустный в ней телок лежит.
А высоко в небе птичка,
Вьется ласточка, кружит.*

*Припев:
Как смеется ветер,*

*Гонит тучи прочь,
Он смеется день и вечер,
И еще всю ночь.
Дона-дона, дона-дона...*

Песня «Дона-дона» в замечательном переводе с идиша Анатолия Пинского, художественного руководителя московского ансамбля «Дона-дона», – это, вероятно, единственное, что читатель может найти по-русски из всего богатого творчества Арна Цейтлина. Еще, пожалуй, перевод «Дона-дона», сделанный с иврита израильским автором Зезвом Гейзелем.

В начале 20-х годов Цейтлин прославился героико-историческими драмами: «Яков Франк» (1926) об известном еврейском мистике, который конфликтовал с раввинским истеблишментом и в конце концов принял христианство; «Бреннер» (1927) о трагической судьбе замечательного Хаима Бреннера – еврейского поэта, мистика, много думавшего о синтезе сионизма и Русской революции, иудаизма и христианства, погибшего во время беспорядков в Палестине в 1921 году; «Эстеркэ и король Казимир Великий: еврейско-польская мистерия» – историческая драма (1929-1931) о судьбе еврейской девушки, возлюбленной польского короля. В межвоенной Польше евреи занимались составлением списков евреев-героев польских войн и разработкой роли евреев в польской истории. Эстеркэ, как и легендарный польский король-еврей Авраам Вол, были любимыми темами, да и многие потомки принявших католицизм последователей Якова Франка вошли в знатнейшие рода польской аристократии и играли важные роли в польской истории. «Эстеркэ» оказалась последней в ряду «героической» драматургии Цейтлина.

Бытует в наших палестинах уверенность, что идишская литература была отсталой, бесконечно сентиментальной, рассчитанной на удовлетворение вкусов местечковой публики. На самом деле еврейская культура на идише занимает

достойное место в ряду развитых художественных культур Европы. Она стала одним из важных формантов американской культуры, да и современная израильская культура во многом обязана ей своим существованием. Даже ивритская культура в течение первых трех поколений в большой мере создавалась людьми, воспитанными в идише, а зачастую и думающими на идише или по-русски. Лишь в последнее десятилетие в Израиле утвердилось поколение, рожденное в ивритской среде и не знающее идиша.

Разумеется, в еврейской литературе достаточно сентиментального мелодраматического «шмальца» – например, классическая мелодрама «Мирэле Эфрос» отца еврейского театра Аврума Гольфадена – и этнографической драматургии, вроде «Дибук» Ш. Анского, социальной драмы. Еврейский театр 20-30-х годов был среди художественного авангарда XX века. Еврейские театральные деятели видели себя частью мирового литературного процесса.

Универсальные и интернациональные тенденции, ощущение себя частью мирового культурного процесса преобладали над изоляционизмом. Неслучайно Цейтлин (совместно с будущим Нобелевским лауреатом по литературе Ициком Зингером, которого тогда еще не звали Башевис) учредили в Польше художественный журнал, гордо названный «Глобус».

Цейтлина всегда привлекали творческие искания пролетарского еврейского театра в СССР, новые жанры социальных утопий и антиутопий, современные веяния европейской мысли – символизм, немецкий экспрессионизм, театр-кабаре, достигшие в период между мировыми войнами творческих вершин. Современный русский читатель больше знаком с искусством немецкого театра-кабаре, в основном благодаря творчеству Бертольда Брехта и Курта Вайля, да еще благодаря фильму 1972 года «Кабаре» Боба Фоссе с Лайзой Миннелли в главной роли. Неслучайно в музыке «Дона-дона» американско-еврейского джазового композитора Сола (Шалома) Секунды, написанной на слова Цейтлина, тоже ощущается

влияние Курта Вайля и Ганса Эйслера. Между тем в Польше, где жил Цейтлин, существовал замечательный театр-кабаре с богатой самобытной традицией.

Начало 30-х годов стало переломным моментом в творчестве Цейтлина. «Глобус», в который было вложено столько сил и средств, пришлось закрыть. Писатель оставляет романтическую тематику. Символично, что сатирическая комедия «Вейцман Второй» напечатана в одном из последних выпусков «Глобуса» в 1934 году. Цейтлин много размышлял тогда о модернистском, синтетическом искусстве, о слиянии еврейского театра с новым медиумом – кино. Об этом он много писал в журнале «Унзер Экспресс». Интерес к кино остался у Цейтлина на всю жизнь. Позже он много лет вел колонку кинокритики в «Театральной газете» (Театр цайтунг), выходившей под его редакцией в Америке. Цейтлин вырабатывает тогда принципы «идео-пластического театра», которые сразу же перелагает на практику в сатирической антиутопии «Вейцман второй». Писатель много размышляет о синтезе искусств, о роли кино в «пропаганде еврейской культуры». Цейтлин также пишет об «игре масок в обществе». Он несомненно испытывал влияние модернистских и революционных веяний, в частности «условного театра», театра «социальной маски» Всеволода Мейерхольда. Цейтлин посвятил «Вейцмана Второго» писателю и редактору Аврааму Кагану. В посвящении Цейтлин писал: «Многоуважаемому Ав. Кагану автор посылает свою игру масок (маскен-шпиль – идиш), общественную клоунаду, так похожую на правду».

* * *

Пьеса «Еврейское государство, или Вейцман Второй» полна пророческих предсказаний – приход к власти Гитлера, «окончательное решение» еврейского вопроса в мире, поголовное изгнание всех евреев, как виновников мирового зла. Комедия начинается трагедией – евреев депортируют

в Палестину, где они создают государство. Затем – неизбежные интриги и взаимная вражда и в конце концов бунт, крах еврейского государства и организованное возвращение евреев назад в диаспору.

В «Вейцмане Втором» выведены не только еврейские и мировые деятели, но и простой народ, нарицательные фамилии-«маски» еврейской народной комедии: торговец сельтерской водой Хаим-Янкель (имя в идише нарицательное, означает простака, а то и местечкового дурака), владелец комиссионки Йерухимзон, американский еврей из Палм-Бич Ирвинг Кнейдельман. Среди репатриантов сразу же обозначается два лагеря. Во главе мечтающих вернуться в диаспору стоит малосимпатичный Вейцман Второй – родственник сионистского лидера Хаима Вейцмана, единственный еврей, которому разрешили остаться. Он неустанно добивается для евреев «права на возвращение». Удивительное совпадение среди многих в пьесе, оказавшихся реальностью: президентом Израиля действительно был племянник Хаима Вейцмана, который преждевременно ушел с поста со скандалом.

Другой лагерь «поселенцев» – идеалисты, приехавшие поселиться навеки в земле предков, заняться земледельческим трудом, осуществить утопию и, самое главное, «забыть изгнание». Во главе поселенцев, готовых осуществить библейские пророчества, встает не кто иной, как Вечный Жид. Поселенцы носят сионистские имена, которые любили давать в 20-50 годы в Израиле «новому ивритскому человеку» – например, Шолом Бен-Хорин (буквально – Мир, сын свободных – ивр. шалом, в идише произносится шолом).

Хорошо узнаваемая жалкая действительность и фарсовые церемонии в Еврейском государстве – не совсем плод творческой фантазии Цейтлина. Цейтлин вместе со старшим братом Эльхананом репатриировались в Палестину в 1921 году. Он прожил там девять месяцев. В Яффо Цейтлин познакомился с поэтом Йосефом-Хаимом Бреннером. До самой трагической гибели Бреннера они обменивались

письмами. В стихотворении памяти Бреннера, написанном в 1933 году, Цейтлин патетически пишет про Страну Израиля «Там место, там!», вспоминая последнее письмо из Яффо, где Бреннер писал про Страну Израиля «Здесь [наше] место». Цейтлин навсегда сохранил глубокую сентиментальную связь со Страной Израиля. Зато реальная еврейская политическая жизнь казалась ему мелочной, недостойной и жалкой.

* * *

Вернемся к пьесе. Она напоминает творческие концепции советского кинематографиста Дзиги Вертова «правдоюла». Действие стремительно перемещается с места на место. Массовые сцены сменяются диалогами, песнями и интерлюдиями. Пьеса начинается прологом. После прихода Гитлера к власти раздражается мировая война. Все правительства обвиняют евреев во всех проблемах и решают депортировать их в Палестину. Евреям разрешается создать свое государство. Гитлер в сопровождении дипломатов из разных стран провозглашает изгнание всех евреев. Только Вейцману Второму разрешают остаться в Лондоне.

Затем вслед за камерой Чарли Чаплина мы следуем на океанский лайнер. Здесь собраны все еврейские деятели и знаменитые евреи, следующие в Палестину. Они заняты произнесением речей. Сцена эта интересна очень точной передачей позиций разнообразных еврейских партий. Карикатура здесь часто исторически достоверней длинных манифестов и деклараций.

Третья картина переносит нас в Тель-Авив, где евреи устраивают карнавал в честь создания государства и избрания первого президента Альберта Эйнштейна. Интересно, что через 20 лет после написания пьесы руководители Израиля тоже предлагали реальному Альберту Эйнштейну пост президента Государства, но великий ученый вежливо отклонил заманчивое предложение. Пока народ веселится на улицах,

намечаются разногласия между теми, кто ищет временно-го убежища и хочет «государства, как все государства», и теми, кто требует немедленного возрождения царства дома Давида. Празднования, как и политическая борьба, никогда не затихают в еврейском народе. Даже в гетто и нацистских концлагерях и того и другого было достаточно.

В следующей сцене мы попадаем в столицу Еврейского государства Иерусалим. Пока Тель-Авив празднует, в столице назревает заговор против президента Эйнштейна. Честолюбивые политики ведут войны за престиж, а близорукое общественное мнение не готово больше терпеть трудности. Народ хочет назад, в диаспору. Во главе движения «возвращенцев» становится жена президента, голливудская актриса Александра. Жены еврейских лидеров в действительности тоже отличались политической активностью. Жена Бен-Гуриона Поля яростно, чуть ли не с кулаками бросалась в коридорах Кнессета на политических противников мужа, посмеявших критиковать ее супруга, требовала прервать заседания правительства, потому что Бен-Гуриону пора обедать и принять лекарство. Жены Ицхака Рабина и Биньямина Нетаньяху не стеснялись вмешиваться в дела государственного управления, а Ариэль Шарон ввел своего сына в парламент и государственные дела. Очевидно, с ростом всеобщей американизации, переживаемой израильским обществом, придет к нам царящий в Америке политический nepoтизм. Вероятно, мы еще увидим, как жены наследуют, а то и отбирают у мужа высший политический пост.

Следующая сцена открывается яростными спорами. Евреи хотят обратно в Европу. Во время массовых беспорядков Александра захватывает парламент в Иерусалиме. На сцене мятежники арестовывают президента Эйнштейна и молодых поселенцев во главе с Шоломом Бен-Хорином. Победители в едином порыве поют сионистский гимн «Надежда» («Атиква»), позже ставший гимном Государства Израиль, извращая слова в свете новой политической перспективы возвращения из Сиона.

*Пока в наших сердцах
Дышит еврейская душа...*

*Еще не потеряна наша надежда
Которой две тысячи лет,
В страны изгнания наши любимые
Вернуться всем нам навек...*

(вместо: «Быть свободным народом на своей Земле На земле Сиона и Иерусалима», как в каноническом тексте гимна Нафтали Герц Инбера)

* * *

Сцены стремительно сменяют одна другую. На празднестве в честь новой правительницы, униженного заключенного Эйнштейна заставили петь в наказание серенаду, написанную дворцовым графоманом. Чарли Чаплин интервьюирует бывшего президента. Затем новая сцена – «Дворец мечты», созданный Александрой: временная мера, пока не станет возможным вернуться в диаспору. Кажущаяся простота пьесы скрывает сложную символику, поскольку «дом мечты» – еще и «фабрика грез», обычный синоним Голливуда, утверждавшийся в начале 30-х годов.

По доброй воле редкие евреи выбирали Израиль. И сейчас, когда в Германию ежегодно эмигрирует больше евреев, чем в Израиль; израильтяне в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке со слезами на глазах расппевают «Аतिकву»; в Москву вернулось свыше 50 тысяч израильтян; в посольствах Польши или Словакии, ставших в Холокост огромным еврейским кладбищем, стоят огромные очереди израильтян, мечтающих о восстановлении гражданства, потерянного их дедами, поражает точность прогноза драматурга.

Грезы и мечты маленьких людей, еще с библейских времен вспоминающих «горшки с мясом» на оставленной

старой родине, сталкиваются здесь с мессианскими идеями Вечного Жида, попавшего на корабль вместе с остальными евреями. Вечный скиталец твердо решает поселиться в Земле Израиля и бороться за создание Царства Давида. Он призывает людей забыть изгнание. Как и во времена библейского исхода из Египта, общество разделилось на «помнящих изгнание» евреев-космополитов и тех, кто предпочитает забыть изгнание-диаспору, отказаться от мира и навек поселиться в земле предков. Вечный Жид зовет их на идише фрумэ фаргесер (буквально «пылких забывших»), хотя слово фрумэ в идише имеет значение «горячо верующие, богобоязненные, исполняющие религиозные заветы». Цейтлин предвидит, что революционный пыл светских сионистов, как правых, так и социалистов, не переживет поколения отцов-основателей, а идеи восстановления Еврейского государства неизбежно свяжутся с религиозным мистицизмом.

После образования реального Государства Израиль совершенно не верующий и не исполнявший никаких религиозных заветов первый израильский премьер-министр Бен-Гурион встретился с лидером ультрарелигиозных жителей Иерусалима по имени Хазон Иш. Они пытались договориться о статусе резко враждебных сионизму религиозных евреев в новом государстве. Два деятеля не понравились друг другу, но от встречи остался рассказ. На вопрос Бен-Гуриона «Как же поступать?» раввин ответил, что когда на узком мосту встречаются две телеги, то пустая уступает путь нагруженной. Под нагруженной телегой он имел в виду иудаизм.

В «нагруженной телеге» тоже всякого добра хватает. Иерусалимский раввин Авраам Кук увидел в делах сионистов-социалистов признаки наступления времен прихода мессии, предсказанного у библейских пророков. Тогда, в 20-е годы, его учение не вышло за круг его учеников и вызвало резкие нападки в среде раввинов того времени. Раввин Авраам-Ицхок Кук (1864-1935) много размышлял не только над сутью сионизма, в котором услышал колокольчики ослицы, на которой едет

Мессия. Рабби, ставший позже главным раввином Палестины, рассуждал о каббалистических теориях мироздания, о нарушении миропорядка и распаде мирового Света Шбират Келим, в результате чего по миру рассыпались Божьи искорки нецицот, из которых получились души людские, как еврейские (финкэле ид – идиш), так и другие. В книге Орот ха кодеш (священный свет – ивр.) раввин учил, что «отличие души еврея от души гоя носит существенный характер, их отличие больше и глубже между собой, чем отличия души человека от души скотины. Отличия души скотины и человека – количественные. Еврей же отличается от гоя по качеству и по существу». Разумеется, мнение ученого раввина не сильно отличается от рассуждений о широте, доброте и благородстве русской, украинской, славянской, немецкой, грузинской, христианской, крестьянской или дворянской души по сравнению с «чужими», которые «хуже диких зверей». Зато дает представление о том, какие законы могут учредить некоторые ретивые последователи идей «государства галахи (еврейского канона)», «иудейского руководства» и «эпохи прихода мессии», имеющих хождение в современном Израиле.

Во времена Цейтлина политический мистицизм искали в возврате к доиудейским божествам и ханаанским ритуалам, к символике нового язычества, набиравшего силу в Европе. Не только сионисты-ревизионисты Жаботинского, но и самые правые, вроде группы вокруг лидера подполья Яира (Авраама Штерна), в 20-30-е годы связывали свои чаяния с ростом национализма в Европе. Программная работа Штерна «Третье иудейское царство» полна буквальных заимствований и ассоциаций с тысячелетним «Третьим рейхом немецкого народа». Журналист Абба Ахимер писал в тель-авивской газете «Доар-айом» колонку под названием «Дневник фашиста», а его немногочисленные сторонники из организации «Брит Бирйоним» в одинаковых рубашках маршировали по улицам, приветствуя друг друга характерным жестом. Впрочем, и руководившие в 20-30-е годы сионисты-социалисты не гнушались контактов с европейскими фашистами.

Хаим Вейцман посетил Италию и вернулся преисполненным восторга от Муссолини. С началом Второй мировой войны сионизм с отвращением отбросил все иллюзии, связанные с фашизмом, хотя наследники застреленного британскими полицейскими Штерна предлагали нацистам поддержку в обмен на помощь в создании еврейского государства. Далекий от религиозных исканий Цейтлин гениально предвосхитил тенденцию развития, казавшуюся невероятной современным ему политическим мыслителем. Он предсказывает появление религиозной мессианской идеологии, связанной не с находившимся в глубоком кризисе и враждебным к любым переменам иудаизмом его времени, а с появлением религиозно-национального политического фундаментализма, прямо зывающего к библейским текстам.

Тем временем события в пьесе стремительно развиваются. В Европе закончилась война. Начались голод и разруха. Там снова нужны евреи – ведь кого-то нужно обвинить в несчастьях и проблемах. Действие перемещается в Лондон. Изменившаяся конъюнктура позволяет Вейцману Второму договориться о возвращении евреев в диаспору, а заодно решить и собственные проблемы. Ведь ему, единственному еврею, скучно в мире, где больше нет евреев. В Женеве собираются представители всех правительств. Они публикуют новую «Декларацию Бальфура». В отличие от реальной «Декларации Бальфура» от 2 ноября 1917 года, провозгласившей право еврейского народа на создание национального дома в Палестине, новый документ гарантирует национальные права евреев на интернационализм и дарует им право не иметь своего национального дома.

Следующая картина, с которой мы начали рассказ. Празднующая толпа в порту Хайфы готовится подняться на корабли, везущие их назад, в диаспору, в оставленные дома. На трибуне Вейцман Второй с торжественной «сионистской-наоборот» речью. Чарли Чаплин снимает заключительную сцену фильма.

*«Хватит хныкать, – крикнул возчик. –
На кого тебе пенять?
Сам родился ты теленком,
Сам не хочешь, друг, летать».*

*Припев:
...Дона-дона, дона-дона,
Дона-дона...*

Чарли Чаплин уплывает на корабле вместе с «возвращенцами» из Сиона. Со сцены уходит традиционный шломизель, с библейских времен до наших дней сопровождающий еврейскую народную жизнь, фольклор и литературу. Вместе с ним уходит душа еврейского народа – юмор. Остается гротеск. Вечный Жид провожает «возвращенцев» словами: «Плывите себе, дети, на здоровье. Сил моих больше нет, чтоб скитаться». Чаплин замечает в ответ: «Как вам будет угодно. Чаплиниада заканчивается, и начинается мистерия». Мистерия здесь тоже пародия, в стиле «Мистерии буфф» Маяковского в постановке Мейерхольда. Однако вернемся назад, потому что камера Чаплина запечатлела далеко не все события пьесы.

Арестованного за антиправительственные выступления Вечного Жида приводят в пещеру, где уже сидят заключенные поселенцы. Вечный Жид открывает им тайну. Он рассказывает молодым идеалистам легенду о крестьянском царе Шоломе, который принесет освобождение и восстановит царство Давида. Оказывается, что совсем неподалеку в пещере уже две тысячи лет спит заколдованная Шоломит (Суламифь из «Песни Песней»). Простому человеку, сыну Израиля с именем Шолом, суждено разбудить Дщерь Иерусалимскую и жениться на ней. От этого брака встанет из небытия Царство Давида. Молодые поселенцы во главе с

Шоломом Бен-Хорином вдохновляются. Их мечта оказывается не столь уж далекой от осуществления. Вечный Жид ведет их в соседнюю пещеру, где сон прекрасной Шоломит охраняют десять каббалистов. Поселенцы во главе с Вечным Жидом и Шоломом Бен-Хорином начинают обряд возрождения Еврейского царства дома Давидова. Они будят Шоломит, произнося стихи из «Песни Песней»: «Вернись, вернись, Суламифь! Вернись, вернись, – насмотришься нам на тебя» (Песнь песней 7:1, в русской традиции 6:13). Суламифь пробуждается. Все, что случилось с еврейским народом в течение двух тысяч лет истории, стирается из памяти поселенцев. Раны изгнания изглаживаются в их сердцах. Поселенцы гордо шагают, выходя за пределы истории. Их ждут великие дела. Впереди – свадьба Шолома и Шоломит.

Интересно, как видел Цейтлин сценическое воплощение финала комедии? Здесь напрашиваются ассоциации с кинематографом великих мастеров киномонтажа Сергея Эйзенштейна или Дэвида Гриффита с Мери Пикфорд или Верой Холодной в роли Суламифи.

Хайфский исследователь-идишист Ихиэль Шейнтох, чьи статьи здесь использованы, считает, что «Вейцман Второй» к концу переходит из сатирической комедии в героическую мистерию, а поселенцы во главе с Вечным Жидом – отдельная, не сатирическая, а героическая группа героев, выражающая идеал автора. Шейнтох посвятил свою карьеру исследованию творчества Цейтлина. Очевидно, он лучше, чем кто-либо, может отвечать на школьный вопрос «что хотел сказать писатель?» Так или иначе, но драматическое произведение зависит от режиссерского прочтения. В наш век деконструкции мифов вряд ли кто-нибудь возьмется ставить пьесу Цейтлина в героическом ключе революционных мистерий.

Невероятно, чтоб Цейтлин – энтузиаст еврейской культуры и истории, космополит, публиковавший вместе с Зингером декларацию о «Космическом искусстве», видел выход в отказе от истории и культуры. Все его творчество – анти-

теза бытующей кое-где среди нас идеи о некоем «еврейском мире», расположенном вне времени, вне истории, а часто и вне географии. Еще трудней поверить, что коренной «литвак» Цейтлин (он родился в местечке Обручи в Белоруссии), выходец из совершенно чуждого мистике мира литовских йешив, сын видного деятеля рационалистического движения еврейского просвещения Хаскалы писателя Гилеля Цейтлина, мог соблазниться мистическими заклинаниями и увидеть воплощение идеала в каббалистических ритуалах. В его круге каббала считалась признаком отсталости, пережитком народных суеверий, а то и язычества и дикости. Было еще далеко до нынешних времен, где певица Мадонна увлекается модной еврейской мистикой, супруга израильского министра иностранных дел навязчиво раздает каббалистические амулеты, а благословения и проклятия раввинов-каббалистов играют огромную роль в израильской политике. Очевидно, перед нами едкая пародия на современных ему сионистов и гениальное сатирическое предвидение мессианских течений и ересей, захлестывающих современное еврейство.

Несколько слов о семантике, вероятно, непонятной современному русскому читателю. Книгу Герцля «Государство евреев» (или «Еврейское государство», что больше соответствует современной концепции сионизма) на современный иврит принято переводить словом *медина* – то есть, согласно словарному значению, «страна, государство, светская власть в противоположность власти религиозной». В идише, включающем древнееврейский язык в качестве языкового подмножества, это слово тоже имеется. Например, *Голдене меди́нэ* – Золотой страной евреи называют Америку. Цейтлин использовал другое слово – *мелухэ*: буквально «царство». В современном идише это тоже государство: например, Советское государство – *Советише мелухэ*. Здесь пролетарские евсекции решились коренным образом разбить традиционное значение. Понятие «царство» в еврейской среде имело два противоположных значения – еврейское царство Давида, идеальное библейское общество, и еще небесное царство,

которое возродит на Земле мессия в конце времен. Всякое другое царство заведомо враждебно евреям, это источник беспокойства, гонений и преследований. В еврейском языке огромное число поговорок и афоризмов, выражающее это отрицательное значение мелухэ. Сионистские реконструкторы иврита были более чувствительны к традиционным подтекстам, когда предпочли нейтральное медуна столь заряженному мелиха (малхут в современном иврите). Не менее чуткий к языковым тонкостям Цейтлин (об этом говорит необычайно богатый символический язык его поэзии и драм) неслучайно выбирает сатирическое «царство», покрывающее огромное и часто парадоксальное семантическое поле.

Тексты Цейтлина насыщены богатым символизмом, пронизаны еврейскими и нееврейскими подтекстами, мифологическими и литературными намеками и ссылками, рассчитаны на хорошо подготовленного читателя. Выбрав Вечного Жида на роль провозвестника мессии или самого мессии, Цейтлин сознательно привносит нееврейские мотивы. Легенда о Вечном Жиде – Агасфере вовсе не еврейская, а христианская. Легенда гласит, что иерусалимский ремесленник оттолкнул Христа, остановившегося отдохнуть возле его дома на Крестном пути. Каноническая версия легенды состоит из двух фраз – Агасфера: «Иди, чего ты медлишь?» и Христа: «Я пойду, но и ты пойдешь, и будешь ждать меня!» Несомненно, легенда Цейтлину хорошо известна, хотя судя по глубоким иудейско-христианским аллюзиям его пьесы «Яков Франк». Несомненно, что Цейтлин знал и о связи легенды о Вечном Жиде с циклом легенд и пророчеств об Антихристе, который грядет в конце времен, восстановит Еврейское государство и храм в Иерусалиме, предвещая Второе пришествие Иисуса Христа.

Вечный Жид напутствует возвращенцев фразой: «Я иду к евреям, которые остаются». Даже если здесь Вечный Жид – ответ Цейтлина христианской легенде, вряд ли такая концовка была пределом мечтаний писателя, удивительным образом сочетавшего глубоко еврейское и интернациональ-

ное сознание, не разделявшего мир на Рим и Иерусалим. Да и ссылка на отказ от исторической памяти и выход за пределы истории скорей говорит о загробном характере Царства дома Давидова, в которое бодро шагают поселенцы во главе с Вечным Жидом. Образ Вечного Жида не случаен в пьесе. Цейтлин использовал этот образ в своих ранних стихах 1916 года, а затем не раз возвращался к нему. В «Вейцмане Втором» Вечный Жид появляется в творчестве Цейтлина в последний раз. По-видимому, писатель исчерпал для себя возможности персонажа. Незвестный в еврействе сюжет Спящей красавицы еще больше подчеркивает пародийный характер «игры масок, так похожей на правду».

* * *

*Пока к Стене плача обращаем наши глаза,
От разорения Храма нас пробирает слеза,
Еще не потеряна наша надежда...*

Этими строчками из стихотворения «Надежда» («Атиква»), не вошедшими в текст израильского гимна, начал свое выступление раввин Исраэль Ариэль на мероприятии под названием «Храмовая трапеза» в Иерусалиме в январе 2005 года. «Кто поет это сейчас?» – риторически вопрошал раввин, больше известный как идеолог крайних мессианских движений. Раввин Ариэль живет под наблюдением контрразведки ШАБАК, где его зовут «революционером на пенсии». «Государство Израиль может существовать лишь при единственном условии, – продолжал Ариэль, – как государство, в центре которого Третий храм. Иначе – это просто страна, как все другие страны». Раввина считали духовным отцом «еврейского подполья» 80-х годов, давшего благословение на убийства арабских мэров, минирование гражданских автобусов и другие террористические акты и, самое главное, благословившего попытку взрыва мечетей на Храмовой горе. По его мнению, высказанному в том

самом выступлении, у проблем Израиля сегодня единственная причина – «в нашем грехе», в том, что «мы забросили Храмовую гору и место святилища».

Трудно было отделаться от впечатления, что играют продолжение пьесы Цейтлина. Хотя Еврейское государство существовало к тому времени больше полувека, Иерусалим был его реальной столицей, в зале сидело несколько сот человек и действие происходило не в тайной пещере, а в Биньяней а-Ума – Центральном дворце съездов Государства Израиль. Мероприятие было посвящено роли восстановления Третьего храма в деле возрождения еврейского государства. Студенты йешивы, готовящей храмовых жрецов к моменту прихода мессии, демонстрировали пошитые ими храмовые облачения. В коридорах продавали хлебцы и облатки, выпеченные в точности «как это делали в Храме», бойко торговали моделями Третьего храма, который они намерены скоро отстроить. В зале отдавали почести американской миллионерше Су Бейн Дейвис, оплатившей все действие группы, называвшей себя «революционеры [Храмовой] горы и Храма». Политики, раввины, бывшие, а возможно и нынешние, подпольщики и даже один профессор и один депутат парламента горячо спорили о всемирно-историческом значении восстановления Храма. «Сионистское пробуждение не проповедовало открыто о святине, – говорил с трибуны Йегуда Эцион, бывший участник «еврейского подполья», отсидевший срок в израильской тюрьме. – В этом смысле современный Израиль – его законный наследник. И лишь подспудно, неосознанно в ней теплилась святость нашей революции...» По мнению участников собрания, только отстроенный заново Храм Соломона будет знаменовать настоящее создание подлинного Еврейского государства в границах божественного обетования, а не тот «полумерок», который создали светские сионисты-социалисты. Молодой политик, претендующий на монопольное владение титулом «иудейское руководство», рассказывал с трибуны о народных чаяниях: «Во время праздничного обеда мой маленький сын пропал. Мы долго искали его повсюду, а нашли его в детской комнате.

Он строил из кубиков Третий храм!» Согласия в товарищах, как обычно, не было. Знакомый активист, студент иерусалимской йешивы основанной раввином Куком подытожил свою политическую программу: «Поставить царя, отстроить Храм и убить Амалека». На вопрос, кого он считает извечными врагами, Амалеком, он в ответ не колебался: «Тебя тоже». Зато насчет кандидатуры царя у него были большие сомнения.

Незадолго до того в маленьком иерусалимском ресторанчике собралась группа молодых людей в черных штанах и одинаковых рубашках свекольного цвета под водительством зятя старого раввина из Перми. Под лозунгом «Это наша земля от Хуанхэ до Рио-Гранде» они всю занималась «возрождением народных обычаев» – колдовали, сливали вино в сторону Восточного Иерусалима в надежде вызвать массовое бегство арабов. Жгли какие-то клочки, чтоб вызвать гибель еретических израильских деятелей, и всячески наводили порчу на врагов еврейского народа. До гротеска, который нарисовал Цейтлин, не хватало лишь спящей в гробу Суламифи – Дщери Иерусалима. Да еще среди ребят не было никого, годящегося ей в женихи. В их магии и внешнем виде начисто отсутствовали признаки сексуальности, играющие огромную роль во всей практической магии каббалы.

Я спросил тогда знакомого религиозного журналиста, как он относится к возрождению Третьего храма.

– Понимаешь, все бы здорово, но массовое убийство животных, практиковавшееся тогда, противоречит современным нормам, да и еврейскому канону – галахе – тоже. Я бы не хотел, чтоб такая кровавая бойня каждый день происходила в Иерусалиме на глазах всего мира.

* * *

*И за что телят зарежут,
Им никто не объяснит.
А кому мила свобода,
Тот, как ласточка взлетит.*

*Re:
lakht der vint in korn,
lakht un lakht un lakht,
lakht er op a tog a gantsn
mit a halber nakht.
Dona, dona, dona, dona....*

Если бы еврейское государство возникло в 1936-1937 годах, смогло бы оно изменить историю, спасти евреев от наступавшего Холокоста? Известно, что история не имеет сослагательного наклонения и ставить вопрос «что бы было, если...» некорректно в научной дискуссии. Зато в политическом, общественном и особенно в художественном диспуте на такой вопрос можно бы ответить. Американский историк Питер Новак в замечательной книге «Холокост в американской жизни» доказывает, что не смогло бы маленькое нищее государство принять значительного числа евреев или, тем более изменить ход Второй мировой войны. В 30-е годы в Палестине могло бы возникнуть лишь крохотное еврейское государство в границах еврейского заселения 40-х годов. Речь не шла не только о Западном берегу Иордана. Даже о Негеве речи не было, да и когда зашла, то, по рассказам очевидцев, в 1948 году советскому представителю в ООН Андрею Громыко чуть ли не угрозами пришлось уговаривать израильских представителей не уступать. Рассказывают, что Громыко кричал будущему главе израильского правительства Моше Шарету: «Без Негева вы ничто!». Государство это было бы нищее. Сегодня принято упрекать британцев, не давших сионистам по-настоящему развернуться. Опубликованные исторические документы, в том числе из британских и израильских архивов, говорят обратное. Репатриация и заселение Земли Израиля зависели не столько от доброй воли колониальных властей, сколько от финансовых возможностей сионистских организаций. Да и без документов известно, что британская власть добросовестно исполняла Декларацию Бальфура, разрешила увеличение еврейского

населения в Палестине в десять раз, способствовала созданию независимых органов еврейского самоуправления со своими вооруженными формированиями, чего не допускалось у арабов Палестины. Лишь в 1936 году, во время арабских беспорядков (или Великого арабского восстания, как их называют арабские историки) британцы поняли сложность и неразрешимость конфликта. Именно тогда в Британии осознали впервые неизбежность своего ухода из Палестины и бессилие в решении арабско-еврейского конфликта там. Неслучайно Палестина была единственной колониальной территорией, откуда британцы ушли, не наведя порядка и не прекратив вооруженный конфликт.

Возникнув в 1933-1936 году, еврейское государство неизбежно оказалось бы на грани финансового банкротства, как и в 1948 году. Краха не случилось лишь благодаря значительным репарациям из Германии за кровь евреев во времена нацизма. Германская финансовая помощь позволила покончить с карточной системой и начать экономическое развитие. Книга «нового» историка Тома Сегева «Седьмой миллион» и официального израильского историка Дины Порат «Вожди в ловушке» единодушны в выводе, что там смогли бы принять, а тем более организовать значительное число еврейских беженцев. Разумеется, спасение каждой души – это спасение целого мира.

В других вопросах – что могли бы сделать и не сделали – историки расходятся. С началом Второй мировой войны молодое государство оказалось бы в сложной политической ситуации, окруженное пронацистскими режимами – Ираком, Ираном и Египтом и вишисткой администрацией в Сирии, да и большой немецкой колонией в самой Палестине. Британское присутствие в Палестине позволило организовать тогда серию переворотов в арабских странах, а переброшенные туда польские и французские бойцы Сопротивления способствовали захвату Сирии. С началом Второй мировой войны вокруг Палестины складывалась угрожающая ситуация. Сомнительно, что без британских войск удалось бы

ее отстоять. Итальянская авиация несколько раз бомбила Тель-Авив. Вторжение корпуса Роммеля в Палестину считалось неизбежным. Бен-Гурион всерьез рассматривал в 1941 году планы эвакуации всего еврейского населения на гору Кармель в Хайфе, где обреченные евреи собирались дать последний бой наступавшим германским войскам. Роммеля остановили под Альбукерком, а его поражение определили героические действия британцев по блокированию линий снабжения, а еще больше героизм советских солдат на Восточном фронте.

Вряд ли маленькое еврейское государство в Палестине смогло бы как-то повлиять на исход Второй мировой войны. Вероятно, стараясь спасти евреев и выполнить свой национальный долг, еврейское государство неизбежно пошло бы на уступки и соглашения с нацистской Германией и ее союзниками. В накаленной атмосфере Второй мировой войны, где «ты за наших или за фашистов», еврейское государство могло бы оказаться в стане держав фашисткой оси. Сомнительно, что даже тогда удалось бы вывезти из Европы значительное число евреев. Зато вероятно, что после войны еврейское государство оказалось бы не в стане победителей, ощущающих вину перед еврейским народом, а в стане побежденных.

Да и в военное время любое сотрудничество еврейского государства с нацистами неизбежно повредило бы еврейским общинам в мире. В США власти не встретили бы большого сопротивления, если бы вместе с миллионами немцев, итальянцев, японцев, венгров и других американцев, происходивших из стран оси, интернировали, а затем и выслали бы евреев. Во всяком случае, в 50-е годы, в разгар маккартизма в США, большинство изгнанных «коммунистических агитаторов» составляли евреи. Среди них оказался и реальный Чарли Чаплин.

Еще более вероятна в таком случае депортация евреев из больших городов СССР в восточные районы. Подобно крымским татарам, чеченцам, ингушам, немцам их запросто

могли объявить «народом-предателем». Ведь после образования Государства Израиль евреи перестали там быть «советским народом» и стали иностранной нацией. Похоже, в СССР планировали депортацию евреев на Дальний Восток и в Сибирь, сначала в 1948 году, а потом в 1953-м. Хотя здесь тоже не все просто. Для такой операции нужны списки в каждом ЖЭКе, в каждом райисполкоме, в каждом министерстве; нужны тонны документов – накладные на вагоны, бараки, довольствие если не для ссыльных, то по крайней мере для ВОХРа. До сих пор не обнаружено ни одной бумажки.

Существует другое объяснение. Раздувая панику, советские власти надеялись вызвать массовую истерию и репатриацию евреев в другом направлении – в Израиль. Здесь не было нужды в создании особых структур. Государственное управление по репатриации переместило до того миллионы поляков, армян и других. СССР оказал решающую помощь молодому еврейскому государству в деле отражения арабских армий, вторгшихся в страну, и в деле строительства Армии Обороны Израиля. СССР располагал в Израиле огромной агентурой, вероятно, надеялась на создание там государства народной демократии. Во всяком случае, многие в Израиле ждали массовой репатриации из СССР, кто с надеждой, а кто со страхом.

Крупнейший советский специалист по Ближнему Востоку Евгений Примаков неоднократно говорил в интервью, что «Громыко голосовал за Израиль, надеясь, что туда приедут наши люди строить социализм». Зерах Варгафтик, депутат Национального собрания, подписавший Декларацию о независимости Израиля, рассказывал мне, что Бен-Гурион в 1947 году уговаривал испуганных министров голосовать за провозглашение независимости, обещая два миллиона евреев из СССР в течение двух лет. Однако это уже другая утопия, заслуживающая отдельного рассказа.

СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ: АННА-ВАННА – НАШ ОТРЯД ХОЧЕТ ВИДЕТЬ ПОРОСЯТ!

Мой хороший друг, выросший в семье, где разговаривали по-еврейски и ценили еврейскую культуру, считает, что самый еврейский город в мире – Нью-Йорк. «За 4 года здесь я повидал больше еврейского, чем за четверть века в Израиле», – любит говорить он, приводя длинный список культурных событий великого города, любящего заявлять, что он никогда не спит. Действительно, вот уже в течение более 100 лет Нью-Йорк и его окрестности стали домом для крупнейшей в мире еврейской общины. Дня не обходится без мероприятия, так или иначе связанного с еврейством – выход книг и журналов, премьеры спектаклей, театральные, музыкальные и кинофестивали, премьеры кинофильмов и спектаклей, гастролы, презентации... Хорошо еще то, что еврейское и американское здесь никак не разобщены, и их можно сочетать в любой пропорции. Разобраться в пестром калейдоскопе непросто и еврейские газеты здесь не помогают. Некоторые больше заняты выяснением того, что же такое «еврейское», причем иногда у них доходит до абсурда, когда «еврейская культура» и «культура евреев» оказываются вещами разными и даже противоположными. Другие издания переполнены восторгами от самого факта «еврейства» тех или иных событий, тем, мотивов и личностей, что некритически советуют все подряд. Большие, уважаемые газеты, вроде Нью-Йорк Таймс тоже не всегда помогают, потому, что освещают, как правило, события коммерческие либо скандальные. Лично мне следить за бурной жизнью еврейской культуры помогает журнал «Американский Католический Репортер» неоднократно доказывавший хороший вкус, объективность и проницательность своих культурных обозревателей.

Благодаря «Католическому репортеру» мою коллекцию пополнил компакт-диск обработок классических произведений, записанный «Клейзмерским оркестром Ширим» из Бостона. Раньше я писал о планах известного нью-йоркского клейзмера Дейвида Кракауэра создать обработку произведений Густава Малера (1860-1911). В Бостоне об этом тоже думали и предлагают любителям этого замечательного композитора – австрийского, чешского и, одновременно, очень еврейского. Настоящей жемчужиной является обработка детской оперы Сергея Прокофьева «Петя и волк» для клейзмерского ансамбля. Она и дала название диску. Только, по-еврейски вышел не традиционный враг русского крестьянина – волк, а свинья, толстый кабан – некошерный злодей и проходимец Хозир (свинья, евр.). Диск так и назвали «Пинхас и Хозир». Текст на идише написал Морис Сендак, описавший Хозира, как жирного, щетинистого, и всегда отвратительного злодея. И бывший мальчик Петя, а ныне Пинхас становится героем, хотя обложку украсил как раз «плохой» Хозир.

Написанная в 30-е годы в Москве опера ставила, помимо прочего, задачу ознакомления детей с различными музыкальными инструментами. Клейзмеры следовали этой традиции – мотив Пинхаса ведет, (кто же еще?) кларнет, мотив кабана-Хозира – вместе труба и тромбон. Другие персонажи представлены тоже – утка – тромбон, птичка – пианино и кот – необычным для клейзмерского состава банджо. Музыка иногда мягкая, приторно-сладкая, иногда резко-жесткая, чем-то напоминает традиционный кисло-сладкий вкус кухни европейских евреев. Вместе с диском в коробке красивая цветная брошюра, знакомящая с некоторыми особенностями разговорного идиша.

* * *

Образ свиньи разными путями постепенно возвращается в еврейскую культуру. Надо сказать, что этот образ вовсе не чужой там, и далеко не всегда был отрицательным. Разведение

свиней стало образом и метафорой целой героической эпохи еврейской литературы и истории. В 1928 году Авраам Каган публикует рассказ «Свинья». Местечковый еврей Йойлик переезжает из разрушающегося и нищающего местечка в сельскохозяйственное поселение и местное отделение Агро-Джойнт дает ему в хозяйство свинью на разведение. Дело происходит в канун Судного дня и Йойлик вместе с другими стариками поститься и молится в миньяне, в то время, как молодые поселенцы и женщины продолжают работать. Йойлик пытается сосредоточиться на молитве, но голова его занята иным. Мысли о свинье не покидают его. Йойлик знает, что животное останется голодная, что его консервативная и упрямая жена недовольна подарком Джойнта. Она возмущена явной нелепицей – содержать свинью в еврейском доме. Возвращаясь после вечерних бдений в синагоге в Йом Кипур, Йойлик первым делом кормит свинью. Даже жена смягчается перед неоспоримыми аргументами Йойлика. Действие могло происходить в еврейском сельскохозяйственном поселении где угодно – в сионистском киббуце, в бундовской колонии в Аргентине или Восточной Европе, и, разумеется, в Биробиджане, в автономных еврейских районах Калининдорф, Сталиндорф и Новый Златополь в Украине, Фрейдорф в Крым. Там свиноводство и разведение другого некошерного животного – кролика становилось символом нового еврея. Рассказ Кагана стал программным и его даже распространялся в качестве пропагандистской брошюры.

Писатель Ицик Башевис-Зингер подчеркнул в своей Нобелевской речи, что идиш – язык, не имеющий слов для армии, для войны. Доктор Геннадий Эйстрах из Нью-Йоркского университета, из замечательного эссе которого позаимствованы наши примеры¹, рассказывает, что для идиша в новинку были термины свиноводства тоже. Спорили о том, как сказать на идише «опороситься» – опоросен

¹ Gennady Estraiikh Pig-Breeding, Shikshas, and other Goyish themes in Soviet Yiddish Literature and Life. Symposium; Fall2003, Vol. 57 Issue 3, p 157, 18 p.

зих или опхазэрн зих, а «свиноматка» – хазер-мутер или мутер-хазер? Впрочем, набожные евреи тогда воспринимали враждебно не только свиноводство, но и само занятие сельским хозяйством. В романе «Еврейский крестьянин» (1894) Мордке Спектор приводит типичное высказывание, что для еврея «стать крестьянином так же плохо, как и выкрестом». Как известно, крестившись, еврей «умирал» для своего народа и по нему справляли поминальный обряд, как по покойнику. В поэме «Хлеб» (1926) еврейского пролетарского поэта Изи Харика, главного героя называют антисемитом за то, что он призывает евреев переехать из местечка в коллективное сельскохозяйственное поселение, созданное в помещичьей усадьбе. Поэма эта изучалась в еврейских школах, причем педагогам в местечках настоятельно рекомендовалось проводить экскурсии в соседние коллективные хозяйства, чтоб своими глазами убедиться в счастливой жизни бывших деклассированных элементов – неоднократно описанных люфтменчей – людей воздуха (термин сиониста Макса Нордаум) .

Культурные процессы, происходившие в 20-30 гг. в еврейских массах во многом напоминали происходящее с российским еврейством сегодня. Как и тогда, народ лишился, а зачастую и сознательно отказался от преемственности культурной традиции, оказался без учителей, без наследия старшего поколения. Загнивающее и экономически несостоятельное местечко не могло привлечь симпатий молодых, перед которыми социализм, сионизм или коммунизм казалось, открывали безбрежные горизонты. Даже интеллектуальная еврейская элита в Советской России не захотела, а часто и не могла иметь никаких корней. Традиционные центры дореволюционной еврейской литературной и культурной жизни, находившиеся в Варшаве и Вильно, отошли к Польше. Маститые еврейские авторы к тому времени умерли или уехали в эмиграцию. На пустую авансцену вышли молодые авторы, не печатавшиеся до революции – Перец Маркиш, Давид Гофштейн, Лейб Квитко и, наверное, наиболее гениальный и виртуозный из них Ицик

Фефер. Они быстро превратились в наставников целого поколения еврейских литераторов. Более старшие – Дер Нистер и Давид Бергельсон, печатавшиеся до революции рассматривались ими, как наставники, а погибший революционный поэт Ошер Шварцман был провозглашен основателем советской еврейской литературы. Как и другие пролетарские литературы, евреи взяли себе в предшественники недавно умершего земляка Шолом-Алейхема. В сионистских и бундовских кругах происходили аналогичные процессы. Молодые литераторы искренне поверили в новую жизнь, в новые горизонты и охотно отбрасывали старые вещи, казавшиеся им мертвыми.

Однажды в израильской газете я написал, что «основатели сионизма расходились с московскими большевиками лишь в вопросе значения языка иврит». На меня обрушился шквал возмущенных писем читателей, а в определенного типа интернетовских форумах меня заклеили разными нехорошими словами. Между тем, факты наглядно показывают, что культурная и общественная программа сионизма мало чем отличалась от бундизма или коммунистических евсекций.

«Если еврей удовлетворяет свои культурные надобности по-еврейски, читает еврейские газеты, еврейские книги, ходит на еврейские лекции, если еврейский учитель обсуждает еврейские и мировые проблемы на еврейском языке, слушают радио по-еврейски, посылают своих детей в современные светские еврейские школы, то они несомненно евреи и принадлежат к еврейскому народу». Текст этот взят не из современной сионистской брошюры, а написан идишистским некоммунистическим гуру Хаимом Житловским на идише. Естественно, еврейским языком автор считает идиш. Новая жизнь несла новые слова и понятия. Эйстрах приводит целый список новых слов – шабесник, пейзаховник, йомкиперник. Так назывались выходные дни, хорошо передававшие иконоборческий характер новой жизни. Программа социалистического преобразования советского еврейства Центрального Бюро Еврейской Секции Коммунистической партии большевиков, написанное в 1926 году бывшей вид-

ной деятельницей Бунда Малкой (Эсфирь) Фрумкин, мало отличалась от подобных сионистских проектов. Сами евреи активно превращали синагоги в клубы, библиотеки, магазины, кинотеатры, спортзалы. Молодые коммунисты, как и молодые киббуцники или бундисты писали свои пасхальные предания Агадот, лепили свои идеалы с европейских фермеров, создавали новые обряды, как роутер брис (красное обрезание), куда приглашали и своих нееврейских товарищей. Интересно, что от обрезания тогда еще никто не отказывался, ни в самых атеистических киббуцах, ни в евсекциях, ни даже евреи, почитавшие себя шабес-гоями.

Писавший по-русски прозаик Давид Хаит посвятил документальный очерков о еврейской колонизации Биробиджана в середине 30-х годов рассказу о том, как еврейские колонисты были удивлены появлению в их краях общины русских субботников. В знак гостеприимства еврейские колонисты предложили соседям свои услуги в качестве шабес-гоев, для выполнения работ, которые еврейская традиция запрещает евреям производить в субботу, например, тушить в доме печь. В Израиле мне тоже приходилось слышать рассказы о том, как еврейские поселенцы освобождали русских сектантов-субботников от необходимости нарушать субботу.

Свиноводство становилось одним из символов новой еврейской жизни. В подмандатной Палестине, где местное население издавна неодобрительно смотрело на разведение свиней, лишь несколько киббуцев создали свиноводческие фермы, как процветающий поныне киббуц Мизра. По экономическим причинам не нашло распространения свиноводство и в пампасах Аргентины, где издавна разводили крупный рогатый скот. Зато в Советской России, особенно в Крыму, свиноводство стало одним из главных хозяйственных промыслов еврейских поселений, причем не только коммунистических. Сионисты-халуцим тоже активно разводили там свиней. В Крыму действовало несколько сионистских сельскохозяйственных ферм, готовивших молодежь к алие в Палестину. Свиноводство было главным промыслом в

крупнейшей сионистской ферме, носившей имя Тель-Хай в честь Иосифа Трумпельдора, командира еврейской самообороны ХеХалуц, трагически погибшего в одноименном поселении в Галилее.

В 1930 году еврейские коллективные хозяйства в Крыму держали свыше 7 тысяч голов свиней. Об успехах свиноводства гордо докладывали в 1938 году еврейские колхозы Украины. Известный идишитский писатель Исроэл-Йегошуа Зингер, брат нобелевского лауреата Башвис-Зингера посетил в 1926 году СССР и описал свои впечатления о посещении еврейских коллективных хозяйств в Крыму. Зингер называет успехи халуцим из Тель-Хай в свиноводстве наиболее впечатляющими из всех достижений.

Показательна ситуация, нарисованная в драме Владимира Билль-Белоцерковского «Пограничники». Враги-диверсанты захватили еврея-пограничника Когана. Белогвардейский капитан на допросе спрашивает Когана, еврей ли тот. «Да, – гордо отвечает Коган, – Еврей Страны советов!». Дальше Коган гордо говорит, что «капиталистические евреи может и не хуже, но испорченней». Капитан спрашивает, ест ли Коган свинину. «Спроси моего отца, – отвечает пограничник и на недоуменный вопрос капитана гордо заявляет, – Мой отец – лучший свиновод Биробиджана!»

Замечательный поэт Лейб Квитко тоже присоединил свой голос к кампании. Его поэма «Хазерлех» (Поросята), строчку из которой мы вынесли в заглавие, написанная в 1935 году, вышла в Одессе и разошлась огромными тиражами для того времени по-русски, по-украински, по-немецки и, разумеется, на идише. На украинский язык поэму перевел тогдашний первый заместитель председателя Союза писателей Украины Иван (Израиль) Кулик, а по-русски – маститый Сергей Михалков. Разумеется, в свиноводстве видели не только и не столько экономический аспект, но и идеологическое достижение социальной инженерии. Я помню рассказы старого ветеринара Шолома Янкелевича Турбовского, одного из активистов еврейского колхозного

движения на Украине, с гордостью вспоминавшего о своей молодости и мечтавшего уехать в Израиль, где он надеялся увидеть осуществленные идеалы своей молодости.

Геннадий Эйстрах отмечает, что в том же Крыму, рядом с евреями жили татары-мусульмане, среди которых Советская власть не слишком активно внедряла новую жизнь, а тем более свиноводство. Советская власть мирилась и с высокой неграмотностью в мусульманских общинах и с тем, что даже среди членов партии было много набожных мусульман, соблюдавших заветы Корана.

Вместе с тем советская власть без колебаний латинизировала, а затем русифицировала алфавиты мусульманских народов, не посягая на еврейский алфавит, понимая, что евреи встретили бы такое посягательство, как культурную катастрофу. Не надо забывать, что речь идет о социалистическом реализме, заведомо призванном не изображать действительность, а показывать, какой она должна быть. Еврейские советские писатели, которых вместе с со всеми советскими писателями Сталин назначил «инженерами человеческих душ», энергично и, по большей части искренне, взялись за создание нового человека, и свиноводство было одной из важных, но далеко не самой важной темой пропаганды и агитации.

Еврейская советская литература призывала не бояться смешанных браков, пропагандировала освобождение женщины, часто в очень откровенных тонах описывала сексуальные подробности. Правда, дело никогда не доходило до откровенности модернистской идишской поэзии нью-йоркской школы, а уж тем более многочисленной порнографической литературе на идиш, распространявшейся по всему миру. Идеалом был аскетический красный командир Копельман из повести Переца Маркиша «Товарищи ремесленники». Копельман ходил в армейской шинели и ждал мировую революцию изо дня в день. Он не интересовался женщинами потому, что единственной любовью его жизни стала замученная контрреволюционерами Роза Люксембург.

Если же у новых героев и проявлялся интерес к сексу, то лишь, для укрепления обороноспособности Родины.

В стихотворении Лейба Талалая молодой отец без обиняков спрашивает нянечку в роддоме – «А ройтармэйер?» (красноармеец) – А мэйдэле, – энфер зи мир – Девочка, – отвечает она». В стихотворении Авраама Гонтаря роженица смотрит на портрет Сталина, следуя старинному поверью, что ребенок будет похож на портрет.

Еврейские писатели создавали идеалы рабочей женщины-трактористки, доярки, роженицы. Лейб Квитко писал...

*Климу Ворошилову
Письмо я написал:
– Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар!*

*В Красную Армию
Нынешний год,
В Красную Армию
Брат мой идет.*

*Товарищ Ворошилов,
Я его люблю.
Товарищ Ворошилов,
Верь ему в бою!...*

*Товарищ Ворошилов,
А если на войне
Погибнет брат мой милый,
Пиши скорее мне.
Товарищ Ворошилов,
Я быстро подрасту
И стану вместо брата
С винтовкой на посту.*

*(перевод С. Маршака
в газете «Известия», 1936)*

В 1936 году в Ное-Златопольский район выиграл социалистическое соревнование с казацкой станицей Цимлянское. Шмуэль Годинер написал по этому поводу рассказ «Праздник дружбы». Автор восхищается дояркой «Если не знать, что она еврейка, то примешь ее за настоящую казачку».

Однако, создавая идеал евреев, абсолютно похожих на «гоев»-неевреев, отрицая религию и старую традицию, призывая евреев стать, «как все другие народы», пропагандируя вступление евреев в братскую интернациональную семью, советские еврейские литераторы и пропагандисты, подобно сионистам и бундовцам, никогда и нигде не призывали к ассимиляции.

На такой литературе и пропаганде выросло несколько поколений. Она фактически заложила основы этнической общности, которые мы называем «советское еврейство». Принципы такой общности хорошо выражены Ициком Фефером в стихотворении «Эпитафия» – «Ну и что, что я обрезан по еврейскому закону/ Если мои белые, усталые ноги обвеваает буйный ветер/ ... Я горд принадлежать к народу/ Который строит и верит/ В бессмертный порядок/ Где никто не должен погибать» – Переводить замечательный ритмический стих Фефера мне не дано Их бин а-ид/ фун найен шнит – Я еврей нового типа.

Смешение традиционно-еврейского, национального с чертами, которые нигде больше евреям вроде бы не свойственны, является характерной особенностью этой общности «евреев нового типа». И все же мы все «советские евреи» – более или менее религиозные, более или менее грамотные и начитанные и образованные в еврейских традициях – все мы считаем себя евреями и хорошо умеем определять своих. Более того, окружающие считают нас евреями. Нас можно определить по особым, свойственным лишь нам чертам, по общей семейной и исторической памяти, по поведенческим нормам, по общим устремлениям, по документам, в конце концов. Нас объединяет любовь к еврейскому юмору и еврейской музыке, гордость видеть столько еврейских имен во

всех сферах общества. Нас объединяет память Холокоста, хотя в СССР не слишком много об этом говорили, но парадоксальным образом День Победы стал для нас символом нашей победы и поражения сил Холокоста. Даже свинина может нас объединить, в чем убедились израильские политики, пытавшиеся поиграть на ограничении деятельности магазинов русской еды в Израиле. От других групп советского населения нас отличает еще и связь с еврейским народом во всем мире. Нам не мешают смешанные браки, поскольку речь не идет о доминирующей культуре, пытающейся нас поглотить и ассимилировать. Наоборот, сейчас приходят к нам в поисках духовных и моральных ценностей и нам ни в коем случае нельзя отвратить этих людей. В отличие от большинства еврейских групп мы пережили и ассимиляцию, и эмиграцию, сохранив сами себя. Более того, мы составляем сильную группу внутри еврейской диаспоры и влиятельную общину в Израиле. Мы доказали способность становиться настоящими казаками, настоящими советскими людьми, настоящими американцами, настоящими хасидами, настоящими израильтянами (любого, возможного здесь вида) и все же оставаться самим собой, и даже свою способность к самовоспроизводству в условиях ассимиляции и эмиграции. История показала, что ни алия в Израиль, ни эмиграция в Европу или США, ни даже смена языка, не мешают нам передавать свои ценности детям, что и здесь растет следующее поколение наследников «советского еврейства». Нельзя не согласиться с Геннадием Эйстрахом, что для понимания нас, как и нам для понимания самих себя советская идишитская литература играет неоценимую роль.

КОТ В ШЛЯПЕ ПО-ЕВРЕЙСКИ

*К столетию детского писателя
Доктора Суса в Нью-Йорке вышла
на идише книжка «Кот в шляпе»*

Когда я впервые прочел замечательные книжки Доктора Суса, то почему-то подумал, что они задуманы по-еврейски. Может быть потому, что первым мне попался «Кот в шляпе» (The Cat in the Hat) на иврите 10 лет назад. Даже совершенно некошерная сказка об эксцентричном Гринче, вознамерившемся украсть Рождество вполне могла быть рассказана учениками йешивы в Рождественскую ночь. Ведь, как известно, в Сочельник, называемый у евреев «нитльнахт», традиция предписывает воздержаться от изучения Торы, а вместо этого остаться дома, играть в азартные игры и рассказывать истории. Наверное я не одинок, потому, что недавно на идиш вышла одна из самых знаменитых книжек Доктора Суса «Кот в шляпе», названная переводчиком «Ди Кац дер паяц» – «Кот-клоун».

Позже я узнал, что скрывавшийся под псевдонимом Доктор Сус замечательный американский детский писатель Теодор Сус Гейзель (1904-1991) евреем не был. Его книжки полюбили миллионы ребятишек во всем мире потому, что настоящее искусство интернационально. Вероятно, он был самым любимым, и, несомненно, наиболее продаваемым детским писателем в американской истории. Теодор С. Гейзель родился в 1904 г. в Спрингфилде шт. Массачусетс в состоятельной семье. Он мечтал быть профессором английской литературы, но вместо в 1928 г. поступил дизайнером в компанию «Стандарт Ойл». В компании он проработал 15 лет, а для детей стал писать и рисовать случайно, возвращаясь на корабле из Европы в 1936 году.

Тогда же, «сами собой», по признанию писателя родились рифмы, и в 1936 г. он выпускает первую книжку «Подумать только, что я видел на улице Шелковицы» (And to Think That I Saw It on Mulberry Street). Вместе с другими, эта книжка, написанная удивительным стихом, обеспечила Гейзелю успех. Впрочем, он не оставлял и «серьезного» дела, создавал персонажи для рекламы, а когда началась война, то и политические карикатуры. Впрочем и здесь, в таких работах, как антифашистская «Adolf the Wolf» видна рука автора «Кота в шляпе». Впрочем, именно выход этой книги стал поворотным в карьере писателя, обеспечив ему репутацию ведущего детского писателя. По книгам Доктора Суса учились читать поколения американских школьников. Очень простые и запоминающиеся рифмы, всего 225 слов – весь глоссарий книжек, каким-то чудом создает у детей непреодолимую тягу прочесть их до конца. И, засвидетельствую по себе, не только у детей. Когда-то я с парой американских детишек учил по «Книге ног» русский язык. «Маленька ножка, – переводили мы вместе, – Большая ножка». «Великая ножка, – лукавил я. – Нет! – весело кричали они, – Большая ножка!»

Детям, воспитанным в русской культуре повезло меньше. В странах русского языка Доктора Суса не знали. Трудно сказать, почему его книги не заинтересовали издательства; почему для его книг не нашлось никого из великих переводчиков, подобно Маршаку, Чуковскому или Борису Заходеру, подаривших русским детям чудесный мир английской и американской детской литературы. Предшественник Доктора Суса Клив Стапл Люис был, по мнению советских цензоров, слишком религиозным, зато другой учитель Гейзеля Люис Керрол, долгое время считавшийся непереводаемым, хорошо известен благодаря конгениальным переводам Бориса Заходера. Лишь в последнее время благодаря фильмам «Гринч» и «Кот в шляпе» герои Доктора Суса пришло в Россию.

Теперь «Ди Кац дер паяц»» по-еврейски, как положено в

рифму, вышел в 100-летний юбилей писателя. Выпустили его удивительные люди, переводчики, учителя еврейского языка и издатели Целеста Солод и Захари Шолем Бергер из Нью-Йорка. Их риск оказался оправдан, ведь в районе Большого Нью-Йорка 113 тысяч человек владеют идиш. Их маленькая семейная компания «24 Стрит Букс» уже продала 3 тысячи экземпляров книги, причем, к удивлению издателей, многие покупатели знали лишь несколько слов на идиш. «Лишь 20% покупателей говорили на идиш бегло, – рассказал тридцатилетний Бергер, преподаватель идиш в одной из городских средних школ, – Для нас это стало большим сюрпризом». По словам Бергера, книгу закали независимые дилеры из Массачусетса, Флориды и Калифорнии. Оформление книги в точности повторяет классическое издание 1957 г. за одним исключением. В еврейской книге все справа налево. Впрочем, энтузиаст возрождения идиш и участник движения за возвращение еврейского языка «Юнгтруф» Бергер понимает трудности, поэтому параллельно с еврейскими буквами дается транслитерация латиницей. И пусть рифмы Бергера часто притянуты за уши, а кое-где рифмы вовсе нет. Стихам Бергера далеко до строгой поэзии Аарона Вергелиса, до модернистского изящества Дер Нистера или удивительно виртуозного стиха Ицика Фефера с пушкинской легкостью и киплинговским артистизмом творившего с еврейским стихом невиданные до того вещи. Однако мы прощаем Бергеру, ради еврейского языка бросившего докторскую диссертацию по эпидемиологии в Нью-йоркском университете. Простим за неподдельную искренность и подлинную еврейскую душевность. Простим и потому, что чудо его стиха удивительным образом постигают и наши дети.

Давайте возьмем в руки еврейскую книгу с русским переводом. Пусть это будут детские стихи Льва Квитко в переводе Сергея Михалкова. Возьмем и начнем читать: «Анна-Ванна, наш отряд... (страшно вымолвить в некоторых еврейских кругах) ... Хочет видеть поросят...» А потом то же самое разобрать

по-еврейски. Дети поймут, а мы научимся вместе с ними, уча их. Если же мы в Америке, то давайте возьмем изданную Бергером книжку «Ди Кац дер паяц» и начнем читать: «Азой залбэ цейт/ Гезесн мит Сорен/ Гезокт: Алевай/ Волт ундз эпес гешен»¹ – историю о том, как в дождливый мрачный день дети остались дома одни, и к ним в гости пришел чудесный Кот в шляпе, чтоб взять их в необыкновенное странствие. Замечательный немецко-еврейский мыслитель, марксист и мессиянец Вальтер Биньямин в статье о творчестве Франца Кафки писал: «Путь к праведности лежит через учение. Но Кафка не дерзнул соединить учение с обетованиями, которые традиция связывает с изучением Торы. Помощники Учения – служки, теряющие свой молельный дом, его воспитанники – потерявшие святые письма. Теперь никто не поддерживает их в безудержном и счастливом странствии». И дети поймут нас и пойдут за нами в странствие в удивительную страну еврейской культуры. Еврейским детям не надо ничего учить заново.

Выдающийся лингвист Ноам Чомски (в России его иногда называют Хомски) разработал теорию врожденного постижения языка, по которой языковые схемы заложены в нас до рождения и скорее являются инстинктом, чем сознательным процессом. Его теория подтверждает то, чему учит еврейская традиция. По преданию все еврейские души находятся у Господа в раю и там постигли всю глубину Учения. Лишь при рождении к ребенку подлетает ангел, и ударяя его по губам отбирает память, чтоб человек выполнил свой главный жизненный долг – учение. Оттого и первый крик ребенка. Нам предстоит лишь вспомнить.

¹ От автора: В тексте встречаются слова из языков, не пользующихся латиницей (идиша, древнееврейского, арамейского, греческого, старославянского и др., а в некоторых случаях немецкого или украинского). Чтоб не утомлять читателя обилием чуждой в русском тексте графики или фонетической транскрипцией, автор приводил эти слова в фонетическом выражении средствами русского языка и выделил их курсивом, как это принято в аналогичных текстах на английском языке.

КАК ЕВРЕИ ПРОИЗОШЛИ ОТ СЛАВЯН

Сколько вопросов у идиша?

«У москвички – две косички. У узбечки – двадцать пять», – повторяли мы в детстве стихи Агнии Барто. А у еврейки, сколько косичек? – задавал вопрос коварный бес сомнения. «У евреев не плетут косичек, – отвечал строгий голос, знающий, как должно быть, – У евреев плетут на субботу тесто для специальной булки – халы. И вообще, зачем о евреях, когда в Америке негров вешают?» И все же, если «в Стране Советской всех ребят Октябрь сдружил навеки», – то почему не надо про еврейкины косички? «Смотри, три школьника идут! Их летом ждет Артек. Один – латыш, другой – якут, а третий друг – узбек...» Видимо узбек хорошо ложился в рифму стихов про братство народов, про «братство навек», хотя уже мало кто из историков спорит, что русские и турки (а узбеки говорят на языке тюркской семьи) – братья не только «советские», но и похоже, по языку и по крови. Ну а как с другими членами братской семьи народов? С евреями, например? Евреи – тоже родственники славян? Похоже, что, говорившие на идиш, восточноевропейские евреи связаны со славянами кровными узами. Тогда почему они говорят на идише? И еще... сколько у идиша вопросов?

Легендарный Макс Вайнрайх (1894-1969) автор фундаментальной четырехтомной «Истории еврейского языка» как-то заметил, что в идише мало названий цветов и растений, зато целых три слова обозначающие вопрос: германское фрагэ, арамейское кашэ и древнееврейское шайлэ (соответственно кушия и шеейла в современном иврите). Как бы опровергая Вайнрайха, американский исследователь идиша Мордке Шехтер выпустил солидный том Ди гевиксн велт ин идиш – «Названия растений на идише» (издательство Института ИВО, Нью-Йорк). Если предположить, что сегодня на

идише разговаривают лишь в хасидских кварталах, да еще в еврейских домах престарелых, то спрашивается, а кому может понадобиться такая книга? Для тех, кто верит в великое будущее идиша, здесь вопроса нет. Верней есть – по-еврейски, в ответе. Если идиш нормальный язык, то почему бы ему не иметь своего ботанического словаря? Однако тем, кто сомневается, что народные массы когда-нибудь заговорят на идише, такая книга тоже нужна. Ведь все согласны, что у идиша – великое прошлое. Очень важно сохранить сотни и тысячи народных названий, не вошедших в общие словари. И потом, вдруг найдется какой-нибудь хасид, который заинтересуется, а как называется на идише платан или кизил. Ведь не пристало хасиду заимствовать у соседей английское *dogwood* «собачье дерево» – кизил, бывший по преданию в библейские времена большим деревом, а кустом сделался в наказание за то, что из него сделали крест для распятия Иисуса. Уж не говоря о таких «некошерных», как иудино дерево или *basina roscului* – свинское, так сказать, пуканье, как зовут одуванчик румыны. Официальное румынское название этого полевого цветка – *paradie* «попадья» хасидам, верящим, что при виде попа надо перейти на другую сторону улицы, тоже сомнительно. Впрочем, за набожных евреев нечего беспокоится. У них целая наука, как поступать с кошерными растениями, носящими некошерные имена и наоборот, как быть с некошерными продуктами, имеющими кошерное название. Книга Шехтера опровергает маститого Вайнрайха – на самом деле в идиш названий растений не меньше, чем любом развитом языке. Оказывается, подсолнечник у евреев имеет 12 названий! Шехтер бережно собрал и сберег множество местных названий растений, слышанных в детстве и найденных в старинных книгах.

В последнее время набралось достаточно фактов, чтоб незыблемые конструкции истории идиша Вайнрайха затрещали по швам. Вкратце теория Вайнрайха такова: евреи Восточной Европы являются потомками евреев из Испании и Прованса, поселившиеся в германских землях из-за

крестовых походов, чумы, войн, изгнания из Испании и других драматических событий, выпавших на долю евреев. Подобно другим еврейским этническим группам в диаспоре, немецкие евреи создали на основе нескольких местных диалектов свой язык – идиш. Сначала возник западный диалект в Эльзасе и Рейнской области. Позже, говорящие на идиш евреи постепенно расселились на территории Германии, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Украины, России и балтийских стран, часто по приглашению правителей и королей этих стран. Идиш принято относить к германской группе языков, поскольку его грамматика преимущественно германская, а словарный запас состоит из примерно 65% слов немецкого происхождения, около 25% славянского, 10% древнееврейского и арамейского. Теория Ванрайха подытожила труды многих исследователей и повсеместно утвердилась в науке.

Однако, более пятнадцати лет назад профессор факультета лингвистики Тель-авивского университета Пол Векслер, выдвинул теорию, относящую идиш в группу славянских, а не германских языков.¹ Позже, в книге «Ашкеназийские евреи: славянско-тюркский народ в поисках еврейской идентификации».²

На основе огромного лингвистического, исторического и этнографического материала Векслер предложил пересмотреть и всю теорию происхождения восточно-европейского еврейства. Ашкеназийские евреи не пришельцы с Ближнего Востока, а коренной европейский народ, состоящий в основном из потомков принявших иудаизм западных славян и, вероятно, небольшого числа выходцев из Ближнего Востока и Балкан. Другой крупной группой, давшей начало ашкеназийскому еврейству, стали евреи, издавна жившие в Киеве и Полесье, а также тюрко-иранские

¹ В статье «Идиш. 15-й славянский язык» Paul Wexler *Yiddish // The Fifteenth Slavic Language International Journal of the Sociology of Language* 91, 1991.

² Paul Wexler *The Ashkenazic Jews: A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity*. Columbus: Slavica 1993.

выходцы из Хазарии. Возможно, здесь и лежит ответ на одну из загадок русской истории – судьба многочисленного, предположительно говорившего на славянском языке еврейского населения Киевской Руси, отмечаемого в русских летописях и в записках иностранных путешественников. «Понеже их всюду в разных княжениях много», – цитирует летописи русский историк Татищев.

Лишь позже, вместе с немецкой колонизацией западнославянских земель, восточноевропейские евреи вместе с другими западными славянами перешли на немецкий язык и усвоили элементы германской культуры. Поэтому-то в идише не удастся проследить преемственность происхождения от какого-нибудь определенного немецкого диалекта. На основе тщательного лингвистического анализа Векслер предлагает считать исчезнувший уже в XIX веке западный идиш и идиш восточноевропейских евреев разными языками, возникших на основе немецкого языка у разных по происхождению групп и в разное время.

Германизация евреев или западнославянских племен пруссов, венедов, лужицких сербов, слезян (в Силезии), поморов (в Померании), склавинов и полабов не является чем-то исключительным в Средневековье. Многочисленное славянское население жило в X веке на территории современной Румынии и Венгрии и переняли язык господствующей группы. Стоит лишь вспомнить, что романтическое название венгерского озера Балатон происходит от славянского «болота».

Векслер справедливо отмечает, что поколения исследователей идиша и восточноевропейского еврейства выросли на германской культуре, воспитывались в немецких университетах. Вместе со всей германской наукой XIX-первой половины XX веков они недооценивали, а то и просто игнорировали роль славянского компонента в истории Восточной Европы, в том числе и в еврейской истории. Крупный исследователь еврейского фольклора и обычаев Герман Поллак выражает господствующий взгляд.

«Разумеется, Богемия (Чехия авт.) и Моравия испытали некоторое влияние славянской культуры (?!), однако мы не будем рассматривать славянские элементы в этих странах. Богемия и Моравия должны рассматриваться лишь в аспекте их принадлежности к немецкой культуре, поскольку в XVII-XVIII столетиях они принадлежали Германии (?!). Весь регион необходимо рассматривать как единое культурное пространство и идиш, как его местный диалект».¹

Таких цитат можно приводить множество, однако Чехия, ни Моравия, даже в составе Австро-венгерской империи оставались славянскими и «немецкое еврейство» начиналось на исконно славянских землях и как народ сложилось в регионе между Вислой, Дунаем и Днепром, никогда не бывшим немецким. К сожалению, устаревшие идеологические схемы до сих пор господствуют в еврейской этнографии. Даже после Холокоста, когда казалось с духом средневекового Дранг нах остен (натиск на восток нем.) и национал-социалистической мечтой о жизненном пространстве *Lebensraum* навеки покончено, германо-центрическая концепция продолжает господствовать в изучении восточноевропейского еврейства.

Существовала другая школа, последователей крупного еврейского историка Семена Дубнова. Здесь всех евреев Восточной Европы рассматривали в моделях и терминах истории Российской империи, исключительно, как русских евреев и пренебрегали культурными различиями между разными еврейскими этническими группами в Украине, Польше и Белоруссии.

Недавно умерший израильский ученый Исраэль Та-Шма оставил блестящее исследование на тему известного богословского правила «минег брехт а'дин» – «обычай отменяет закон» (идиш), доказывающую шаткость мифа о незыблемом в веках законе Торы. (в книге Древние ашкена-

¹ Herman Pollack Jewish folkways in Germanic Lands (1648-1806) Hampshire College & Umass 1971.

зийские обычаи Мингаг ашкеназ а-кадмон – иврит. Иерусалим, 1992). Однако, тот же Исраэль Та-Шма, считавшийся главой израильской этнографической школы по изучению восточноевропейского еврейства, не только обходил вниманием славянские элементы. Он также исключил из сферы исследования обычаи и обряды, не имеющие корней в Талмуде или не связанных с библейской Страной Израиля. Исследования профессора Та-Шма хорошо иллюстрируют характерное стремление доказать, что несмотря на смену языков, стран и континентов, еврейство сохраняло нетронутой тысячелетнюю традицию и все заимствования служили этой цели. Если евреи заимствовали что-то у других, то придавали вещам и понятиям свой, особый еврейский смысл, непохожий на другие народы.

«В Европе появились обычаи, противоречащие религиозными законами Талмуда, – пишет видный исследователь истории польского еврейства Бернард Вейнриб – разумеется, заимствования, отклоняющиеся от закона, могли быть допущены, если они помогли развивать неразрывную традицию – представлять еврейскую жизнь преемственностью с ранних времен. Таким образом, традиция оставалась нетронутой.¹

Православная церковь или, скажем, КПСС тоже допускали колебания, если они соответствовали генеральной линии и обеспечивали «неразрывную», «неизменную в веках» традицию. Задача любой науки, а особенно истории, – добиваться истины, а не обслуживать те или иные культурные, религиозные или политические концепции.

Большинство исследователей идиша не соглашаются с теорией Векслера о славянской природе идиша, ни с его гипотезой о славянской родине ашкеназийского еврейства на славянских землях, ни со схемой о еврейской миграции с востока на запад. Однако работы Векслера невозможно обойти молчанием. Его работы базируются не на каком-

¹ Bernard Weinryb Reappraisals in Jewish History, SWBJV 1974.

то одном ярком открытии, бросающим новый свет, а на тщательном анализе всей научной информации, собранно еврейской этнографией. Векслера продолжают цитировать, его идеи разрабатываются по всему миру. Недавно появились исследования голландского этнографа и историка еврейства Йица Ван Стратена, доказывающие, что несмотря на погромы, крестовые походы, голод и эпидемию чумы, никакой существенной еврейской эмиграции из Западной Европы не было ни в XI, ни в XII веке.¹

А ведь по Ванрейху это как раз время зарождения идиша и эмиграцией он объяснял резкий демографический рост числа восточноевропейских евреев в XI-XII веках. Исследователь еврейской ономастики (науки о личных именах и фамилиях) Александр Бейдер тоже не согласен с Векслером в вопросе славянского происхождения ашкеназийского еврейства. Подытоживая споры, Бейдер называет «рейнскую теорию» Ванрайха устаревшей, предлагая взамен «дунайскую теорию» зарождения идиша. И среди ее отцов-основателей по праву называет Пола Векслера.²

Интересно и другое обстоятельство. Если евреи последовательно расселялись из Страны Израиля через Испанию и Францию в Германию, то почему сефарды и ашкеназы используют для одинаковых религиозных понятий разные, пускай и однокоренные древнееврейские слова? Например, вечерняя молитва называется у сефардов ар'вит, а евреи Восточной Европы звали ее мойрив. Судный день у ашкеназов назывался йом кипер, а у сефардов кипур. Если ашкеназийские евреи произошли от сефардских евреев, то почему сефардские раввины, хоть и не отказывали своим восточноевропейским единоверцам в праве называться евреями, зато запрещали с ними родниться. Именно в X-XI веках у сефардов в Испании и Португалии появляется принцип «расовой

¹ (Jewish migrations from Germany to Poland: The Rhineland hypothesis revisited by Jits van Stratén, Mankind quarterly Vol. XLIV No 3&4 2004).

² (The birth of Yiddish and the paradigm of the Rhenish origin of Ashkenazic Jews by Alexander Beider, Revue des tudes juives 163 no 1-2 Ja-Je 2004).

чистоты», выраженный между прочим в известном раввинском титуле сат -сфаради та'ор, «чисто-(кровный) сефард», которым до сих пор подписываются сефардские раввины. Сефардские и ашкеназийские общины веками существовали параллельно, не смешиваясь в Амстердаме, Бухаресте, Крыму, Иерусалиме и Нью-Йорке. Да и в сегодняшнем Израиле далеко до гармонии между ними.

Александр Бейдер разбивает и самый «веский» аргумент в пользу движения евреев с запада на восток – широкое распространение древних фамилий, происходящих от названий западногерманских городов Ландау, Шапиро, Минц, Бахрах и многих других. Сомнительно не только происхождение некоторых фамилий от названий городов (напр. Минц от Майнц). Еще более сомнительно, что большинство евреев носящих эти фамилии действительно являются потомками этих семей известных средневековых раввинов. В XVIII веке в Австро-Венгрии, Германии и России евреев в обязательном порядке заставляли брать фамилии, и многие брали «престижные» фамилии. Среди евреев того времени фамилия рассматривалась, как еще одна выдумка «гойской» власти с целью ущемить, заставить платить налоги или забрать в солдаты. Фамилия для них не имела никакого значения, а императорским чиновникам недосуг было разбираться, кто от кого происходит, и они записывали фамилии со слов самих евреев.

Теорию Векслера о существовании значительного контингента славяноязычного еврейства, двигавшегося с востока на запад Европы подкрепляют и хорошо известные факты существования во многих восточноевропейских городах двух ашкеназийских еврейских общин, не смешивавшихся веками. Например во Львове с XIV века бок о бок жили две еврейские общины – выходцы из Киевской Руси и, вероятно, Византии, поселившиеся в районе улиц Сербской, Русской и Старожидовской и общины выходцев из западнославянских и восточногерманских земель, поселившихся в Краковском предместье. Обе общины имели свои институты, свои

синагоги и свое самоуправление. Их представители даже избегали родниться друг с другом. Единственное место, где все львовские иудеи встречались, было еврейское кладбище, общее для всех. Лишь в середине XVIII века, обе общины окончательно слились, да и то потому, что австро-венгерские власти в 1765 года решили признавать лишь представителей единых еврейских общин.

Общепринятая схема истории идиша не способна объяснить, почему в идише древнееврейских слов значительно больше (около 10% словаря), чем в языке евреев Испании, средневековой Франции или еврейско-арабском. Ведь, если евреи пришли оттуда в Восточную Европу, то они могли лишь утратить по пути, но никак не обогатить свой древнееврейский словник. Вайнрайх объяснял такой феномен высокой ученостью ашкеназийских евреев, обогащавших свой язык из священных книг. Однако вряд ли ашкенази в средневековой Восточной Европе вплоть XVI века были более ученые, чем евреи Испании, Прованса или арабских стран, где в Средневековье находились крупнейшие центры еврейской учености.

«Теории учености» ашкеназийских евреев Вайнрайха носит умозрительный характер. Многие источники указывают на очень низкий уровень талмудической учености евреев, а часто даже безграмотность в средневековой Германии в славянских землях. Например, уроженец Германии рабби Ашер бен Йехезкиель (1250-1327), считавшийся у себя на родине вундеркиндом еврейской учености, пишет, как, попав в Толедо, обнаружил, что его древнееврейский язык ниже всякой критики, и он не способен преподавать. В свою очередь ученый раввин из Испании

Рабби Элиэзер бен Йоэль Ха-Леви (1140-1225) принявший раввинское служение в Кёльне, пишет, что пришел в ужас от вопиющего невежества (и нищеты) местных евреев. Он отмечает, что, в большинстве общин в Польше, Венгрии и на Руси нет ученых раввинов, да и во многих местах бедные общины не способны их содержать. Все это далеко

от идиллических рассказов начала еврейского заселения Восточной Европы, куда евреи якобы попадали по личным приглашениям, герцогов, духовных владык и королей. Даже в XVI веке грамматик из Германии Элия Бахур упрекает своих земляков евреев в невежестве и вопиющих ошибках в древнееврейском языке. Вероятно, Бахур не совсем прав. В ранней работе тот же Пол Векслер указывает, что критика Бахура не свидетельствует о низком уровне знаний, а лишь о том, что многие гебраизмы и арамеизмы позаимствованы идишем из позднего разговорного языка, где словопользование и даже грамматика сильно отличались от языка Библии или литургических текстов.

Гнилая груша Йом-Кипура

Пол Векслер отвергает «теорию учености» и объясняет проникновение древнееврейского и арамейского в язык ашкеназийских евреев иудаизацией местных языческих и христианских терминов. Слова, а особенно термины, казавшиеся недостаточно еврейским, заменяли понятиями из Библии или Талмуда. Например, школой (шул) испокон веков называли молитвенный дом на идиш, пока иудаизаторы не стали повсеместно заменять «нееврейски звучащие» шул и синагогу на ивритское бей-кнессет. Народное предание гласит, что называть синагогу шул евреи стали потому, что антисемитские власти запрещали евреям молиться, а вот учиться разрешали. В «Истории города Глухова» Салтыков-Щедрин называл такие рассказы «лыгендами», хотя понятно, что в своих религиозных историях, евреи всегда мудрые, а их вечный враг – «гойская» власть всегда жестокая и тупая. От названия синагоги шул произошли такие еврейские фамилии, как Шульман, Школьник и Альтшулер, обозначающие смотрителя синагоги. Научная этимология (происхождение слова) выводит шул – синагога от греческого схола (школа) – отмеченного в этом значении еще в Новом завете. «Деяния апостолов» повествует, как

св. Павел собирает своих учеников в школе в Тираннус, отличая ее от еврейской синагоги, где местные евреи не хотели его слушать.

Иудейские молитвенные дома в Евангелиях обычно называются греческим словом синагога, что означает «собрание». Слова синагога в идише не было, хотя оно было в ходу у говоривших по-гречески евреев Византийской империи и (в арабизированной форме) в языках евреев Иберийского полуострова: ладино и иудейско-португальском, откуда ашкеназийские евреи якобы пришли.

Интересно, что старославянское Евангелие переводит синагогу, как сонмище. Переводчики Евангелия сочли слово «синагога» непонятным для свои читателей. Неизвестное в библейский период бейт-кнесет (дом собраний иврит) пришло в еврейский язык намного позже, от арамейского слова канэсет, означавшего церковь. (Интересно, что в арабском языке было четкое разделение книса -церковь и книс -синагога).

В наше время под влиянием израильской и американской религиозной агитации бейт-кнесет постепенно вытесняет «нееврейскую» синагогу из русского еврейского словопользования. Постепенная иудаизация происходит и со словом «библия» (книга греч.), которая в еврейском обиходе вытесняется новомодным танахом (от ивритского сокращения Тора, Невиим, Ктубим – писание, пророки, хроники иврит). У неискушенного читателя создается впечатление, будто речь идет о некоей особой еврейской Библии, отличающейся от христианской по содержанию. «Синагога» или «библия» – далеко не единственные примеры иудаизации. Доходит до курьезов. В 70-е годы в Израиле религиозно-просветительское общество «Шамир» выпустило в свет новый перевод Библии на русский язык. Переводчики и редактор Бецалель Шиф тщательно убрали все, что могло напоминать христианство, и заменили своими словами, часто неологизмами. Ладно еще, что суббота стала шаббат, но заодно решили поправить и географию, в результате чего Иерусалим там

вопреки правилам русского языка стал Ыршалаймом.

Векслер отмечает еще один интересный феномен — использование в еврейском языке старинных славянских слов из дохристианских языческих ритуалов, как правн — справлять (обряд), и, особенно, трейбен — термин ритуальной обработки мяса. Над загадкой трэйбн бился еще Макс Вайнрайх, но до Векслера не было удовлетворительного объяснения, как славянское слово, употреблявшееся исключительно для обозначения языческого жертвоприношения богам, попало в идиш. Как иначе, объяснить наличие в идише слова, исчезнувшего из оборота за несколько веков до общепринятой даты появления идиша, если не от перешедших в иудаизм язычников? Заметим, что для христианского обряда в славянских языках всегда используется другое слово — «жертва» и однокоренные ему. Даже еврейскому слову давэн — «молиться» нет удовлетворительной этимологии до сего дня. Интересно и то, что основными источниками идиша для обозначения магических понятий были славянские, греческий, латынь и некоторые романские языки. В идише очень мало турецких или арабских заимствований и даже прямых заимствований из древнееврейского, а как раз слов германского происхождения для обозначения религиозных или магических понятий в идише практически нет.

Неожиданный пример иудаизации термина мы находим и в каталоге названий растений Мордке Шехтера. Сорт поздней груши на идише называется нилэ-барлех якобы от древнееврейского слова нилэ (не'ила запираение древневр.) по названию завершающей молитвы литургии Судного дня. Тот же сорт зовут еще йом-кипур барлех или кол-нидрей-барлех по древнееврейскому названию Судного дня и одной из самых известных молитв литургии этого праздника (Кол нидрей все наши обеты арамейский). Шехтер показывает, что первоначально груши эти назывались куда более прозаически гнилэ-барлех, от украинского «гнилые, перезревшие груши», а лишь затем по созвучию были связаны с религиозными понятиями нилэ. Векслер полагает, что и идишис-

ткое название Судного дня йомма раба тоже не еврейского происхождения. Оно скорее связано с многочисленными местными названиями еврейского праздника, означающими «длинный день», а древнееврейское Йом-кипур пришло в народный обиход значительно позже.

Ниже пояса

Иудаизации подвергались не только понятия религиозные и теологические, но и бытовые, приличные и не очень. Процесс, названный иудаизацией, не является чем-то исключительным, присущим лишь еврейскому языку. Аналогичные процессы постоянно происходят в любом языке, если существующий глоссарий не соответствует базисным матрицам языка.

Лучше всего иллюстрирует постоянное появление эфмеризмов, т.е. слов, подменяющих понятия ставшими неприличными. Скажем, хорошо известное, однако непечатное русское слово, определяющее половой член еще в XIX веке было заменено «хер» – по старинному названию первой буквы соответствующего слова. Сама по себе буква несет не больше неприличного смысла, чем «аз», «буки» или «веди». Со временем не только «хер» приобрело сомнительный оттенок, но даже производное от него нормальное русское слово «похерить», означающее перечеркнуть накрест, т.е. наложить «хер». Появившееся позже эфмеризм «хрен» тоже недолго оставался приличным. Поскольку языковой матрицей идиша является Талмуд, то иудаизация неминуемо пришла и в сферу «неприличного».

Недостаток места не позволяет подробно разобрать всю богатейшую палитру еврейских ругательств и неприличностей. Мы не будем здесь разбирать ни хорошо известных многим русским и тем более израильтянам или американцам шмок или поц (прим. автора в сноску: Ответил лишь на часто задаваемый вопрос, а какая между ними разница? Если используют в прямом смысле, то никакой, а вот если

называют человека, то шмок можно сказать и о себе, например «В этом положении я чувствовал себя, как настоящий шмок». Сказать поц можно лишь о ком-то, к кому не питаешь ни малейшей симпатии, в точности, как русское мудак.), ни древнееврейского зонэв – (букв. хвост) или имеющего то же значение германского шванец. Хотя иронический смысл фамилия героя самого еврейского романа Ильи Эренбурга «Жизнь Лайзика Ройшванца», означающая по-еврейски «красный хвост», принесший герою столько неприятностей, ускользает от современного русского читателя. Зато даже Эренбургу, не владевшему идишем, как и многим его читателям, выросшим по соседству с говорящими на идише евреями, пикантная двусмысленность была понятна без объяснений.

Подстановки эфмеризмов начинаются в детстве. В моем детстве огорошивали загадкой «висит болтается, на «х» начинается!» Оробевший новичок стеснялся произнести «заветное» слово. Ему, смеясь, кричали: «Хобот, дурак, хобот!» Позже и меня озадачили макабрическим «висит болтается, на «з» начинается». Подразумевалась залупа, (я и до сих пор не знаю, что это – головка члена или крайняя плоть). Правильным же ответом было: «Зоя Космодемьянская» – иконная героиня Великой отечественной войны, московская комсомолка, оставленная в тылу врага для совершения диверсий. Нацисты поймали девушку и повесили на главной площади какого-то подмосковного городка. В нашем детстве еще играли «в войнушку» и жили образами прошедшей более двадцати лет назад Великой войны.

Еврейские дети с трехлетнего возраста зубрившие в хедере библейские тексты с талмудическими комментариями жили в мире библейских образов. У них тоже была похожая загадка «Висит, болтается, на вав начинается», разумеется, на родном идише. Оробевший новичок стеснялся произнести запретное слово, а ему уже кричали: «Вайзузу, дурак, вайзузу!». Вайзузу – имя самого младшего сына злодея Амана из библейской «Книги Эсфирь». По библейскому рассказу,

Вайзузу повесили вместе с остальными детьми после провала замысла их отца извести со свету всех евреев. В праздник Пурим эту историю читают в синагогах, и традиция велит детям шуметь и бить в трещотки при произнесении ненавистных имен. Последним в списке повешенных читают имя Вайзузу. Отсюда и «висит, висит, болтается...». Интересно, что имел ввиду автор очень популярной анимированной передаче на американском ТВ King of the Hill, назвавший персонаж обманщика и мошенника Робет Вейзозо (что то же самое в произношении литовского диалекта идиша).

Примером иудаизации стало и слово холемойд, тоже означающе мужской половой член. В переводе со святого языка это буквально значит «будни праздника». Дело в том, что два главных праздника – Еврейская Пасха и Праздник кущей (суккот или суккэс) состоят из двух дней официальных празднований и нескольких полупраздничных дней между ними. Вот эти дни и называют холемойд праздничные будни.

На идише можно запросто услышать вос гейсту мит холемойд ин дройсн? – чего ты крутишься со своим холемойдом наружу. Это совет застегнуть ширинку на штанах. Или еще одна употребительная идиома «я оказался мит холемойд ин дройсн» или «ин холемойд ин дер хент» т.е. в руке. По-английски есть точное соответствие такой идиоме. Американцы говорят «меня застало with my dick in my hand», т.е. «со своим членом в руке». По-русски так не скажешь. Лучше всего перевести «застали без штанов» или «с голой задницей», неожиданно, неподготовленным и в любом случае, выглядящим, как шмок.

Однако, как вообще можно такое сравнивать, если весь смысл еврейства в разделении: между субботой и буднями, между святым и будничным, между светом и тьмой, между кошерным и трэфным, между мужчиной и женщиной, евреями и народами? Да и какая здесь может быть связь между иудейским праздником и половым членом, если известный и авторитетный талмудический мудрец рабби Йоси говорил,

что ни разу в жизни не посмотрел на свой срам, а самые набожные евреи-хасиды повязывают на поясе специальный шелковый шнурок, чтоб разделить верхнее, вышнее, от постыдного «ниже пояса»?

У набожных евреев даже называть жену по имени считается нарушением скромности и принято обращаться цихесрстэ «слушай», херт ир ништ «ты меня слышишь?» или хэр нор «слышишь меня?». Последнее сокращенно это звучит хенэ и дало повод для известной польской шутки, что всех евреек зовут Хена. Правило это базируется на высказывании того же рабби Йоси «Я не зову свою жену, женой, а моим домом, и не зову своего вола волом, а своим полем» (Трактат Шаббос 118b), а также на очень авторитетной в мире набожных евреев средневековой книги Мингагей ха Магарил («Обычаи рабби Магарила»). Рабби называл свою жену не иначе, как «они».

В хасидских общинах не принято не только садиться рядом с женщиной или подавать ей руку, но и говорить о женщинах, чтоб не напоминать о том, что «ниже пояса». А если приходится, скажем, осведомиться о здоровье жены, то говорят о ней как о мужчине ман (что в идише также значит некто). Вос махст ман бай дир ин штуб (буквально «что делает мужчина из дома?») на самом деле означает «как жена?» или Ман арбейт? (человек работает?) означает или у жены есть работа. А тут святой праздник и мужской член! Как можно сравнивать?

На вопрос нетрудно ответить. Парадоксальный, острый, еврейский юмор никогда не стеснялся сравнивать, заниматься деконструкцией самых заветных вещей. Доставалось всем: раввинам, Талмуду с Торой и даже самому Господу Богу, имя которого невозможно произнести набожному еврею, вместе с его Мессией. Каждый набожный еврей по субботам, а то и ежедневно произносил еврейское «верую» о приходе Мессии. Зато по дороге из синагоги домой, в ответ на слишком оптимистические прогнозы, можно было от него запросто

услышать: лоймир азой дерлебен мешиях, – давайте доживем до прихода Мессии, что означало, что никогда это не будет. Вернувшись после молитвы и услышав, что непослушный сын не только выучил все уроки, убрал в своей комнате, подмел в доме, вымыл всю посуду, начистил всем ботинки, а теперь еще вызывается задарма помыть папину машину, неминуемо воскликнет: Мешийех цайтн! – «времена мессии настали!». Уж не говоря о еще более едких поговорках, выражающих пессимизм и сомнение в этой, одной из самых фундаментальных догм иудейской религии.

И все же как могли праздничные дни стать половым членом? На этот вопрос тоже имеется «еврейский» ответ. Ведь холмоyed сопровождает не любые праздники, а лишь на такие, когда в древнем Иерусалиме еще гордо возвышался Господен Храм, вся мужская часть ам Исроэль, еврейского народа собиралась в паломничество принести жертвы. В древности эти праздники: Пасха, Куци да еще Пятидесятница – праздник получения Торы Швуэс (Шавуот в совр. иврите) назывались паломничеством хаг, в отличие от других, которые праздновали дома.

Есть сомнения в точности талмудических источников о том, что в паломничество отправлялись лишь мужчины. Евангелия по времени более близкие к событиям, чем талмудические источники, ясно свидетельствуют, что в компании с Иисусом и его учениками на пасхальное паломничество-хаг в Иерусалим шли женщины, среди них Дева Мария и Мария Магдалина. Так, что иконы «Тайной вечери» не точно изображают происходившее там. Если Тайная вечеря – это пасхальная трапеза-сэдер, то за столом должны быть женщины. Иудейская традиция никогда женщин из сэдера не исключала. Уж не говоря о том, что в древности за трапезой не сидели, а возлежали.

Вероятно, уже во время Иисуса смысл слова хаг, как всенародного праздничного паломничества был утрачен и тогда, как и сегодня на иврите так называли любой праз-

дник даже нерелигиозный или чужой религии, например Рождество. Зато первоначальный смысл слова сохранился у арабов, оно произносится хадж, в точности, как его произносили древние иудеи во времена Соломонова Храма. Хадж значит паломничество в Святую Мекку, заповеданное любому правоверному мусульманину. В начале мусульманства завет хадж носил обязательный характер для всей мужской половины мусульманской умма, что опять тоже слово, что и древнееврейское ам. По-арамейски, на котором говорил Иисус и мудрецы Талмуда, произносилось похоже омаh.

Уже во времена Иисуса все три великие праздника называли рэгель. Слово это имеет больше родства с латинским regular – регулярный, чем с другим еврейский словом рэгель, означающим ногу. Хотя пишутся и произносятся оба слова абсолютно одинаково. Отсюда нетрудно предположить, что дни между праздниками-«ногами» – бейн а-реглим, дали название мужскому причинному месту, которое тоже между ногами бейн а-реглаим. (примечание в первой фразе множественное число, а во второй – парное).

Такое объяснение могло бы стать примером классического еврейского комментария. Примерно так талмудисты издавна объясняют непонятные слова и трудные места в Писании. Проблема в том, что все это абсолютно неверно с научной точки зрения. Холомойд – половой член происходит от древнеславянского слова голомуд, т.е. голый муд. Оголо-мудь плясахом, т.е. плясал – пишет древняя христианская хроника об сакральных оргиях славянских язычников. Муд или мудя – это старославянское название мужского полового члена, в течение столетий табуированное и изъятое из употребления. Однако оно упорно продолжает жить в современном русском языке, то ли в названии бессмертной поэмы Баркова «Лука Мудищев», то ли в современном сленговом мудах, которым мы перевели еврейское поц. Если учесть, что голомуд мог войти в еврейский язык лишь на территории Киевско-Полесской Руси, а то и западней, на словацких или моравских землях, где старославянский тоже был в ходу в

IX-XI веках, то первый звук голомуда произносили не, как сегодня по-русски, а как фрикативное, придыхательное украинское «гэ». А чем дальше на Запад, тем больше этот звук становился хрипловатым «хэ» или даже «кхэ». Так, что и здесь, подобно замене «хера» на «хрен» налицо явный пример иудаизации честного славянского голомуда изысканным эфмеризмом – талмудическим холомойдом.

Немецкий для богохульников

Интересно отметить характерную особенность идиша – если существуют синонимы, определяющие понятие, то в идиш почти всегда использует наиболее позднее, по большей части арамейское, а не библейское. Например, арамейские левонэ – луна, вместо древнееврейского яреах и йом-тов – праздник вместо библейских хаг или мозд. В этом отличие идиша и «ашкеназийского иврита» от стандартного израильского иврита. Создатели языка иврит сознательно предпочитали древнееврейские библейские слова поздним талмудическим арамеизмам. Сионизм стремился воссоздать древний, а, по сути, заново создать язык, а вместе с ним и нового еврейского человека, свободного от местечковых комплексов. Движимые революционным пылом творцы иврита сознательно старались отбросить всё, связанное с Талмудом, с религией, с идишем. Хотя, для большинства из них идиш был родным языком. Даже меня словарь, они продолжали думать на идише, сохраняя (часто бессознательно) его ментальные модели. Несомненно, что если бы израильский иврит «воссоздавали» выходцы из Северной Африки или Йемена, то это был бы совсем другой язык, чем тот, который мы знаем сегодня. Особенности израильского иврита легко объяснить, а вот тенденция идиш к самым поздним арамейским словам, вместо ранних библеизмов вызывает множество вопросов.

Эту особенность идиша отмечает также профессор Вильнюсского университета Довид Кац. В книге «Слова на

огне: Незаконченная история идиша»¹ он атакует незыблемый авторитет Вайнрайха и всю хрестоматийную историю идиша. В отличие от Векслера Кац считает, что ашкеназийское еврейство непосредственно пошло от выходцев из Месопотамии, а идиш – прямой наследник их языка. Кац отвергает классическую схему «внутреннего двуязычия» идиша, предложенную Вайнрайхом. Он предлагает заменить ее на «триязычие» – «арамейский-древнееврейский-германо-славянский». Он рассматривает идиш, как единый язык, содержащий в себе все три подмножества, но идет значительно дальше. Подобно Векслеру, Кац отрицает теорию расселения евреев через Средиземноморье, Испанию, Западную Европу. Ведь ашкеназийские евреи появились не в портовых городах, вроде Гамбурга или на Рейне, как следовало бы ожидать, если бы они мигрировали с Запада. Раньше всего евреи появились как раз на восточном пограничье германских земель, в Регенсбурге и Вормсе, а то и вовсе на западнославянских землях, незадолго до того завоеванных в ходе Дранг нах остен (наступление на восток нем.). Стоит вспомнить, что Эльба когда-то носила славянское имя Лаба, а название Лейпциг происходит от славянского Липецка.

Довид Кац выводит идиш прямо из арамейского и древнееврейского языков, а происхождение ашкеназийских евреев ведёт от еврейских переселенцев из Месопотамии. В свою очередь Векслер приводит огромное число доказательств в пользу происхождения ашкеназийского еврейства от коренных жителей Восточной Европы. Он объясняет рождение ашкеназийского еврейского народа тем, что опасаясь немецкой колонизации и крещения, однозначно означавшей крепостное рабство, массы полабов, лужицких сербов и других западных славян обратились в иудаизм, который не преследовался, как язычество. В пору крещения западных славян в VIII-XI веках иудаизм пользовался в христианском

¹ Dovid Katz. Words on Fire: The Unfinished Story of Yiddish.

мире относительной автономией. О еврейской автономии пишет, например, св. Бернард де Клерво. В раннем Средневековье христиане относились к евреям терпимо, принимая их услуги как посредников, купцов и управляющих. Вероятно идишистская поговорка о том, что в ресторане надо выбрать столик поближе к официанту имеет очень древнее происхождение.

В знаменитом эпизоде «Повести временных лет», так называемом «испытании вер» киевский князь Владимир взвешивает возможность принятия иудаизма. Однако, убедившись, что у иудеев нет ни армии, ни государства князь заявляет: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны: если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям». Перед лицом немецкой угрозы лишенное государства и армии еврейство могло предложить западным славянам лишь разделить с ним собственную судьбу. Славянские князья Чехии (входившей в состав Великой Моравии) сделали другой выбор – приняли христианство от Византии, призвали легендарных Солунских братьев, создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия. Такая политика создавала противовес немецкой колонизации и позволила отвести угрозу и на века обеспечила самобытность чешского народа и его национальное существование. В борьбе чехов за сохранение национальной идентификации есть существенный еврейский вклад. Самая древняя чешская историческая хроника, созданная в начале XIV века Далимилом Мезжерицким, известная историкам, как Болеславова (или Далимилова), рассказывает, как чешские евреи присоединились к чешским христианам для защиты их общей родины от немецкого вторжения в IX-X веках. Хроника содержит фактические неточности, но важно учесть, что рассказ об участии евреев в борьбе славян против немецкой колонизации оставался актуальным через четыреста лет после событий.

Польская легенда повествует о событиях IX века. После смерти легендарного польского короля Попеля паны,

как обычно, не могли договориться, кого избрать королем. Отчаявшись, они решили назвать королем первого, кто появится в городских воротах с утра. Им и был еврей Абрам Проховник. Абрам принял корону и, проявив немалую государственную мудрость, примирил панов и пошел в поле. Там он нашел пашущего на волах колесника Пяста и предложил ему польскую корону. Другая версия рассказывает о том, как еврей попросил на день отсрочки, заперся в комнате и стал молиться. Народ заволновался. Крестьянин Пяст взял в руки топор и призвал народ заставить еврея принять корону. Однако Абрам объявил народу, что у вас уже есть вождь и короновал Пяста. Интересно, что восстание в Мазовецком княжестве, добивавшееся от христианской династии Пястов возрождения былых вольностей и языческих культов, легенда тоже приписывает *umysłniam zydowskim* – еврейским козням. Во всяком случае, евреи Польши пользовались привилегиями, личной свободой и самоуправлением до самого раздела Польши в конце XVIII века.

Еврейство издавна привлекало прозелитов высокой степенью взаимопомощи и социальной справедливости. Еврейская благотворительность часто распространялась на неевреев. Недаром христианская церковь всегда старалась отвлечь свою паству от нее. Наиболее ранние призывы против еврейской филантропии принадлежат жившему в V веке легендарному переводчику Библии на латинский язык блаженному Иерониму. Его призывы отказаться от опасной еврейской щедрости, напоминают некоторые современные писания против благотворительных программ, вроде «Фонда Сороса».

Принимали иудаизм также жены и мужья евреев. В замечательном сочинении Сэфер хасидим (Книга благочестивых ивр.) вышедшей в Регенсбурге в 1217 г. рабби Йегуда а-Хасид пишет вещи, вводящие в смущение современных поборников расовой чистоты евреев. В частности: «жениться на хорошей христианке лучше, чем на плохой еврейке». Вероятно, среди прозелитов всегда было много женщин.

Разумеется, тогда, как и сегодня, до единства было далеко, и среди раввинов имелись прямо противоположные взгляды на смешанные браки.

Интересно, что среди женских еврейских имен значительно больший процент небиблейских и заимствованных из других языков, чем среди мужских. Женщины могли носить небиблейские имена, поскольку их не вызывают к чтению Торы в синагоге, как мужчин. Интересно еще, что и в современном иврите в Израиле женщины значительно чаще, чем мужчины носят заимствованные и новосозданные ивритские имена. Существует поверье, что Бог узнает еврея по его библейскому имени, поэтому к Торе, которую читают перед Богом, вызывают так, чтоб Бог узнал молящегося. Поверье это между прочим странным образом перекликается с древним языческим поверьем у славян о том, что все потусторонние силы слепы. Недаром Баба-Яга чует Ивана носом, «русским духом пахнет», а нечисть поднимает веки Вия, единственного среди них зрячего, чтоб овладеть Хомой Брутом. Впрочем, этнографам не удалось найти следов Вия в украинском фольклоре.

«Книга благочестия» примечательна не только мудростью и гуманизмом. Особенности синтаксиса книги дают возможность предположить, что родным языком рабби Йегуды был какой-то славянский язык, либо книга является переводом со славянского языка. Рабби Йегуда а-Хасид поминает в книге славянские названия языческих духов, в частности волколака-оборотня, вышедшие из употребления уже в его время.

Много новообращенных в иудаизм было среди слуг и рабов в еврейских домах и хозяйствах. Не случайно церковь постоянно выпускала грозные эдикты, запрещающие евреям держать христианских работников, особенно женщин. И еще одна, самая вероятно интересная группа новообращенных состояла из языческих жрецов. Ко времени прихода христианства на славянские земли, многие славянские племена самостоятельно пришли к идее монотеизма. Самое

известное событие такого рода – попытка киевского князя Владимира установить единый и централизованный культ Перуна в качестве государственной религии. Исследователи истории западных славян тоже отмечают у них элементы единобожия. Поразительно сходство в архитектуре ранних синагог в Восточной Европе с языческими храмами. Относительно скромный статус раввинов в раннее средневековье в Восточной Европе, больше похож на статус жреческого сословия у славян, чем на обычаи евреев Иберии и мусульманских стран. В еврействе волхвы могли сохранить не только свои обычаи, носить бороду или не есть свинину, но и личную свободу. Большая доля истины в шутке Майкла Векса «Идиш начинался, как немецкий для богохульников, на котором вы можете отрицать Христа, не убивая себя больше, чем это необходимо».¹

Шабат в честь богтни любви

Пол Векслер считает, что массовое принятие иудаизма славянами не носило драматического характера, в отличие от крещения Руси или принятия мусульманства в Золотой орде, хотя историкам известны факты принятия иудаизма князьями и вождями в раннем Средневековье. Еврейские источники сохранили мало свидетельств перехода славян в иудаизм. Младший современник рабби Йегуды а-Хасида Йомтов Липман, служивший раввином городов Кракова и Праги, в своей книге Сэфер ницахон (Книга победы, вышла в 1410 году) благословляет новообращенных в еврейство и призывает своих читателей всячески их поддерживать. Зато прозелитам было важно подчеркнуть свою исконность, прямую преемственность от библейских патриархов. Даже в «плюралистическом раю», как назвал Довид Кац Восточную Европу раннего средневековья, применялись суровые

¹ Рожденный для жалоб: Еврейская культура во всех своих настроениях Born to Kvetch: Yiddish Language and Culture in All of Its Moods St. Martin's Press, 2005, by Michael Wex.

кары за иудейское миссионерство, хотя во многих местах обращению язычников в иудаизм власти не препятствовали. Интересна и эволюция самого греческого слова прозелит, поначалу означавшего странника и чужака. В позднюю античность и раннее средневековье «прозелитом» называли только новообращенных иудеев, придавая этому термину точно такое же значение, как и талмудическое гер (пришелец, новообращенный в иудаизм). Для новообращенных христиан пользовались словом неофит, «ново-посаженный, росток». Заимствуя слово прозелит, европейские языки, в том числе русский и английский, утратили специфический иудейский оттенок слова.

Возможно, для евреев Восточная Европа действительно казалась землей обетованной, зато язычество там беспощадно искоренялось огнем и мечом в течение столетий. Начиная с IV века, церковные владыки, синоды и соборы, как и светские власти, издавали множество суровых запретов против перехода в иудаизм. Особую тревогу они выражали перед лицом переходом в иудаизм новокрещеных славян. Уникальное свидетельство содержится в письме первого христианского монарха Болгарии Бориса-Михаила римскому папе Николаю I написанное в 866 году. Борис жалуется на иудейских прозелитов, которые не только сами приняли иудаизм, но еще и обращают в него других. Русский летописец в XII веке сетует, что евреи «имели великую свободу и власть, ... они же многих прельстили в их закон, и поселились домами между христиан». Синод в Бреслау (Польша) жалуется в 1267 году, что новокрещеные поляки могут стать легкой добычей иудейского прозелитизма. «Польская земля пока лишь юный росток на древе христианства, и христианский народ с легкостью заражается иудейскими предрассудками и развращается евреями, живущими среди них...». Впрочем, эдикты против перехода в иудаизм издавались и там, где никакого иудейского прозелитизма не было. Как часто бывает, антииудейские призывы церковных иереев далеко не всегда отражали действительную картину, а слу-

жили политическим или пропагандистским целям. Сегодня невозможно сказать, где антииудейские эдикты опирались на факты перехода в иудаизм, а где служили иным целям. Часто само церковное начальство не заблуждалось в действительной картине. В послании к немецким прелатам в 1233 году папа Григорий IX называет разговоры о переходе в иудаизм пустой риторикой (на средневековой латыни это обозначало краснбайство и болтовню). Однако дальше он делает исключение для определенных германских земель, хотя и не указывает каких.

Сегодня в еврейских источниках часто встретишь утверждения, что те или иные этнографические еврейские группы – грузинские, индийские, эфиопские, кавказские, йеменские, крымские и даже североафриканские евреи – происходят от обращенных в иудаизм местных жителей. Сказать такое про ашкеназийских евреев как-то не принято. Вероятно потому, что подавляющее большинство евреев-исследователей сами происходят из ашкеназов. Возможно еще из-за политической напряженности на Ближнем Востоке, где историю используют как оружие в длинном и кровавом конфликте за землю и воду. Даже известный широтой взглядов и терпимостью известный израильский исследователь еврейской мистики Гершом Шолем говорил студентам: «Зигмунд Фрейд утверждал, что евреи позаимствовали в Египте свою религию, а теперь Артур Кёстлер в книге «Тринадцатое колено» пытается отобрать у нас все остальное». Позже я узнал, что такой же ответ Шолем дал редактору *New-York Review of Books*, просившего написать рецензию на сенсационную книгу Кёстлера, предлагавшую гипотезу происхождения ашкеназийских евреев от хазар, принявших иудаизм в VIII веке.

Если такова была реакция Шолема, что говорить про теперешнее поколение исследователей? Порой увлекательно написанные труды учеников Шолема, как Моше Иделя или Йегуды Либеса, вопреки своему учителю, изображают анти-историческую идеализированную картину еврейской жизни

в каком-то параллельном пространстве, без всяких влияний внешнего мира. Впрочем у Векслера, как и большинства лингвистов, гипотеза Кёстлера тоже не нашла поддержки из-за отсутствия лингвистического материала.

В иудаизации нет ничего уникального для евреев. Точно так же происходил процесс христианизации языческих обрядов. Однако христианство никогда не делало большого секрета из того, что активно пользовалось языческими традициями – возводило храмы на месте капищ, переделывало языческие обряды и вводило языческие элементы в христианские праздники, как масленица, колядки, Красная горка или Иван Купала. До сих пор в народе Рождество называют языческим именем «Зимний коловорот». Многие святые, вроде Ильи-громовика или св. Власия носят явные черты языческих богов Перуна и скотьего бога Велеса.

Иудаизации подвергалась не только речь, но и языческие и христианские обряды, распространенные среди евреев. Например, известная всем субботняя хала. У ашкеназийских евреев халой называется особый плетеный хлеб. Хала неизменно подается к субботней или праздничной трапезе, над ней произносится благословение брохэ. Религиозные евреи производят название халы от библейского хал? – части теста, отбираемой в ритуальных целях. Вот только распространенные у ашкеназов названия халы были далеки от библейских. Третий том «Атласа по истории и культуре ашкеназийского еврейства издания» Института еврейских исследований ИВО посвящает несколько страниц названиям халы в разных регионах от Беларуси до Франции – берхес, китке, штрицл, дачер и даже... койлич. Да-да, кулич, оказывается, тоже не чужд субботнему еврейскому столу! Слово кулич греческого происхождения, где коллиес означает хлеб круглой формы. У евреев Франции койлиц обозначал халу по крайней мере с XI века.

Подробный разбор других названий увел бы нас далеко от темы. Скажем лишь, что берхес вероятно имеет не иудейское происхождение. Известно, что у древних

германцев (а также предки чехов и словаков) женщины состригали косы в дар языческой богине плодородия Берхте (или Перхте). Позже, косу сменил символический хлебец берхи-брод. Некоторые этнографы (Экштейн, Трахтенберг и др.) связывают еврейский обычай накрывать халу платком с языческим обычаем посвящения женской косы богине, после чего женщины покрывали голову, расставаясь с девичеством. У евреев тоже принято перед свадьбой состригать женщине волосы и прятать голову под косынку. Среди религиозных евреев название халы берхес принято возводить от брохэ (благословение ивр.) Вспомним, как гнилая груша превратилась в «йом-кипурную». Вероятно, остроумное объяснение не убедило раввинов и их смущала память о языческом прошлом названия. Так или иначе, без лишнего шума в течение нескольких сот лет сомнительное берхес сменилось вполне еврейской халой. Интересно и то, что если для благословения идиш пользуется древнееврейским словом, то глагол «благословлять» бенчн происходит от церковного латинского *benedictus*.

Существует еще одна гипотеза, связывающая название халы с именем доброй, но далекой от иудаизма феей Фрау Холли (*Frau Holli, Frau Holda*, святая госпожа немецк., на западном идиш ритуал в ее честь назывался *holekra?*). По народным поверьям Фрау Холли, защищала детей от злых ведьм. В Духов день фее подносили специальный хлеб. В некоторых районах Германии память о старой богине сохранилась даже в названии праздника *Perchetennacht* – ночь Перхтен. В других районах Фрау Холли отмечали в первую ночь Нового года. Богиню называли ее в песнях святой и царицей. Для нее пекли особый фигурный хлеб. Интересно, что субботу (шаббат) у евреев тоже встречают накануне вечером, называют святой и царицей, а в субботнем ритуале этнографы находят следы древних свадебных обрядов встречи невесты. Не случайно в субботнее песнопение включены стихи из Песни Песней – древнего любовного сочинения, которое христианство и иудаизм и одинаково толкуют как

любовь к Богу. Мотивы «Песни пеней» до сих пор звучат в свадебных обрядах палестинских и сирийских крестьян. У балканских славян сохранялись обряды поклонения фригийской богине плодородия называемой Сабатис. В культуре богини явно прослеживаются иудейские элементы.

Разумеется, еврейская суббота вовсе не заключается в поедании плетеной булки. Евреи почитают субботу больше любого своего праздника, поскольку праздники установили люди, а День субботний, сам Господь. В субботу запрещается работать, а еще подробно перечисляются 39 запрещенных видов деятельности. Суббота для евреев действительно царица, невеста. Евреи читают из 31-го Псалма

«На Тебя, о Боже, я уповаю, не буду пристыжен вовек; по правде Твоей избавь меня; прислушайся ко мне, поспеши спасти меня. Будь мне каменной твердыней, домом укрепленным, чтобы спасти меня, ибо Ты – скала моя и крепость моя, и ради имени Твоего веди меня и направляй. Выведи меня из сети, которую тайно поставили мне, – ведь Ты оплот мой...».

«В субботу евреи не работали, не разводили огня, не рвали бумаги, не держали денег, не делали ничего, что имело вкус рабства тела... И никак нельзя было заставить или подкупить еврея нарушить субботу. Ведь суббота и праздники – это все, что оставалось ему. Суббота были последней цитаделью его свободы.. В эти дни еврей должен был молиться, размышлять и поднимать свой дух учением. Еврею нельзя было сердиться и ему надлежало обуздать гнев, он мог не знать, где добыть пропитание на следующий день, и ему надо было изобрести, как забыть об этом тоже...» – пишет замечательный еврейский писатель Морис Самуэль. (Moris Samuel The World of Sholom-Aleihem Shoken NY 1965). Не обладая военной силой, полицией или законодательной властью, евреи заставили своих соседей поступиться ради субботы. Несмотря на неудовольствие церкви, ярмарочные дни повсеместно в Европе проводились в святой для христиан воскресный день. Суббота еще и день учения, дискуссий

о религии, этике, морали и вере. Целый народ, год за годом, поколение за поколением отдавали один день в неделю семинару о религии, нравственности и долге.

Евреи далеко не всегда живут в согласии с законом Торы. Мудрецы Талмуда запрещали давать пищу богам и духам, видя в этом проклятое язычество. Зато ашкеназийские евреи в XVII-XVIII веках, пытаясь задобрить бесов перед церемонией обрезания новорожденного, подносили им пищу. Посещавшие Восточную Европу ученые сефардские евреи из мусульманской Иберии приходили в ужас от огромного количества мистических верований и народной магии местных евреев. Не то, что бы сами сефарды были чужды магии и суеверий. Однако они признавали лишь обоснованную «научную» магию, базировавшуюся на талмудических текстах. Аналогичная ситуация сложилась и в новое время. Виднейший еврейский историк XIX века Генрих Грец объявлял пронизанный мистицизмом хасидизм дикостью, а еврей-рационалисты провозглашали всякую мистику и народные верования нееврейскими. Однако сегодня наблюдается обратное движение – реформистские раввины вводят в богослужения хасидские элементы, а мистика каббалы (иногда смешанная с буддизмом и другими дальневосточными культовыми практиками) находит широчайшее распространение среди светских евреев. Как всегда бывают и другие мнения. Сверхрелигиозный редактор выбросил из труда еврейского путешественника XII века Птахии из Регенсбурга многочисленные описания еврейских суеверий и колдовских практик, распространенных в его время.¹ А ведь раввины в Европе никогда не устраивали охоты на ведьм. Более того, веками евреи в Восточной Европе пользовались авторитетом у нееврейского населения в вопросах магии, особенно в вопросах снятия наговоров, дурного глаза, изгнания духов и реинкарнации. Юдофильские легенды о раввинах-врачевателях и добрых волшебниках, равно как и юдофобские – о связи

¹ A. Nahama, G. Sievernich *Judische Lebenswelten*. Katalog, Berlin. 1991.

евреев с дьяволом существуют в фольклоре всех европейских народов, а память об особой еврейской магии живет кое-где и по сей день. Во время поездки по Карпатам несколько лет назад, я по совету друзей запасся в одной еврейской организации дешевенькими мезузами – ритуальными амулетами, по традиции защищающими дом от злых сил. Мои мезузы пользовались огромным успехом у крестьян в селах и городках Лемкивщины – самобытном этно-культурном регионе Украины. Не единожды я видел мезузы, прибитые на косяках дверей в сельских домах и даже в пастушеских хижинах-колыбах на верховинских пастбищах. Еврейские обереги и магия были в почете у местных лемкив и гуцулов, хотя после Холокоста там выросли два поколения, не помнящие евреев. Лишь руины еврейских кладбищ в городках и местечках напоминали о том времени, когда здесь бурлила еврейская жизнь, и подавляющее большинство населения этих местечек составляли евреи. В отличие от христианского кладбища, называемого местными цвынтар, еврейское кладбище называлось квуры. Вероятно от названия захоронения квурэс на идише (мн. число от древнееврейского кэвер могила). Однако мне не удалось выяснить, идет ли речь об имени места, либо о локальном названии еврейских кладбищ.

Никакой раввинский запрет не может надолго устоять перед народной волей. Замечательный еврейский юморист и один из лучших современных переводчиков с идиша Майкл Векс замечает «Талмуд – это ничего иного, как идиш в зародыше». (Рожденный для жалоб: Еврейская культура во всех своих настроениях).¹

Кабан на еврейских знаменах?

Во многих случаях еврейский народ прямо отклонялся от четких заветов Талмуда. Жившие в Месопотамии муд-

¹ Born to Kvetch: Yiddish Language and Culture in All of Its Moods St. Martin's Press, 2005, by Michael Wax.

рецы Талмуда считали белый цвет счастливым, а красный по большей части считался цветом злых сил, дурного глаза. В Талмуде есть прямые запреты мужчинам надевать вещи красного цвета. Зато у ашкеназийских евреев, как у их германских и славянских соседей – красный цвет издавна считался счастливым. Талмуд разрешает повязывать красное младенцу, однако красная нить вокруг кисти или пальца считается там запрещенным языческим обрядом. Несмотря на это хасиды до сих пор повязывают красную нитку для защиты от злых сил. Хотя в идишитском фольклоре есть мотивы, связывающие красный цвет со злом. Несмотря на суровые постановления раввинов, традиционный иудаизм всегда мирно сосуществовал с народной мистикой и обрядностью, справедливо признавая еврейским почти все, что прижилось у евреев. Поколения ученых раввинов не ставили задачу докопаться до первоначального замысла автора священных текстов. Наоборот, они полагались больше на свою житейскую мудрость и толковали святые тексты согласно меняющимся жизненным обстоятельствам, помогая народу выжить и сохраниться в трудные времена. А когда раввинское мнение входило в конфликт с народными чаяниями, то тихо уступало. Например, раввины XVIII века считали помидоры нееврейской едой. Они называли его хозер-аплэх – свиные яблоки. Однако помидор не исчез с еврейского стола, а изданный в Москве в 1989 году Русско-еврейский словарь под редакцией Моисея Шапиро уже называет помидор помидором.

Вероятно, характер исполнения запрета на свинину у ашкеназийских евреев имеет больше отношение к славянским верованиям, чем к древнему иудейскому закону. Многие этнографы связывают интерпретацию кашрута у ашкеназов с пищевыми запретами славян. Под красными стягами с изображением дикого вепря выходили полабы и лужичи на отчаянные и безнадежные битвы против закованных в броню крестоносных немецких рыцарей. Дикий кабан был тотемным символом у многих западнославянских племен.

У них строго соблюдалось табу на свинину. В Талмуде свинина почти не встречается. Там все запрещенное называет давар ахэр – другая, запретная, нечестивая вещь. Тут не убавить, не прибавить. «Печать Бога – это правда» – учил рабби Ханина (Вавилонский Талмуд Тр. Санхедрин 64а). Еврейская пословица, взятая нами из замечательной книги «Народ слов» Мириам Вайнштейн¹ говорит «Добавлять до правды, значит, отнимать от нее».

Впрочем, еврейский народ определил сложные взаимоотношения со свининой не только категорическими раввинскими запретами, но и поговоркой, которую часто вспоминают герои Шолом-Алейхема «Если жрать свинину, так уж чтоб по бороде текло». Пристрастие к ношению длинной бороды религиозные евреи тоже объясняют нерушимой традицией со времен библейских патриархов, по библейскому завету «Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей» (Кн. Левит 19:27). Однако многие исследователи видят здесь связь с древнеславянскими обычаями ношения бороды. Ведь в средневековой Европе художники изображали евреев бритыми. В богато иллюстрированных манускриптах Пасхального предания Хагады евреи тоже изображали себя безбородыми. Евреи в мусульманском мире носили аккуратно подстриженную бородку согласно моде своих соседей. Зато нестриженные бороды «лопатой» издревле бытовали среди славянских племен, особенно в жреческом сословии. Известно, что волхвы не стригли волос и бороды. Векслер отмечает, что как раз на средневековых изображениях из Восточной Европы, евреев при исполнении религиозных церемоний неизменно с бородой и длинными волосами. Интересно, что традицию не стричь волос и бороды русские православные священники тоже унаследовали от языческих волхвов. У православных греков неизвестен обычай не стричь бороды. Так, что бородатый ортодоксальный раввин, переходящий

¹ A Nation of Words by Miriam Weinstein, Steeфорf press, 2001.

улицу при виде бородатого батюшки, имеет с ним гораздо больше общего, чем оба могут себе представить.

Впрочем, наиболее раннее упоминание такого важного для иудаизма термина, как «рабби» встречается как раз в Евангелиях, например у Матфея, где народ кричит Иисусу «Рабби! Рабби!» (Матф.23:7). Очевидно, русские переводчики Евангелий решили, что «рабби» могут неправильно понять и перевели как «учитель». По-английски переводчики во всех доступных нам библейских переводах оставили «рабби», как в греческом оригинале. Протестанты воспринимают Библию, как единую книгу, и у них нет такого четкого разделения на Ветхий и Новый завет, как у православных и тем более иудеев. Иудеи и вовсе избегают пользоваться терминами Ветхий, а тем более Новый завет, хотя последний термин вполне иудейский и встречается впервые еще у пророка Иеремии (Иерем. 31:31).

Если же мы вспомнили средневековые иллюстрации к пасхальному молитвеннику Хагада, то в них показано много интересного, о чем умалчивают тексты – невозможные в иудейской практике молитвенные накладки талит красного цвета; евреи, украшенные свинными ушами (!) исполняют пасхальные обряды в «Птицеголовой Хагаде» XIII века из Баварии и даже женщины, изучающие секреты Торы вместе с мужчинами (!!), как в знаменитой Дармштадской Хагаде 1430 года.

Интересно, что название жены раввина в идиш – рабецин Макс Вайнрайх толкует, как рабби со старо-французским женским суффиксом -issa (ср. баронесса) и идишистским окончанием женского рода -ин). По-итальянски жена раввина действительно называлась когда-то *rabissa*. Не углубляясь в сложные вопросы фонологии, скажем, что в идише -с– никогда не переходило в -ц-, а западный идиш, где только и могла появиться идишистская рабисса не знает двойных суффиксов. Более вероятная этимология – старинный славянский суффикс -ица, что-то вроде рабаница. Славянский суффикс -ица в идише довольно продуктивный,

например не нуждающееся в переводе нудница. Слова с таким суффиксом не означали чью-то жену ни в идише, ни в славянских языках. Нудница редко бывает женой нудника, а жрица или медведица никак не жены жреца или медведя, уж не говоря об имени языческой богини Радуницы. Впрочем, похожая форма есть и в греческом языке. Более того, со II и вплоть до начала мусульманского завоевания в VII веке, в настенных надписях византийских синагог в Греции, Италии и на Мальте часто встречаются женские имена с титулами пресвитересса, или даже архисинагогисса – т.е. старейшина синагоги (архи старший греч.). О важной роли женщин в религиозной жизни свидетельствует большое число женских имен среди жертвователей синагог в тот период. Даже если автор замечательной книги «Похвала идишу» Морис Самуэль¹ ошибается, считая, что рабецин происходит от греко-латинского названия женщины-раввина, все равно идиш сохранил и другое значение этого слова – образованная женщина.

Интересно, что у евреев-выходцев из Северной Африки последнее значение рабецин в ходу до сих пор. Почитаемый североафриканский цадик (праведник ивр.) и наследник целой династии чудотворцев рабби Исраэль Абу-Хацира (1890-1984), живший в израильском городке Нетивот пользовался известностью далеко за пределами общины выходцев из Марокко своими чудесами. Он больше известен по своему прозвищу Баба Сали, Сали – принятая среди евреев Магриба форма имени Исраэль. Последний год жизни рабби сильно болел, и его последователи-хасиды ломали голову, кто же будет наследником. Не то, что Господь не благословил раввина сыновьями. Однако старший наследник, Барух Абухацира был известен скандальными похождениями и вел светский образ жизни. К тому же отсидел солидный срок в израильской тюрьме за хищения и злоупотребления служебным положением. Однако, вер-

¹ The Praise of Yiddish by Morris Samuel NY, 1971.

нувшись после похорон, последователи святого увидели, что Барух занял отцовские апартаменты, одел отцовскую мантию-галабию, назвался Баба Барух, и как ни в чем не бывало, производил прием верующих. Некоторая часть верующих не захотела последовать за сыном, который, хотя и унаследовал некоторые отцовские способности по части чудес, однако прославился больше противоречивыми политическими заявлениями и скандальным нравом по отношению к другим раввинам-каббалистам. Некоторая часть последователей пошла за внуком Баба Сали, рабби Яковом Абухацирой из библейской Беэр-Шевы, прозванным ха-Рав, т.е. просто Раввин с большой буквы. Однако и ха-Рав попал под полицейское расследование по подозрению в манипулировании общественными средствами, вымогательстве и коррупции. Раввин уехал в Швейцарию на отдых на неопределенное время, а его политические друзья пока уладили дело. Ведшего дело раввина начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями Мишу Шаули повысили в чине до полковника и отослали подальше – атташе по делам полиции в израильское посольство в Москве, а ха-Рав отделался лишь уплатой подоходного налога на доходы от чудес, благословений и заговоров. Подоходный налог в Израиле не прощают ни самым грешным, ни самым святым. Вернувшись домой он столкнулся с конкуренцией не только со стороны дяди, но и новой претендентки – племянницы рабецен Симы, обосновавшейся неподалеку о пышного мавзолея Баба Сали.

В современных ортодоксальных синагогах женщины строго отделены от мужчин, и не допускаются ни к чтению Торы, ни к ведению службы, ни к изучению талмудической премудрости. Однако в раннем средневековье в Европе нет свидетельств якобы извечной традиции разделения мужчин и женщин в синагоге. Вплоть до эпохи крестовых походов, принесших в Европу мусульманские обычаи и нравы, средневековые синагоги в Германии и славянских землях не имели женской галереи. Лишь начиная с XIII века, их

начали достраивать к существующим синагогам. В 1212 году добавлена женская секция к синагоге XI века в Вормсе (на том же этаже, что и мужская). В разрушенные нацистами древние синагоги в Шпеере и Кёльне (обе построены в конце XI века) женские галереи были добавлены в конце XIV века, а к построенной в XIII веке пражской синагоге Пинкуса женскую секцию добавили лишь около 1600 года. Остатки старинной синагоги в Регенсбурге построенной в XIV веке и вовсе нет женской галереи. В Польше синагоги с женскими галереями стали строить еще позже, где-то с начала XVI века. И здесь очевидно, что положение еврейской женщины в раннем средневековье больше напоминал их статус в славянском языческом обществе, и сильно отличался от талмудических норм, созданных в Месопотамии и Палестине. Недаром упоминавшийся выше рабби Йегуда а-Хасид из Регенсбурга, без всякого осуждения пишет, что евреи в основном ничем не отличаются от окружающих народов. Вероятно, процесс иудаизации в его XIII веке еще не дала плодов.

Интересно, что баба – общепринятый титул раввина у евреев Северной Африки – это арабизированная форма греческого папа. Арабский язык не воспринимает звука -п-, особенно в ударной форме в начале слова. От того же слова произошло русское слово поп. Жившие в мусульманском окружении евреи веками называли своих раввинов «отче». Зато восточноевропейским евреям, распространенное в Талмуде обращение отче – абба, как синоним рабби (напр. Вавилонс. Талмуд. Мас. Псахим) по-арамейски, казалось слишком христианским. Здесь еще один пример иудаизации, только уже еврейских терминов, бывших в употреблении у их христианских соседей. Ведь слова абба – отец, одно из немногих арамейских слов, встречающихся в Евангелии (напр. Марк 14:36) и отсюда проник во многие европейские языки, как титул священника или монаха. Настоятель монастыря у православных называется авва, а у католиков аббат. Отсюда и слово аббатство и даже аббатиса, возможное

лишь в несемитском языке, утратившем первоначальное значение, вероятно, казалось забавным евреям.

Здесь пример иудаизации еврейского термина, ставшего христианским. Ашкеназийские евреи не продолжали талмудическую традицию звать раввинов абба, а тем более, назвать раввина а тем более – поп, папа, в то время, как их единоверцы в исламских странах не чувствовали здесь никакого неудобства. Интересно, что слово «поп», обычное не только у православных греков и румын, но и у православных славян – сербов, македонцев и болгар, Русская православная церковь изымает из употребления. Здесь предпочитают пользоваться «батюшка», «отче» или для богослужения греческим иерей (священник).

Интересно наблюдение Пола Векслера об эволюции имени «Ашкеназ». В Библии оно означало индоевропейский народ, вероятно скифов. Затем название было перенесено на европейских тюрков, жителей Малой Азии и Причерноморья, позже обозначало Восточную Европу и славян. Впоследствии название «Ашкеназ», а лишь затем на самих евреев – жителей Восточной Европы, а «Ашкеназ» окончательно утвердилось у евреев, как название Германии. Векслер полагает, что название евреев именем нееврейского народа Ашкеназ несет в себе еще одно ясное указание на их преимущественно несемитское происхождение. Интересно, что и название славян в талмудической литературе Ханаан, евреи стали применять к себе и к еврейско-славянскому языку кнааниту, которым пользовались в Чехии в Средние века. Название Ханаан для славянских земель в раннем Средневековье было распространено не только среди евреев. Славянские земли веками служили источником рабов и в Средневековье бытовала легенда, что славяне – потомки библейских ханаанейцев, бежавших от победоносных войск Иисуса Навина, но не избежавших божественного проклятия быть рабами у Израиля. Недаром во многих европейских языках слово раб происходит от славянина *slave* по-английски, *shlavo* по-итальянски, *sklave* на средневековой латыни,

esclave по-французски, slaf по-шведски склафос по-гречески и саклаб по-арабски. У евреев ее вспоминает живший в Провансе еврейский талмудист Давид Кимхи (ум. В 1235 г.), прославившийся тем, что постановил сжечь произведения великого Маймонида. Однако, Ханаан означает также Землю обетованную. В этом смысле Ханааном называлась Чехия и Моравия, где издавна жила еврейская община в условиях значительно лучших, чем в немецких землях. Впрочем, в византийском житие великих Солунских братьев, создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия тоже сказано, что они занимали епископскую— кафедру «в Каннаане граде». Об этом писал еще в начале прошлого века русский этнограф Г. Барац.¹

В древнеславянском каноне Кирилл назван вторым Авраамом, пришедшим в Землю Ханаанскую.² Евреи Чехии с гордостью называли свою страну Арцейну Кнаан — страной ханаанской (древнеевр.), а свой язык кнаанит не подозревая, что в течение почти 200 лет видные исследователи еврейской лингвистики и фольклора, среди них Александр Гаркави или Макс Грюнвалд, и даже солидные научные институты будут отрицать славянский характер их языка в угоду идей пангерманизма. Об этом хрестоматийная статья Романа Якобсона, того самого, кого увековечил Маяковский «Глаз кося в печати сургуча, напролет болтал о Ромке Якобсоне».³

Довид Кац предлагает свою гипотезу — движение евреев на восток Европы происходило прямо из Месопотамии, а идиш стал не косвенным (через иудейско-арабский, иудейско-французский, иудейско-итальянский и ладино) а прямым преемником древнееврейского и арамейского

¹ Г. Барац, Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Paris, 1927.

² П. Лавров. Кирило та Мефодій в давнеславянському письменству. Сб. Историко-філологічного відділу Української академії наук. Київ, 1928.

³ Roman Jakobson and Morris Halle. The term Canaan in Medieval Hebrew. В сборнике For Max Weinreich on his seventieth birthday; studies in Jewish languages, literature, and society. The Hague, Mouton, 1964.

языков, на котором разговаривали выходцы из Месопотамии. Кац считает, что они-то и стали первыми ашкеназийскими евреями.

То есть не современный, искусственно сконструированный иврит, который Кац предлагает попросту переименовать в «израильский язык», а именно идиш является историческим преемником языка библейских патриархов и мудрецов Талмуда. Кроме значительно более высокого процента гебраизмов в идише, Кац выдвигает против «теории учености» Вайнрайха другой аргумент.

Если бы идиш заимствовал гебраизмы из текстов, то невозможно объяснить, как вошли в него многочисленные арамейские предлоги, междометия и местоимения, которых нет в ученых книгах, например кимат «почти», махмэс – «изза», «потому» (в современном иврите м'хмат) и другие.

Еще более убедительны фонетические доказательства, приводимые Кацем. Если бы гебраизмы и арамеизмы в идише постепенно внедрялись в язык через изучение текстов, то они обязаны подчинятся строгим фонетическим законам германских языков, а этого, как известно не наблюдается. Векслер тоже поддерживает идею эмиграции ученых раввинов из Месопотамии в Восточную Европу, однако считает, что речь не могла идти о большом количестве переселенцев. Векслер признает возможный вклад раввинов из Вавилонии в еврейскую жизнь.

Он указывает на факт, что в общинах, где нет потомков традиционных еврейских жреческих каст – коэнов и левитов, например среди грузинских, крымских или эфиопских евреев, процесс иудаизации шел значительно медленнее.

Галут как туризм

Довид Кац не может простить Государству Израиль одной вещи – уничтожения идишиской культуры. Ведь идиш был живым языком миллионов людей, а иврит – мертвым. Так зачем было уничтожать живое, чтоб возродить труп? Кац

даже отказывает ивриту в праве называться историческим преемником древнееврейского языка. Довид Кац не одинок в таком заключении. Векслер, с выводами которого Кац не согласен по большинству вопросов, тоже считает иврит перелицованным идишем. Структуре иврита посвящена его книга «Раздвоение современного иврита: Славянский язык в поисках семитского прошлого».¹ Оксфордский профессор Гилад Цукерман прислал мне синопсис своей книги «Миф иврита», где анализирует несемитскую, синтетическую, «камуфляжную» структуру иврита. Книга скоро выйдет из печати. Для современного иврита Цукерман тоже использует название «израильский язык» (или попросту Ivrit) а Hebrew он предлагает оставить традиционное значение древнееврейского языка.

Если Пол Векслер пишет сухим, научным языком, непрым для чтения, а его лингвистические аргументы довольно трудно изложить популярно, то книга Довида Каца написана увлекательно, даже поэтически. Автор влюблен в идиш, в идишистскую культуру, верит в его великое будущее. Книга вовсе не исчерпывается приведенными лингвистическими гипотезами и полна драматизма. Ее главный герой – наш народный язык показан в неустанной борьбе за легитимацию, за право печататься. «Слова на огне» заставляют пересмотреть многие устоявшиеся взгляды. Например, принято считать, что идишистская народная литература – продукт светского еврейского движения XIX. Кац прослеживает ее развитие задолго до начала секуляризации еврейского общества – от каббалистических сочинений на идише, лубочных хасидских историй и притч, публикации на идиш прославления основателя Баал-Шем Тов. Вторая великая книга идишистской литературы, волнующая нас до сего дня – рассказы хасидского мастера рабби Нахмана из Брацлава, опубликованная в 1815 году, за полвека до официальной

¹ Paul Wexler *The Schizoid Nature of Modern Hebrew: A Slavic Language in Search of a Semitic Past*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991.

даты начала идишистской литературы – публикации в 1864 году повести «дедушки еврейской литературы» Менделе Мойхер-Сфорима Дос клейне мэнчеле (Маленький человек идиш еще по-русски переводилось, как «Паразит»). Интерес к идишу у Каца проснулся лишь после смерти отца, американского идишистского поэта Менке Каца, известного деятеля коммунистических литературных групп Ди Линке (левая идиш) и Пролетпен.

Когда мы писали, что в идише около 25% славянизмов, мы имели ввиду литературный язык. В народном языке славянизмов несравненно больше. Дата официального начала современной идишистской литературы выбрана неслучайно. Ведь литература на идише появилась значительно раньше. Однако, язык ранних писателей и рабби Нахмана Бреславера, и его ненавистника, яростного критика хасидизма Менделя Лефтина, и других, почти забытых сегодня Аксенфельда, Готлобера или Йоэля Линецкого полон славянизмами. Однако теоретики языка идиш того времени яростно отвергали славянский формант своего языка. Известный литературовед Нойхем Штиф и вовсе отрицал наличие славянского элемента в идише. В пылу полемики с известным сионистским социалистическим писателем Бэром Бороховым, Штиф заявил, что если в идише есть славянские заимствования, то их единственная судьба – «испариться оттуда». Еще раньше видный филолог Лазар Сенан (*Lazar Saineanu, Lazar Sainean*, еврейская фамилия Шайн, автор первого универсального словаря румынского языка и классических исследований старинного французского аргю) считал, что славянизмы в идише служат лишь для выражения отрицательных понятий, например гултйай – бездельник, паскуднэ – отвратительное, парх – парша или каликэ – калека. Такая оценка неизбежно вела к дискриминации целого языкового слоя.

Однако перелом в литературе на идиш наступил с появлением Мойхер-Сфорима. Книги Менделе Мойхер-Сфорима имели феноменальный успех. Его герой книгоноша (мойхерсфорим на идиш) «пошел в народ». Он путешествовал в своей

кибитке по грунтовым дорогам между Глинском и Бердичевом, встречал разных людей и рассказывал свои истории, критиковал несправедливость, делился своими соображениями о переустройстве мира и особенно – еврейской жизни в Российской империи. Повести, а затем и роман «Фишка Хромой» стали сенсацией. Писатель резко обрушился на еврейское руководство кагал, обвиняя его в плачевном положении евреев в Российской империи. Писатель яростно атаковал развращающую коррупцию и некомпетентность руководства еврейских общин и многочисленных благотворительных организаций, критиковал царящие там нравы, казнокрадство, nepотизм и несостоятельность – все, что, к сожалению, снова вернулось кое-где вместе с «возрождением еврейской жизни». Писатель предлагает свои решения, частью утопические, частью осуществленные позже. Менделе призывал богатых не жертвовать деньги, а способствовать профессиональному образованию, готовить хороших специалистов, творческих людей и полезных граждан. Со временем писатель понял, что его сатира слишком прямолинейна, слишком литературна, что она часто устарела и бьет мимо цели. Тогда в еврейскую литературу пришли молодые таланты – прежде всего Шолом-Алейхем и И.-Л. Перец. В их творчестве социальная сатира играла второстепенную роль. И Менделе Мойхер Сфорим начал переделывать свои старые произведения, добавлял в них теплоту и доброту, сдабривать народными шутками. Он понял, что широкий читатель хочет не религиозно-общественной сатиры, не бичевания коррупции и недостатков, а историй, которые помогают понять, как можно выжить в суровом мире среди всех этих бед. «Фишка Хромой» выходил тремя переделанными изданиями – в 1869, в 1876, и последнее – в 1888. И с каждым разом в романе смягчается сатира и полемика, зато все больше теплоты и симпатии к бедам своих героев, все больше интереса к народному юмору.

Мойхер Сфорим никогда не теоретизировал по поводу литературы. Известна лишь его фраза «Фени (воровского арга) у нас не должно быть». Вместе с тем, от издания к из-

данию из прозы «дедушки еврейской литературы» исчезали славянизмы. Если в первом издании злодей Ицик-Авраам назван русским словом грабитель, то в более позднем он стал барайзер (слово германского происхождения, означающее головорез). Или известный раньше каждому еврейскому школьнику пассаж о «реках слез». В первом издании, мальчик, подслушавший взрослых говорит, что слышал весь разговор, но понял не все, а лишь смысл... и рикэс (славянское реки) тэрерн (слез) текли... В позднейших изданиях автор заменил разговор на шмуэс (древнееврейское слово шмуот в современном иврите значит слухи), а на месте русского смысл появились германское геданк (идея на идиш) и пшат (смысл на идиш, слово арамейского корня). Все понимали, что славянское простый (простой) намного шире распространено в идише, чем древнееврейское пошет (пашут в современном иврите), но упорно пользовались древнееврейским словом.

По стопам Менделе пошли и Ицхок Лейбуш Перец и Шолом-Алейхем, у которого славянизмы встречаются лишь в языке героев из простонародья. Вряд ли Шолом-Алейхем представлял себе, что именно простонародные славянизмы его героев войдут в народный язык, а затем перейдут в другие языки, как это случилось со словом пичевкэс – мелочи, подробности. До Шолом-Алейхема выражение мит але пичевкес (с большими подробностями) в идише не известно. Пичевкес происходит от украинского подшивка (подкладка в одежде) и выражение означает копаться в подкладке, а распространилось, вероятно, из-за широкой популярности портновской профессии среди евреев. Это из нынешних публикаций можно вынести впечатление, что поголовно все евреи были в старину раввинами, однако портновское слово пришлось ко двору и широко распространилось в нью-йоркском английском.

Разумеется, в любом народе хватает своих фанатиков. Некоторые русские не могут примириться с тем, что «исконные» слова, как «богатырь», «хлеб», «изба», и даже «кондовый» соответственно тюркского, германского или угро-финского происхождения. Евреи, фанатично проводящие иудаизацию

своего языка и культуры вовсе не исключение. Михайло Ломоносов, внесший огромный вклад в развитие русского литературного языка, немалую часть своего огромного таланта посвятил козням и доносам против «немецкого засилья», против ученых, не признававшего «славной истории русов», отрицанию тюркского форманта русского языка. После Ломоносова отдали дань великодержавному шовинизму Тредиаковский, Тютчев, даже Карамзин – сам правнук татарского мурзы, перешедшего на русскую службу. Даже свободомыслящий в других отношениях Пушкин гневно ополчился на «клеветников России». И вплоть до последнего времени, когда сталинские борцы против «низкопоклонства перед Западом» переименовывали французскую булку в городскую, или в пылу истерии начал войны в Ираке правые патриотические СМИ в Америке переименовали жареную картошку French fry с «французской» на «свободную» freedom fry.

Однако тенденция деславянизации идиша никогда не диктовалась злонамеренными соображениями. Она опиралась на давнюю традицию иудаизации грамматики и фонетики, где невозможно ничего сделать путем указов и директив. Например, упоминаемое выше трейбн сегодня произносят, как трейберен, а то и трейбверн, что многим кажется более «еврейским». Другой пример – смена окончания множественного числа слов славянского происхождения с -эс на германское -эн, например брегэс (берега) стало брегэн.

Пол Векслер продолжает публиковать замечательные работы. Его метод применим не только по отношению к еврейским языкам. Векслер выпустил революционные статьи о цыганском языке, подготовил монографию об исторической фонологии белорусского языка. Вскоре в Германии, в издательстве Гейдельбергского университета «Карл Винтер» выйдет в свет монография ученого «Историческая фонология русского языка».

Есть основания полагать, что замечательная писательская интуиция казахского поэта Олджаса Сулейманова предложившего прочесть «Слово о полку Игореве», как

тюркское, а не славянское произведение получит неожиданную поддержку от маститого специалиста по сравнительной лингвистике. Описанный Векслером процесс иудаизации не закончился в Средневековье. Ярким примером иудаизации является речь новообращенных российских евреев, «вернувшихся к ответу» иудаизма, к месту и не к месту пресыщенная гебраизмами и... идишизмами.

Точно такой же процесс происходит среди студентов религиозного образования в Израиле и в Америке. Здесь их сленг даже обрел название «фрумспик» (от фрум – религиозный на идише и speak – речь по-английски). Майкл Векс шутит, – «Основной смысл идиша, его смысл существования – это разговаривать на идише, отличающемся от гоиша, говорить на еврейском языке вместо нееврейского...» Как когда-то арамейский, теперь уже идиш из простонародного превращается в язык избранных, указывающий на принадлежность к элитарному сообществу. Не только в религиозных кругах. «Времена меняются. Вместе с ними – меняются моды и ценности. И то, что стесняло наших родителей, может стать источником нашей гордости, а то, о мы теперь порицаем, часто наши дети гордятся, – Пишет Пол Кривачек в новой книге «Еврейская цивилизация»¹, – Использование идишистских словечек, казавшееся раньше дремучей местечковостью, стало теперь hip – крутым. И даже на Би-би-си теперь идиш в ходу».

Заметим, что не только на Би-би-си. Слово хуцпа – нахальство, дерзания, смелость давно в ходу в Америке, а недавно строго следящая за стилем консервативная «Уолл стрит джорнал» поразила своих читателей выражением «они получают бобкес». Бобкес или в другом произношении бапкес, хоть и происходит от славянских «бобы», но прямого отношения к бобам не имеет. Боб на идише – бебл. Скорей бобкес – это похожий на бобы овечий или козий помёт, и фраза означает, что ничего не получили. Что-то вроде русского «остался на

¹ Yiddish Civilization, by Paul Kriwaczek Alfred A. Knopf, 2005.

бобах» или польского *zadac bobu*, «задать бобы», то есть на бобах оставить кого-то другого. А какая разница с услышанным от бабушки словом гурништ? Разница есть – гурништ – действительно ничего, а бобкес – что-то, что, однако, ничего не стоит. Несколько лет назад идиш на страницах «Уолл-стрит джорнал» вообразить было невозможно. Даже если редактора понимали это слово, то вряд ли еще 5-10 лет назад его поняли бы читатели одной из самых солидных международных газет для бизнесменов. Теперь же очевидно, в редакции уверены, что их читатели от Гонконга до Монтевидео понимают еврейское словечко. Ведь не взяли же они румынское название одуванчика. Впрочем, дело не в отдельных словечках. Как раз здесь позаимствовав слово из славянского языка, идиш придал ему совершенно особый, еврейский смысл. Другой пример, который приходит на ум – нудник, еврейский зануда, совершенно непохожий на зануд других стран и народов. Ответ на вопрос о том, служат ли бобкес или нудник для сохранения тысячелетней и неизменной в веках талмудической традиции и если да, то каком образом, останется за рамками нашей дискуссии.

«Ашкеназийское еврейство не столько языковое или религиозное меньшинство, сколько одна из наций – создателей современной Европы, более многочисленная, чем многие другие», – заключает Пол Кривачек в «Еврейской цивилизации». Почему мы перевели идиш, как еврейское? А потому, что сам автор, многолетний продюсер на Би-Би-Си пишет, что «идиш просто значит еврейский», а «наши отцы и бабушки говорили на идише, подразумевая еврейский язык». Кривачек последовательно отказывается видеть в истории евреев лишь «длинную сагу постоянных погромов, притеснений со стороны властей и антиеврейских церковных эдиктов, резни, изгнания, пыток, костров и пожаров». Вместо этого автор отмечает «не такие частые, но счастливые моменты, вероятно более важные вехи, отмечающие успех, а то и славу еврейской цивилизации, ее вклад в европейскую экономику, общество, религию и

интеллектуальный прогресс». «Что же насчет гонений? Просить им? Как можно их забыть? Как можно перестать сетовать и обличать?», – спросит нас читатель.

«Как и вся еврейская культура, несущая печать еврейского свойства одновременно исследовать и вышучивать все на свете, вся Библия коренится в кветч (жалобах идиш.). Тора уделяет большую часть времени беспрестанному сетованию на сынов Израиля, которые постоянно виноваты во всем на свете.., – пишет Макл Векс, – ... Иудаизм определился в галуте (изгнании – иврит.), а изгнание без жалоб – есть обычный туризм».

Не идет прямо, заходи снизу

Замечательный знаток еврейского языка Макс Вайнрайх упрощал для ясности, приводя лишь трех словах для еврейского вопроса. На самом деле синонимов значительно больше – еще сугия, шеильта, баайя.

Покойный иерусалимский профессор-лингвист Хаим Рабин, один из создателей языка иврит, как-то рассказывал нам на лекции, как на заре иврита избегали пользоваться словом баайя, предпочитая международное «проблема». Его поколение получило религиозное еврейское образование и понимало проблемность введения богословского термина в разговорный язык. Однако они предпочли свое, и еще один «вопрос» пришел из идиша, обогатив современный иврит.

Есть еще сод (тайна) и другие слова, изобретенные пытливым еврейским умом для классификации вопросов и проблем сложного мира. Есть ретейниш – загадка, мистерия, затруднение. Именно загадкам славянского форманта языка идиш посвящен конец самой интересной и важной седьмой главы «Лингвистические определения» фундаментальной «Истории языка идиш» Вайнрайха.¹ О загадках славянизмов

¹ History of the Yiddish language by Max Weinreich; translated by Shlomo Noble, with the assistance of Joshua A. Fishman. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

в идише он писал многократно. К концу седьмая глава превращается в увлекательный перечень загадок и проблем, которые невозможно объяснить «рейнской теорией» происхождения идиша и которым Вайнрейх не нашел ответа.

Например, невозможно объяснить, почему одно и то же слово славянского происхождения имеет в разных еврейских диалектах разные, а то и противоположные значения? Или почему славянизмы в идише, якобы заимствованные от соседей, не совпадают с языком этих самых соседей. В глубине Восточной Украины вдруг встречаются слова польского происхождения, которых нет у евреев самой Польши. Интересно, что в диалектах идиша, на которых говорили в самой Польше довольно мало заимствований из Польского, в то время, как в идише евреев Южной и Восточной Украине встречается значительно больше польских слов. Теория славянского происхождения идиша находит простые и логические ответы для многих загадок идиша. Ко многим, но не ко всем.

Не беда, что не все теоретические построения Вайнрайха выдержали проверку временем. Вайнрайх был большим и честным ученым, не боявшимся подвергать сомнению собственные идеи. Один из древнейших методов библейского комментария строился на том, что текст Торы рассматривали как ответы на заданные вопросы, а искусство комментатора состояло в том, чтоб понять, какой же вопрос был задан. Вопросы, сопровождающие культуру ашкеназийских евреев продолжают возникать, а ответы на них, как водится у евреев естественным образом складываются из новых вопросов.

И один из самых интересных – почему почти ни одна работа о еврейском языке идише не обходится без замечания, о том, что идиш давно похоронили, а он... гляди-ка, живет себе. Однако, если судить по числу и тиражам книг еврейской тематики, выходящих в свет, то идиш не только «живей всех живых», но вызывает интерес гораздо больший,

чем иной язык и культура народов, насчитывающих десятки миллионов человек.

Еще в шестидесятые годы Лео Ростин выпустил замечательную серию о вторжении идиша в американский обиход.¹ До сих пор не нашлось переводчика, способного адекватно перевести его полные замечательного еврейского юмора книги на русский язык. Из все ныне живущих, вероятно лишь Михаилу Жванецкому, знай он еврейский язык, по плечу такая задача. Да и на иврите книг Ростина еще долго ждать. Не так-то просто переводить книги об идиш на современный сабровский иврит, стремительно адаптирующий модели своего ближневосточного окружения.

Не приходится ждать, появления аналогичных сборников из наследия других еврейских общин. Ведь знаменитый еврейский юмор и умение рассказывать истории не передавались вместе с религией. Зато длинный список книг: замечательная и заслуживающая отдельного разговора книга профессора Давида Роскиса «Мост грусти: Забытое искусство еврейского рассказа»² such as или упоминаемая выше написанная с любовью книга Мириам Вайнштейн³ или книга американско-израильского исследователя Бенжамина Харшава «Смысл идиша»⁴, пишущий об идиш, как о «сплаве характера простого народа с гордостью и вдохновением гбнущей аристократии духа».

Книги про идиш продолжают выходить в лучших академических издательствах. Не страшно, что в университетах идиш – не живой язык, даже не сленг, а лишь предмет изучения. Макс Вайнрайх как-то заметил, что «язык – это диалект, обладающий армией и флотом». Карлин Романо в статье «Язык – это перо сердца. Идиш «умирает», идиш

¹ Joys of Yiddish McGraw-Hill, 1968 and Joys of Yinglish, McGraw-Hill, 1989.

² David G. Roskies's A Bridge of Longing: The Lost Art of Yiddish Storytelling (Harvard University Press, 1995).

³ Miriam Weinstein's Yiddish: A Nation of Words Steerforth Press, 2001.

⁴ The Meaning of Yiddish. University of California Press, 1990.

живет» в The Chronicle Review перефразирует Вайнрайха: «Язык – это диалект, обладающий посвященным ему университетским факультетом». Книги продолжают выходить и вызывать вопросы и споры.

Если умирает язык, то вместе с ним как бы умирает целый набор уникальных идей, определений и моделей нашего мира. Есть ли смысл цепляться за уходящее старое, если несомненно, что уходящий язык и его идеи, саму душу народа можно сохранить в переводе на другой язык? Особенно если не стремиться к занудливой дословности, а смело возрождать смысл и душу идиша другими, своими собственными словами.

Как гласит еврейская пословица кейн нит арибер, геит мин аронтер. «Если не идет прямо, заходи снизу».

СЛИШКОМ ЛЕВЫЙ, СЛИШКОМ ПРАВЫЙ, СЛИШКОМ МЕРТВЫЙ ИДИШ

Хотите понравиться и прийти ко двору в компании, говорящей на идиш? Тогда на вопрос «говорите ли вы на идише» ни в коем случае не отвечайте йо – да. Невозможно для еврейского человека вот так просто ответить. Даже не рекомендуется отвечать вопросом на вопрос ци рэд их идиш? – «говорю ли я на идише?», как вроде бы принято у евреев. Вот если вы бесхитростно ответите алевой волтн але азой геред – «чтобы все так говорили, как я», вы сразу покажете, что владеете не только словарем, но и духом нашего языка. Вам обеспечен успех и теплый прием. Ведь идиш такой язык, что стоит вам открыть рот, и обязательно найдется кто-нибудь, кто скажет, что вы говорите неправильно. Поэтому смело отвечайте, что никто не только не говорит на идиш, как вы, но и никогда не будет. Вот вы бы рады поговорить с людьми на равных, но это вряд ли когда-нибудь может случиться. Этот и другие советы, которые дает Майкл Векс в своей замечательной книге «Рожденный для квеч», помогут в маленьком уютном зале Тель-Авивского Дома еврейских писателей и журналистов, пишущих на идиш, носящего имя Левика.

Согласно метафоре американского лингвиста и переводчика с иврита Гилеля Галкина «среди Израильской империи еврейских букв скрывается Народная республика еврейской литературы и культуры на идише». Казалось, что расцвет республики давно прошел и в стремительно американизирующемся сверху и арабизирующемся снизу Израиле становится все меньше и меньше уголков культуры на идише. Раньше идиш имел определяющее значение для образования ивритской культуры и самого языка иврит даже в первом ивритском городе в самый разгар сионистской

революции. Идиш владел улицей. Даже арабские соседи из Яффо приняли идиш как универсальный язык общения со своими еврейскими соседями. Изгнанные после образования Государства Израиль в Газу, старые арабы не забыли идиша. Многие даже пытались говорить на идише с израильскими солдатами, занявшими Газу в ходе победоносной Шестидневной войны 1967 года. Об этом я писал в эссе «Как помирить всех евреев».¹

В Доме писателей им. Левика крепко держится небольшой гарнизон народной республики идиша. Здесь отмечали 100-летний юбилей Мордехая Цанина – легендарного основателя и редактора идишистской газеты «Лейтце найес». Одна из центральных израильских газет «Ха-Арец» написала, что Цанин для идиша в Израиле такой же культурный герой, каким был для Израила отец возрождения современного иврита Элиезер бен-Йегуда. Всю свою долгую жизнь Цанин был и остался несгибаемым борцом за культурное самоопределение идиша в Израиле. Его травили, над ним издевались. Ретивые борцы за иврит ловили и избивали на улицах распространителей его газеты. Среди его врагов был и всемогущий Давид Бен-Гурион – первый глава израильского государства...

Дело «Лейтце найес» рассматривалось на заседаниях правительства. Большинство тогдашних министров никогда не переставали думать на своем родном языке идише. Они колебались прямо запретить газету. Да и зачем, если издания на идише можно было обложить непомерным налогом, как иностранные, если в школах детей штрафовали за разговоры на мамелoшн – мамином языке, если за идиш грозило исключение из всемогущего тогда профсоюзного объединения Гистадрут, чреватое лишением медицинской помощи и работы.

¹ <<http://www.lebed.com/2005/art4375.htm>>

И все же правительству пришлось рассматривать требования Цанина. Опасаясь силы и влияния идиша, в 1949 году правительство разрешило ему выпускать еврейскую газету один раз в неделю, да и то под надзором военной цензуры. Министр внутренних дел Исраэль Роках заявлял тогда: «Если родители говорят по-немецки или по-венгерски, и они читают газеты на этих языках, то надо ожидать, что выучат иврит у детей... Идиш – нечто другое. Он представляет неизмеримо большую опасность для овладения ивритом». Кампанию против идиша, начатую министром-социалистом Рокахом поддержал министр почт и телеграфа Иосиф Бург, представлявший национально-религиозную партию МАФДАЛ. На идеологический призыв откликнулись видные поэты Леа Гольдберг и Натан Альтерман, актер Израильского национального театра Габима Шимон Финкель и другие.

В Израиле в то время выходило восемь газет на иностранных языках – «Джерузалем Пост» по-английски, «Л'эко д'исраэль» по-французски, «Йедиот хадашот» по-немецки (заслуженная газета еще с 30-х годов), венгерская «Уй келет» и другие. Позже Цанин добился разрешения выпускать газету два раза в неделю. Зато армия, покупавшая его газету для солдат, в основном, уцелевших в Холокосте новых репатриантов, неожиданно отказалась от подписки из идеологических соображений. Идишистской газете выделили лимит бумаги, хватавший лишь на три дня. Попытки выпускать газету чаще решительно пресекла полиция, несколько раз наезжавшая на редакцию. Тогда, в 1953 году Цанин, совершенно в духе легендарного еврейского «иванушку-дурачка» Гершеле Острополера, получил лицензию на выпуск второй газеты, которая выходила в те дни, когда не выходила первая. И чтоб показать, что две газеты едины – он печатал в них роман с продолжениями – кусками, то в одной, то в другой. Читатели знали об этом и молчали. Молчали и власти, и лишь в 1957 году разрешили выход ежедневной газеты.

Посреди восточно-средиземноморского Тель-Авива в Доме им. Левики все было, как когда-то в Восточной Европе – задрапированная синим крепом сцена, старый полотняный экран, бронзовые барельефы еврейских писателей на стенах, и самое главное, типичные еврейские лица – интеллигентные лица, которые уже редко встретишь на улицах Тель-Авива, Нью-Йорка или Москвы. На юбилей собралось около 200 человек со всего мира, молодых и пожилых. Музыканты-клейзмеры наигрывали издавна знакомые публике мелодии. Исполнили даже шуточную песенку пьяницы, написанную когда-то Цаниным. На праздновании царила домашняя, жизнерадостная атмосфера. Юбиляр был растроган. Гости веселились и вовсе не чувствовали скуки казенных мероприятий или ностальгии по ушедшим временам.

Цанин прожил интересную жизнь. Родился сто лет назад в Соколове в Польше. До Второй мировой войны он был активистом Бунда, работал в Центральном идише шул организации (Главная организация еврейских школ идиш) и мечтал стать еврейским писателем. В 1940 году через СССР попал в Китай. В 1941 году оказался в Палестине, где занялся коммерцией. Цанин владел гостиницей. Еврейская газета, да еще стихи на идише были его страстью, а не заработком. Цанин выпустил около сорока книг на идише – романов, стихов, воспоминаний и дневников. Он составил лучший из существующих идиш-ивритский словарь. Цанин помогал и в других кампаниях по защите идиша от произвола израильских властей. Их было немало. Конец 40-х-начало 50-х годов ознаменовалось пиком культурной войны против еврейского языка в Израиле.

В августе 1949 года Совет по цензуре фильмов и спектаклей при Министерстве внутренних дел запретил

все местные труппы, игравшие на идише. Исключение делалось лишь для зарубежных гастролеров, да и тем разрешалось выступать лишь в центрах абсорбции и лагерях репатриантов-олим. Министерство образования в свою очередь выпустило грозное постановление: «Театр является второй школой, и постановки на чужих языках вредят образованию населения на иврите». Выдающиеся идишистские сатирики Шумахер и Дзиган, тоже объявленные вредителями, лишились работы. Они вернулись на сцену лишь спустя несколько лет, пообещав включить в репертуар «идеологически выдержанные» скетчи на иврите.

В том же, 1949 году власти обрушились на частный Театр им. Гольфадена в Тель-Авиве, пытавшийся обойти постановление властей. Театр был запрещен. Когда труппа при содействии нескольких меценатов все же попыталась играть вопреки запрету, то полиция разогнала спектакль и пригрозила арестовать всех. Подобно другим гонителям идиша, израильское правительство хорошо понимало, что без школ обрекает культуру идиша на смерть. Однако, даже лишив возможности учить детей родному языку, сионистский истеблишмент Израиля продолжал бояться силы идиша.

Сионисты преследовали идиш не только в Израиле. В конце 60-х годов сионистские эмиссары сумели убедить ведущие еврейские организации Северной Америки свернуть в еврейских школах преподавание на идиш и перейти на иврит. Иврит не стал языком еврейского народа ни в Америке, и нигде в диаспоре. За пределами Израиля ни одна семья не перешла на иврит. Зато идиш, который дети могли слышать дома, изгонялся, как устаревший пережиток. Сегодня многие уверены, что кризис еврейской идентичности, переживаемый ныне американским еврейством, во многом является следствием принятых в 60-е годы радикальных решений.

Культура на идиш была принесена в жертву единству еврейского народа. Сегодня, более полувека спустя, стоит спросить себя, были ли жертва оправдана. Почти одновременно с сообщением о чествовании 100-летнего юбилея Цанина, израильская газета «Ха-Арец» опубликовала репортаж Даниэля Бен-Симона под названием «Не наш!» Необычным было то, что заголовок был не на иврите, а на идише – «Ништ унзере». Речь шла о сопротивлении ветеранов социал-демократической партии «Авода» (труд на иврите) появлению в партии нового лидера, выходца из Марокко Амира Переца. Журналист пошел в традиционный оплот партии в городе-спутнике Тель-Авива Гиватаиме. Он столкнулся с резким нежеланием ветеранов партии, ашкеназов-выходцев из Восточной Европы поддержать генсека-чужака на парламентских выборах.

«А кто это такой вообще, Перец? – восклицал многолетний активист партии Давид Ледерман, – Не за кого сейчас голосовать... не за кого». Выдвигалось множество причин, но одна была постоянной – «чужой». Мэр города Цви Штенцлер свидетельствует, что в течение 82 лет Гиватаим всегда голосовал за социал-демократов. «Теперь у нас более популярен Шимон Перес, покинувший партию и объединившийся со своими давними противниками, – говорили журналисту старые активисты. – Чем наш генсек, «этот» Амир Перец».

У Переца, никогда раньше не игравшего на этнической розни, оказались свои сторонники. Многие из них никогда за «Аводу» не голосовали. Их мнение выразил один из активистов, выходец из исламской страны, живущий в Гиватаиме с 1954 года. Перечислив все грехи старых партийцев, он заявил: «Я никогда не голосовал за «Аводу», а теперь

буду. Знаете почему? Они до сих пор все между собой разговаривают на идише. И тех, кто идиша не понимает, они за еврея-то не считают!» Секретарь местного филиала партии Йоси Арбель не скрывал тревоги из-за положения своей партии и дезертирства старых товарищей. «Я полагал, что в Израиле 2000 года человека буду судить по его делам, а не по его происхождению... Не представлял себе, что такое будет возможно в Израиле. Я думал, что это давно исчезло в нашей стране». Пресса сообщала о подобных настроениях в киббуцах.

Разумеется, оценивать израильскую жизнь надо не по схемам и мечтам отцов сионизма, а по собственно израильским стандартам и моделям. В Израиле постоянно судили по происхождению. В конце февраля многолетний лидер «Аводы», заместитель председателя Социалистического интернационала Шимон Перес неожиданно заявил: «Мы никогда не были социал-демократической партией». И действительно, сионистское движение, принявшее модную в свое время социалистическую форму, всегда преследовало, прежде всего, национальные интересы. И партия «Авода», под разными названиями, всегда оставалась партией евреев, выходцев из Восточной Европы. Несмотря на иврит и сионизм там всегда привечали своего земляка – ланцмана. Идиш вместе с партийным билетом в течение десятков лет помогал узнать своих.

Результаты выборов оказались вовсе не такими сокрушительными для Переца. В Гиватаиме за Переца проголосовало 22% (на прошлых выборах 31%), а в киббуцах 41,5% (на прошлых выборах 46,5%). Зато на периферии, где за «Аводу» не голосовали в течение двух поколений, Перец показал хороший результат. Создалось впечатление, что действительную этническую вражду политтехнологи подогревали в СМИ для возбуждения энтузиазма среди мизрахим – выходцев из исламских стран. Так или иначе, но

культурная война против идиша не способствовала единству израильского народа.

* * *

В горячее предвыборное время не обошлось без политических вопросов и на юбилее Цанина. Столетнего юбиляра спросили о гуманистическом наследии Бунда, ратовавшего за международную солидарность рабочих людей, пытавшегося на деле воплотить общественную справедливость, несшего культуру в массы, защищавших всех угнетенных. После различных метаморфоз старые бундисты в Израиле и в Америке оказались в стане левых партий. В основном они нашли свое место в «Мерец» (энергия, сила на иврите), ратующую за незамедлительный мир, полное отступление с контролируемых территорий, решение палестинского вопроса в рамках двух государств, отделение религии от государства, равенство гражданских прав всех граждан Израиля. В Америке мощный когда-то Арбейтер ринг (рабочий круг) выносил на первомайские демонстрации в Нью-Йорке чуть ли не больше транспарантов на идише, чем по-английски. Теперь он сжался до нескольких комнаток в центре Манхеттена. Секретарь Еврейского рабочего комитета Арье Лейбович тоже говорил мне, что поддерживает блок «Атиква» (надежда на иврите) – американский филиал «Мерец».

Принято считать, что иммигранты из Российской империи и Восточной Европы привезли идиш в Америку, где он умер естественной смертью через несколько поколений. Историки знают, что это не так. В конце XIX начале XX века в Америку иммигрировали миллионы евреев, но в основном беднота, нищие, малообразованные, деклассированные выходцы из черты оседлости. Интеллигенция и средний класс, а тем более богатые, не поехали с ними. Им находились лучшие места в больших городах. Если же обеспеченные евреи эмигрировали, то в Германию или Францию.

Даже религиозный истеблишмент не последовал за своей паствой. Известен рассказ об уцелевшем во время Холокоста раввине Йозе Танненбауме (1887-1979), главе сатмарского течения в хасидизме. Хасиды рассказывают, что после приезда в Америку, раввин, прозванный «строителем общины», с трудом находил десятков евреев, необходимых по канону для миньяна – проведения общественных синагогальных служб. До Второй мировой войны восточно-европейские раввины традиционно выступали против эмиграции. Даже перед лицом надвигающейся нацистской угрозы многие раввины в Польше, Литве и Венгрии больше опасались ассимиляции евреев в Америке, чем нацизма.

Так, что полное растворение евреев в американском этническом плавильном котле не состоялось лишь благодаря усилиям группы русских и немецких интеллигентов-социалистов и анархистов, увидевших в идише орудие для пробуждения масс и воспитания общественной сознательности. Сами они часто даже не пользовались идишем в домашнем общении. Их усилиями была создана замечательная сеть еврейского просвещения, доступного социального жилья, медицинской помощи и взаимного кредита.

В начале марта 2006 года, почти одновременно с юбилеем Цанина, в Нью-Йорке в возрасте 82 лет скончался активист строительства еврейского общественного жилья, ветеран профсоюзного движения Гарольд Острофф, построивший на своем веку более 30.000 единиц жилья в кооперативных жилых комплексах для еврейского рабочего класса, включая знаменитый Кооп-сити. Он много сделал для развития еврейского образования и культуры на идиш. В середине 70-х кооперативному движению в Америке уже приходил конец. Жильцы Кооп-сити отказались вносить квартплату из-за коррупции в администрации и плохого уровня обслуживания. В 1976 Острофф спас от краха веду-

щую еврейскую газету «Форвард», добавив туда английское, а затем и русское издания.

На прямой вопрос о политических пристрастиях старых идишистов, Цанин просто сказал, что поддерживает левых, потому, что придерживается социалистических идеалов равенства, социальной справедливости и международной солидарности. Среди гостей разгорелся нешуточный спор, как будто Бунд и вправду участвует в парламентских выборах в Израиле в конце марта 2006 года. Большинство было за еврейский гуманизм, за социалистические идеалы Бунда.

* * *

«В еврейской языковой войне необходимо было воевать. Там были правильная и неправильная стороны. Произошла схватка между двумя культурно-политическими концепциями еврейского будущего, одна из которых представлялась катастрофически неверной. В конце концов, идишизм был радикально ампутирован из еврейской народной жизни и еврейской истории», – писал Гилель Галкин в статье «Великая еврейская языковая война» (Commentary, December 2002).

На войне, как на войне, – Галкина не смущает, что «ампутация» проводилась сионизмом сразу же после уничтожения европейского еврейства, что ампутация проводилась по живому, что уцелевшие в Холокосте ощущали себя обокраденными, потеряв культуру на родном языке. Координатор проекта «Шоа» фонда Спилберга на Западной Украине Юлий Штернберг рассказывал мне:

«Для вернувшихся из эвакуации во Львов в 1946 году артистов Еврейского театра главным потрясением стало исчезновение идиша со львовских улиц. Мужчины запили. Ида Каминская (великая актриса, руководитель театра) не могла избавиться от депрессии, никому ничего не говоря, уходила из театра и бродила по опустевшим улицам, где

когда-то бурлила еврейская жизнь... И не только актеры... Уничтожение еврейских врачей вызвало повышение заболеваемости у детей на 60%... падение успеваемости, обеднение языка местного населения...»

В Израиле уцелевших в Холокосте дразнили сабоним (мыло на иврите). Они были обречены на молчание. Исраэль Фефер, мальчиком чудом переживший Яновский лагерь во Львове, и попавший в Израиль в 1949 году, рассказывал мне: «В 1986 году я впервые поехал с сыном в Освенцим. Сын спросил меня: «А почему, папа, ты нам никогда не рассказывал о том, как ты пережил Холокост?» – «Тогда никто не был готов слушать», – отвечал Фефер.

Уинстону Черчиллю приписывают крылатую фразу о том, что «историю пишут победители». Вспоминая о своей борьбе с Чемберленом, английский лидер заметил: «История немилостива к Чемберлену. Я знаю это потому, что я сам буду ее писать». В книге «Знаки на огне: Незаконченная история идиша» Довид Кац отмечает, что долголетняя война между сионистами и антисионистами в еврейском народе давно закончилась, а вместе с ней закончилась и борьба между ивритом и идишем. Как часто бывает, ярость в пылу битвы уляжется еще не скоро. Идиш сегодня неприемлем для центрального направления организованного еврейства

Развитию идиша и его широкому распространению сегодня мешают три стигмы в еврейском общественном сознании. И первое клеймо – идиш, якобы, слишком левый. Это в большой мере связано с интернационалистическим, социальным и гуманистическим направлением традиционного идишизма, выраженного в идеологии и деятельности Бунда. Хотя еще в начале XX века сионистский деятель, Бер Борохов, имя которого носят улицы во всех израильских городах, писал, что сионистское движение еще поставит огромный золотой памятник Бунду за его вклад в дело сионизма. Впрочем, тогдашние бундисты мало чем отличались

от сионистов. Современник Борохова меньшевик Юлий Мартов, наблюдавший со стороны за еврейской деятельностью, писал, что «бундисты – это сионисты, боящиеся морской болезни». Мартов – внук видного идишистского деятеля Александра Цедербаума, издателя первых идишистских и ивритских газет в России, хорошо разбирался в еврейских делах.

Сегодня побежденный идишизм стал необычайно привлекателен для всех защитников гуманизма, прав женщин, терпимости к разнообразию, поликультурализма, терпимости к этническим, религиозным и сексуальным меньшинствам. Идишизм привлекает многих защитников культурного светского еврейства. Идишизм привлекателен и для тех, кто не приемлет воинствующий национализм и фундаментализм, и считает, что мощная экспансия израильского монокультурализма грозит традиционному еврейскому разнообразию. В последнее время появилось много работ по еврейскому социализму и анархизму в Америке. Интерес к идишизму заметен и в кругах российских левых. С большим интересом там была воспринята работа «Пепел наших костров» Моше Гончарок об истории идишистского анархистского движения в Англии, Америке и Израиле.¹

Неизменный интерес к идишистской культуре проявляют находящиеся в левой части еврейского спектра религиозные группы. Идишизм возмещает отсутствие этнокультурного контекста, свойственного всем крупным американским иудейским конфессиям – ортодоксам, консерваторам и реформистам. Интерес к идишистской культуре проявляет Движение гуманистического иудаизма, созданное на основе спорной, и в чем-то провокационной, философии рабби Шервина Т. Вейна. Элементы идишистской культуры

¹ <http://www.jewniverse.ru/biher/goncharok/anarchie/index.html> <<http://www.jewniverse.ru/biher/goncharok/anarchie/6.html>>

приникают в Движение реконструкционистского иудаизма, базирующееся на идеях рабби Мордехая Каплана об еврействе, как цивилизации. Идишизм используют группа «Тиккун» рабби Майла Лернера, «Хеврута» и многие другие еврейские религиозные группы, порой довольно экзотические.

Интерес к идишу растет и в кругах левой и либеральной интеллигенции. Им импонирует традиционное миролюбие ашкеназского еврейства, выраженное известной фразой нобелевского лауреата Башевиса Зингера о том, что идиш не имеет слов для войны. Большой успех имел фильм «Фриско кид» Роберта Олдрича с Джином Уальдером и Хариссоном Фордом, повествующий о путешествии через американскую прерию молодого раввина. Он отказывается скакать в субботу даже под угрозой расправы со стороны преследующих его наемников банка, которых он по ошибке ограбил. Странный кошерный ковбой возвращает банку деньги и, самое главное, отказывается убивать.

Сегодняшние евреи уже не понимают старый анекдот о студентах ешивы, призванных в царскую армию на фронт Первой мировой войны. Офицер командует: «Огонь!» засевшим в окопе еврейским солдатам. Никто не стреляет. Еще раз перед лицом наступающих немцев офицер кричит: «Огонь!». И опять молчание. В бешенстве офицер кричит: «почему вы не стреляете?!» Из окопа ему отвечают: «Как можно, там живые люди! Кто-нибудь может пострадать».

Активистам идиша, пытающимся попасть в главную струю активности организованного еврейства, такая поддержка кажется вредной.

«В наши дни евреи (и не евреи), ратующие за дело геев и лесбиянок, за феминизм и неотроцкизм свободно ассоциируют свои чувства несправедливости с делом идиша. Таким

образом, они совершают двойной грех. Отожествляя себя с идишем, они подрывают моральность и преемственность идишистской культуры, и, превознося ценность слабости, они задним числом возводят поклеп против еврейской воли жить и процветать».

Цитата из статьи «Идиш: прошлое, незавершенное настоящее», напечатанной в консервативном еврейском журнале «Комментари» в 1997 году

Автор статьи профессор-идишист Гарвардского университета Рут Висс, относится к сливкам еврейского истеблишмента. Она с негодованием отвергает попытки различных левых идеологий идентифицироваться с идишем или адаптировать идишизм для пропаганды своих идей. Однако во многом заключения Рут Висс устарели уже тогда, когда были написаны. Борьба вокруг прав и интересов сексуальных меньшинств выходит на передний план общественной жизни современного мира, уверенно отодвигая в сторону социально-политические конфликты прошлого века. В Святом городе Иерусалиме проходят массовые «парады любви» геев, лесбиянок и транссексуалов, раввины Движения консервативного иудаизма в США обсуждают на своем съезде в 2006 году снятие канонического запрета на гомосексуализм и допуск раввинов нетрадиционной ориентации. Лишь в Москве раввин от прогрессивного иудаизма Зиновий Коган выступает против гомосексуализма, видит главные общественные ценности в семье и армии. Даже, казалось бы, умерший троцкизм набирает силу. На парламентских выборах во Франции в 2002 году 10% населения голосовало за троцкистов. Даже в США неоконсерватизм выдвинулся в центр политической жизни, предлагая перелицованные идеи «перманентной революции» Троцкого. Интересно, что противоположный, «правый» полюс идишизма – хасиды, ультраортодоксы и мир ешив, тоже уверенно выдвигается в центр еврейской жизни. Особенно в мире, где религия все сильнее влияет на жизнь людей.

Маргинальные идеи не по душе современному организованному еврейству, ежегодно мобилизующих миллиарды долларов и состоящему из мощных организаций, сильных лоббистских групп и университетского истеблишмента. Для пользы «еврейского дела» им кажется важным позиционировать себя в центре, быть американцами больше, чем сами американцы. Идишизм не находит места в современной еврейской деятельности, базирующейся на трех китах: увековечении Холокоста, борьбе с антисемитизмом и в поддержке Израиля. У многих современных еврейских лидеров идишизм вызывает инстинктивное отторжение, даже отвращение своей связью со стыдным эмигрантским прошлым. Стопроцентные американцы, успешные и состоятельные дети и внуки эмигрантов, они еще не изжили комплексов и страхов «быть не как все». В глубине души здесь не перестают стесняться своего еврейства. Для большинства национализм, сионизм и даже обращение к религии все еще являются не «возвращением к корням», а путем ухода от идишистского еврейства своих родителей и дедов.

Не удивительно, что религиозный полюс идишистского спектра тоже не устраивает современное организованное еврейство своей «излишней правизной». Ведь идиш еще ассоциируется с миром местечка, еврейством ультраортодоксов, харедим и хасидов. Израильское отвращение к «этим пейзажам» выразил лидер левоцентристской израильской партии Шинуй Томи Лапид, во многом строивший свой электоральный успех на антиклерикальных и антирелигиозных лозунгах.

«Потому, что я живу в Израиле, как еврей, говорю на иврите, защищаю свою страну и принимаю Библию, как основную книгу по истории и литературе, я и есть наиболее

еврейский еврей, из живших на Земле за последние две тысячи лет. Всенепременно более еврейский, чем ненавидящий Израиль, говорящий на идише сатмар из Вильямсбурга» (Нью-Йорк Таймс 17-го января 2003).

Попинав ненавистных ему религиозных антисионистских евреев из хасидского движения Сатмар, Лапид, походя, пнул и язык своих родителей идиш, как главный признак, отличающий его врагов. Звуки идиша в Израиле неизменно вызывают у аудитории инстинктивный нервный, чуть растерянный смешок. Враждебное отношение к говорящим на идиш в Израиле нельзя объяснить только исторической борьбой сионистского иврита с «галутным» идишем диаспоры.

«Политическая история важна. Однако с ее помощью не удастся объяснить страсть само ненависти. Тут совсем другая история, значительно более сложная. Для большинства израильтян ультра ортодоксальные харедим (набожные иврит) стали нашим коллективным наваждением, монстром под нашими кроватями, кошмаром, который мы не можем отогнать», – пишет израильский исследователь Ноах Эфрон.¹

Еврейский истеблишмент в Америке, да и почти по всей диаспоре, настроен враждебно к говорящему на идиш религиозному еврейству. Хотя в последние годы ортодоксальные круги активизировались на внутриеврейской арене, отношение к ним и в Израиле, и в диаспоре, часто напоминает отношение антисемитов. Характерен «скандал Дина» в АЙПАК – Американско-израильском комитете по связям с общественностью. Тогдашний директор АЙПАК Томас Дин разоткровенничался перед микрофоном:

«Я не думаю, что большинство евреев удобно чувствует себя с ультраортодоксами. Я думаю – это классовое чутье.

¹ Noah Efron. Real Jew, New York, Basic book, 2003

Их воспринимают, как «вонючих». То, о чем я сейчас говорю, это то, что заставляет меня так думать про хасидов и нью-йоркских бриллиантовых дельцов. Люди из Объединенного еврейского призыва (головная еврейская всемирная организация, координирующая сбор и распределение пожертвований) много раз говорили мне, что они не пользуются услугами израильской национальной авиакомпании Эль-Аль только по вине «тех людей». Собственно, я сам тоже предпочитаю Люфтганзу или Свиссайр...

Да-да, пока мы их такими видим! Пока еще, как бедных иммигрантов. В этом убеждены многие люди в тех кругах, в которых я вращаюсь».¹

Сегодня в АЙПАК, крупнейшей американской еврейской организации, возглавляющей и организующей произраильское лобби в США, кипят скандалы другого рода. Им приходится отрешиваться от другого кошмара подавляющего большинства американских евреев – страха быть обвиненными в двойной лояльности, в измене интересам Америки. Дину пришлось уйти, но то, о чем он говорил, живо в сознании большинства американских еврейских деятелей до сих пор. Среди многочисленных исследований, проводимых и заказываемых еврейскими организациями каждый год, нет ни одного, исследующего глубинную психологию современного еврейского истеблишмента, причины страха перед тем исконно еврейским, что символизирует идиш, и инстинктивного нежелания выглядеть как-то связанным с ним. Не удивительно, что большинство современных евреев предпочитают бороться за еврейство, а не быть евреями в любой из множества существующих сегодня форм.

Третья стигма уже не связана с маргинальными группами, а с состоянием самого идиша. «Принято считать, – пишет Довид Кац, – что идиш «слишком мертвый» и ин-

¹ Довида Кац. Буквы в огне: незавершенная история идиша.

терес к идишистской культуре чем-то сродни извращенной культурной некрофилии».

«Агонию ощущают и те, кто продолжает говорить на идише, и те, кто с любовью оплакивает мученическую смерть (идиша), – пишет Джанет Хадда в лондонском журнале «American Jewish Quarterly, (Summ 1998), – И мы ведем себя как плакальщики и на практике, и в теории».

* * *

«Слишком левый, слишком правый, слишком мертвый – пишет Довид Кац, из книги которого мы позаимствовали некоторые наши примеры и доводы, – три клейма, три стигмы видят в идише и во всех, кто им занимается. Три стигмы мешают нормальному развитию и обучению идишу». Кац верит в возрождение идиша лишь через рост религиозного хасидского еврейства. Он считает обреченным светское еврейство, составляющее сегодня подавляющее большинство еврейского народа. К мнению Довида Каца стоит прислушаться. Он очень авторитетный, хотя и спорный ученый.

Однако, вряд ли его построения во всем верны. Демографические модели, предсказывающие такое развитие, вовсе не однозначны. Кац не замечает, что обозначенные им стигмы на самом деле легко превращаются в сильные стороны, способствующие если не ренессансу, то сохранению идишистской культуры.

Оттенок экстремизма придает идишу элитный респект, а это способно привлечь как раз лучших, как в правых, так и в левых кругах. Радикальная левизна привлекает людей молодых, творческих, активных и ищущих. Они уже не помнят «позорной, затхлои местечковости», связанной с идишем в старших поколениях. В университетах, в музыке, в изобразительном искусстве сформировалась сильная престижная группа, считающая идиш «крутым» и модным.

Не стоит бояться, что многие из них действительно весьма радикальны, что прописные еврейские истины мало, о чем им говорят. Ничего страшного, что здесь солидаризуются с радикальными постмодернистскими идеями вроде нео-троцкизма, квир-теории гомосексуализма или иудо-буддизма.

Не стоит отталкивать их лишь потому, что многие здесь не знают и не учат идиша, а лишь рассуждают о его красоте. Такие любители идиша делают полезное дело. Ведь еврейские ценности неоднократно передавались через перевод. Любование идишем порождает интенсивную творческую работу, попытки передать свои ценности и саму душу народа через перевод. Очевидно, назревает мощное культурное движение, развитие которого пока трудно предсказать.

Заметим, что в русско-еврейском сообществе идишизм как раз пользуется популярностью в правых, и особенно, в радикально-правых кругах. Здесь царит ощущение элитности идишистской культуры. В национально-религиозных и поселенческих кругах в Израиле тоже начинают осознавать, что уставшее от проблем контролируемых палестинских территорий общество не желает считать их авангардом и элитой нации. Разочарование правых кругов способствовало интенсивным поискам новых путей, лозунгов и идей. После эвакуации израильской армии и поселенцев из сектора Газы, в этих кругах пошли в ход лозунги вроде «Евреи против израильтян», и даже виденное недавно в Хевроне «Смерть израильтян – радость для евреев». Можно думать, что и в этих кругах, состоящих преимущественно из ашкеназских евреев, язык и культура их дедов способны заполнить культурный вакуум, вызванный «изменой» светского демократического сионистского государства их идеалам.

В ортодоксальных еврейских кругах наблюдается интересная картина идишизации. Идишем пронизан своеобраз-

ный диалект студентов религиозных учебных заведений (в Северной Америке он даже приобрел название фрумспик от фрум – набожный на идиш и английского speak – речь). Среди прозелитов, так называемых «вернувшихся к ответу», идиш рассматривают как принадлежность к избранным, к тем, кто знает еврейство не только из книг, как приобщение к «истинному еврейству».

* * *

Три кита, на которых сегодня стоит мир общественной еврейской активности, стремительно теряют свою устойчивость. Антисемитизм все меньше и меньше пугает молодое поколение, выросшее в западном плюралистическом обществе. После Второй мировой войны антисемитизм повсеместно отодвигается на задворки общества, а попытки найти новых врагов-антисемитов. Попытки еврейского истеблишмента расширить определение антисемитизма вызывают мало энтузиазма у молодых евреев. Холокост стал чем-то повседневным, вошел в качестве предмета школьные программы и хрестоматии, что, как известно, способно убить привлекательность любого дела. Поддержка Израиля, бывшая в прошлом поколении наиболее сильным объединительным фактором у большинства еврейского народа, теперь грозит расколоть евреев. Зато в современном многокультурном мире стигмы и слабость идишистской культуры делают ее привлекательным для молодого поколения.

Нельзя сказать, что между правой и левой группами идишистов существует гармония, тем более большая симпатия. Они даже говорят на разных идишах. «Правые» религиозные евреи используют различные народные диалекты еврейского языка, в основном венгерский и литовский. «Левые» и университетские идишисты пользуются стандартным, однако искусственным, клал-шпрых, созданным в начале XX века. Даже правописание у них разное. У правых рождаются мно-

го детей, зато у левых растет число последователей. В обеих группах идиш из простонародного, презируемого «жаргона» становится признаком элитного престижа.

Интересно, что в еврейской истории уже была аналогичная ситуация. Величайшее произведение еврейской мысли Талмуд создавался в течение почти 600 лет на арамейском языке. Авторы и редактора Талмуда хотели сохранить еврейское учение, традиции и обычаи мира, погибшего в холокосте, последовавшем за безнадежными иудейскими войнами. Сохранить не на священном древнееврейском, а на понятном народу, имевшем хождение по всему Ближнему Востоку, разговорном арамейском языке. Талмуд сохранил все это удивительное разноречие, существовавшее в арамейском языке. Однако к VII веку, когда составление Талмуда близилось к завершению, еврейский народ перестал говорить по-арамейски. Даже библейские тексты приходилось переводить на арабский язык. Однако арамейский не исчез. Пирамида перевернулась, и из простонародного разговорного языка арамейский стал наиболее престижным, доступным лишь ученой элите языком в традиционном еврейском триязычии: идиш-древнееврейский-арамейский.

Как раз в Израиле, решительно боровшемся с идишизмом среди широких масс, идишистская культура для образованной элиты никогда не вызывала большого сопротивления. В начале 50-х годов завершилась успехом борьба за создание кафедры идиша в Еврейском университете в Иерусалиме. Группа влиятельных профессоров-противников идиша, в основном выходцев из Германии, во главе с выдающимся исследователем мистического учения каббалы Гершоном Шолемом и первым теоретиком ивритской литературы Йосефом Клаузнером, оказалась в меньшинстве. Благодаря тому, что деньги на идиш дали американские еврейские организации, а кафедру возглавил не университетский профессор, а близкий к сионистскому израильско-

му истеблишменту Дов Садан, создание кафедры языка и литературы на идише прошло сравнительно легко.

Сионистский истеблишмент поддержал также создание элитного ежеквартального литературного издания Ди гольдене кейт (золотая цепь – идиш). Издание было создано в 1948 году благодаря помощи Йосефа Шпринцака – председателя Гистадрута, и поддерживалось профсоюзами почти 50 лет, пока в стремительно глобализирующемся Израиле ему не нашлось места. Разумеется, издание осуществлялось благодаря громадному авторитету его редактора, поэта, партизана, свидетеля на Нюренбергском процессе Авраама Суцкевера. Еврейское агентство Сохнут в течение 30 лет поддерживало журнал Йерушолаимэр алманах, выходивший под редакцией советского идишистского поэта-диссидента Иосифа Керлера и в конце 90-х совместно с его сыном, поэтом Борисом Карловым. Журнал дал старт многим идишистским писателям и поэтам Израиля. Современное поколение идишистов пополнилось говорящими на подольском идише воспитанниками Аарона Вергелиса, издававшего журнал Советиш Хеймланд. Вергелиса «любили ненавидеть» в сионистских кругах, однако он добился того, чего не смог никто на Западе, – воспитать учеников и обеспечить их работой.

«Слишком мертвый» идиш уже не так страшен сионизму, не угрожает затаенным комплексам желающих «быть как все» евреев. В сознании молодежи идиш больше не связывается с местечковостью. Да и само еврейское местечко идеализируется. Его яркие типажи деклассированных, лишних «людей воздуха» (в терминах сиониста Макса Нордау), в большой мере утратили свой резко негативный смысл. Молодежи трудно понять, за что так ненавидели местечко все его беженцы – от Шолом-Алейхема до Ицика Фефера, чего так боялись в местечковости наши деды, по сути, первое поколение эмигрантов в Америке, Израиле или в крупных российских и европейских городах.

Должен признаться, что я сам тоже долго был в плену идеи о неизбежном и естественном конце идиша. Я верил, что угасание идишистской культуры неизбежно следовало из кризиса уклада еврейского местечка, потерявшего экономический и социальный смысл после распада феодальной системы в Восточной Европе. Я писал, что Холокост, сталинские погромы и культурная война сионизма против еврейской культуры на идише лишь ускорили шедший без того естественный процесс.

Я был не прав в своем полемическом задоре. Еврейской культуре на идиш в XX веке удалось перешагнуть местечковые рамки. Она ни в чем не уступала другим развитым европейским культурам. Кроме хорошо известного «этнографического» идишизма, в ней возник целый спектр универсальных направлений: от критического и пролетарского реализма до изысканного городского модернизма. Я допустил непростительную для любого аналитика ошибку – пытался понять явление идишистской культуры в чужих для него сионистских моделях, а то и вовсе в понятиях сталинской теории национального вопроса. Сионистское понимание идишистской культуры всегда следовало из предсказания ее обреченности. Сионизм до сих воспринимает Холокост, как естественное следствие еврейской истории, следовавшее из всех теоретических построений его основоположников. Ошибочные методологические допущения ведут к тому, что идишистскую культуру предпочитают изучать не в ее собственных моделях, терминах и понятиях, а через призму Холокоста. Таких свидетельств и личных наблюдений у меня собралось достаточно, чтоб с уверенностью заявить, что еврейский истеблишмент выражает малую готовность встретить вызов времени и всерьез заняться изучением своего прошлого в ее собственных моделях и без предвзятых измов. Приходит время, когда широкие и комплексные

научные исследования структуры еврейской жизни в Восточной Европе, замечательной образовательной системы и многих других аспектов идишистской культуры назрели и неминуемо будут проведены как внутри, так и вне еврейских организаций и фондов.

«Бывало, сидишь за огромным дорогим столом напротив какого-нибудь крупного функционера еврейской организации. Он спрашивает: «Зачем идиш? Наши приоритеты: Израиль, антисемитизм, Холокост. Можете у нас получить грант на изучение этих вещей. На идиш – нет» – рассказывал мне Аарон Лански, создатель и бессменный руководитель уникального проекта Национального центра книги на идиш в Амхерсте (Массачусетс).

«Я хотела бы заняться творчеством великой еврейской актрисы Сиди Таль, – говорила мне австрийская исследователь истории еврейского театра Дорис Карнер, автор замечательной книги «Смех сквозь слезы: Еврейский театр в Восточной Галиции и Буковине»¹ – в университетских фондах Австрии на это исследование нет денег. В еврейских фондах мне говорят, что денег дадут лишь на темы, связанные с Холокостом. Все, что было до Холокоста, их не интересует».

Факт, что еврейское местечко было неразрывно связано с идишем, вовсе не означает, что крах местечкового уклада означал и крах идишистской культуры. Наоборот, еврейская культура создавалась в больших городах и всегда была европейской городской культурой. Идиш уходил в города вместе с евреями. Разумеется, великий перелом, вызванный революциями, погромами и войнами начала XX века повлиял и на еврейскую культуру на идише. Однако она нашла в

¹ Doris A. Karner. Lanchen unter Tr?nen, J?discher Theater in Ostgalizien und der Bukowina. Edition Steinbauer, Wien, 2005.

себе силы развиваться. Лишь осуществление фашистских и коммунистических проектов подрезало корни культуры еврейского народа, привело идишитскую культуру на грань пропасти. Сионизм «произвел ампутацию» и помог толкнуть ее дальше. Однако ампутация произошла не полностью. Несмотря на все, еврейская культура сохранила громадный потенциал. На идиш продолжают творить.

Журналист и историк Том Сегев спросил Мордехая Цанина о том, какое самое значительное его журналистское достижение. Вероятно, он ожидал услышать о громком скандале, сенсационном журналистском расследовании. Они тоже были, однако Цанин коротко ответил «Мы не дали идишу умереть». А мы? Однажды пожилая журналистка из известной идишитской газеты спросила канадского рэппера Сокалла, что-то о «возрождении идиша». Артист, смело вводящий идиш в свое творчество, вспылил: «Хватит говорить о еб... возрождении, потому, что идиш – живой!»

ЧЕЛОВЕК, СПАСШИЙ МИЛЛИОН ЕВРЕЙСКИХ КНИГ

Я приехал в огромный еврейский дом для пожилых людей в Атлантик-Сити в штате Нью-Джерси. Ожидавший меня в громадном пустом вестибюле пожилой человек уже заметно волновался. «Я жду вас молодой человек с семи утра, боялся пропустить, – сказал он мне, – Волновался, что вы приедете и меня не найдете». Еще бы, он ведь передавал мне свое наследство йеруше (идиш). Наследство, от которого отказались внуки, не захотели дети. И вот нашелся я, захотевший иметь то, что он так ценил. Старик собрал для меня чемодан. Я поговорил с ним и поднял чемодан, собираясь прощаться.

– Ей ингермон, – позвал он меня, – Молодой человек, куда вы торопитесь? Я рассказал о вас тут в доме и многие хотят отдать вам свои книги. Еврейские книги. Книги на идиш.

– Я уже не мог просто так уйти оттуда. Меня водили из квартиры в квартиру, из комнаты в комнату. Приглашали «Выпейте с нами стакан чаю... Скушаете немного чего-нибудь...». Старики и старушки отдавали мне свое заветное – свои книги на идиш: в связках и чемоданах, в сумках и в мешочках из супермаркета. Они радовались, что найдется кто-то, кто понимает, кто хочет сохранить. И лишь тогда я понял, за что взялся...

Так рассказывает Аарон Ланский – создатель и президент уникального проекта Национального центра книги на идиш о начале своей деятельности. Сегодня Центр расположен в уютном университетском городке Амхерст в штате Массачусетс. Тогда, в 1980 г. стало уходить поколение, пережившее Гитлера и Сталина, сохранившее свою еврейскую культуру и ее носителей – книги. Книги выбрасывались, уничтожались. И 23-летний, тогда Ланский принялся спасать книги. Он

находил их в домах престарелых, на чердаках, на складах, в хранилищах, а то и просто на улице, в мусоре. Долгий и самоотверженный труд группы молодых энтузиастов позволил спасти множество уникальных книг, а потом вернуть их читателям. Нашлись средства, добровольцы. Правда, не от официального еврейского руководства, а среди людей, обычно не занятых еврейской общинной деятельностью. Ведь многие евреи предпочитают защищать еврейство, а не быть евреями, развивать и сохранять нашу культуру.

За 24 года Лански и его группа пережили множество удивительных событий.

Сегодня лишь пять процентов книг мы получаем от хозяев, — рассказывает Лански, — Остальное от наследников, детей и внуков. Люди уходят.

Поводом для разговора с Аароном Лански стал выход его книги «Хитроумная история. Чудесные приключения человека, спасшего миллион еврейских книг»¹, вышедшее в американском издательстве «Алгонкин бук».

Говорят о возрождении идиш

У меня к Ланскому и его делу белая зависть. Когда-то в израильском университете я получил интересное предложение пойти изучать идиш и посвятить себя академической карьере. Мне очень хотелось, но выбрал я что-то иное, как мне казалось, более перспективное и самое главное «нужное». Если бы тогда я знал то, что знаю сегодня о том, какой интерес проявляют к идиш в научных кругах, какие научные гранды и премии выделяются различными фондами и университетами на его изучение, сколько ставок и кафедр по изучению идиш открылось в последние два десятилетия в лучших мировых университетах, то вероятно решил бы

¹ Outwitting History. The Amazing Adventures of a Man Who Rescued a Million Yiddish Books by Aaron Lansky.

иначе. Жизнь преподала мне урок, делать то, что хочется, а не то, что якобы «нужно». Лишь позже я понял, что только тогда когда делаешь то, что нравится, то можешь достичь успеха. В том же возрасте, что и я, Аарон Лански решил делать то, что ему нравится.

– Разумеется, идиш уже не живой язык, – рассказывает Лански, – Я сам из такой семьи, где на нем говорили так, «чтоб дети не поняли»... Отмечается большой интерес у людей, в университетах. Многие интересуются еврейскими книгами. Мы проделали огромную работу, чтоб компьютеризировать наши книги. Сейчас проводится большая работа по переводу еврейской литературы на английский язык.

Евреям молодого, да и среднего поколения невозможно сегодня понять и оценить, насколько значимую роль, которую играл идиш в еврейской жизни во всем мире. Идиш знали все. Все были способны читать и понимать религиозный трактат, атеистическую брошюру, любовную поэзию, серьезный роман, деловую корреспонденцию и даже порнографию. На идиш творилась богатейшая современная культура, находившая почитателей по всему миру. Евреи Варшавы, Нью-Йорка, Киева, Кейптауна, Мельбурна, Биробиджана и Буэнос-Айреса легко находили общий язык между собой. Идиш создавал то удивительное и естественное единство еврейского народа, которое пока не удастся пока поднять на ту же высоту ни сионизму, ни иудаизму, ни какому другому общественному течению.

– Нацисты уничтожили половину еврейского народа, говорящего на идиш, смертельно поразили сердце еврейской жизни в Восточной Европе, – рассказывает Ланский, – Сталинская диктатура нанесла смертельный удар еврейской культуре в СССР. В 1952 году была уничтожена вся элита еврейской творческой интеллигенции. В Израиле тоже решили, что идиш не подходит для создания нового еврейского

человека. Даже сегодня идиш не входит в число приоритетных направлений официальной еврейской деятельности. На наш проект в еврейских организациях не удастся получить ни пенни. Сказываются старые эмигрантские предрассудки, когда дети стеснялись говорить на идиш, когда это было смешно и стыдно.

В итоге, Центр начал работать в полную силу, лишь получив щедрую поддержку от известного кинорежиссера Стивена Спилберга.

– Шмуэля Шпильберга, – улыбаясь, поправляется Лански, – Его именем назван наш проект и библиотека-хранилище. Вместе с тем, мы не держимся только щедротами одного-двух богатых жертвователей. У нас 35.000 членов, регулярно переводящих нам большие и малые пожертвования, помогающих собирать и сортировать книги. Благодаря такой широкой поддержке мы можем многое сделать.

Единственная группа, разговаривающая сегодня на идиш – ультрарелигиозные евреи Америки в небольшой мере Израиля. Ланский предпочитает обойти эту тему, но из книги становится понятно, что с этой группой контакта не получается. Религиозные евреи не читают еврейских светских книг. Мои походы «за словом» в религиозные кварталы Нью-Йорка и еврейские городки в окрестностях, и в Нью-Джерси тоже привели к грустному заключению, что идиш у ультра-религиозных евреев очень лапидарный. Там можно услышать меткую фразу, особенно, сочное ругательство. Зато совершенно отсутствуют абстрактные понятия. Да и откуда им взяться? Ведь сокровища языка находятся в нашей великой литературе, а она запрещена раввинами. В магазинах, где продают еврейские книги, можно найти молитвенники и наставления для женщин, комиксы и детские книжки, но классики еврейской литературы, включая Шолом Алейхема, Шолом Аша и многих других – преданы анафеме. По приговору раввинов их надлежит уничтожить.

Самые ценные книги

– Самые ценные книги, самые редкие, – рассказывает Лански, – это изданные в СССР в 20-30 гг. Иногда попадаются настоящие раритеты. Как-то мы получили большой словарь иностранных общественно-политических терминов, изданный в Киеве в 30-е гг. Я стал искать в каталогах, в списках, в библиографиях. Там ничего не было. Ни одного упоминания. Как так, ведь книга значительная? Ее не могли не заметить! Стали искать по имени автора и нашли. Он действительно работал над словарем. Было всего одно короткое упоминание. НКВД сочло его книгу политически вредной, и она не увидела света. Но как же так? Вот она лежит передо мной. Оказалось, что в Киев приезжал из Чикаго родственник автора словаря. Он получил в подарок книгу, которую еще не выпустили из типографии. Буквально, спустя несколько часов после ухода американца, автора словаря арестовали, а тираж уничтожили. Но книга выжила, и лежит передо мной.

– Еще огромное количество еврейских книг ждет нас в пампасах Аргентины, – говорил Лански, – и мы туда попадем.

Поиск еврейских книг не ограничивается только Соединенными Штатами. Лански рассказывает, что собирает книги по всему миру – в России, Израиле, Аргентине... Впрочем, в Центре не только собирают книги, но и отдают. После террористической атаки на Еврейский общинный центр в Буэнос-Айресе, Лански предложил отдать им книги из своего хранилища, взамен уничтоженным взрывом. Надо знать, что Еврейский центр в Буэнос-Айресе – не просто еще один коммунальный центр, каких много по всему миру. Аргентина оставалась, наверное, последней (наряду с Мексикой) страной, где идишисты продолжали отчаянную борьбу за сохранение идиш. В 60-70 и даже в начале 80-х

еврейские лидеры Аргентины гордо заявляли, что языком евреев останется идиш. На Аргентину с надеждой смотрел постоянно уменьшавшийся круг идишистов во всем мире. Уже тогда, несмотря на огромные усилия и затраты, молодежь не знала и не хотела говорить на этом языке. Кроме детей еврейских фермеров в пампасах на севере страны, почти никто не говорил на идиш.

После службы в израильской армии в самом начале 80-х я побывал в Аргентине. Время было тяжелое – военная диктатура, разгул антисемитизма, всегда бытовавшего в Аргентине, арест известного журналиста Якопо Тимермана. Имя Тимермана тогда упоминалось вместе с именами Анатолия Щаранского и Нельсона Манделы. Финансы еврейской общины, пострадавшие от краха принадлежавшего общине банка, разрушались гиперинфляцией. Помню рассказы, о том молодежь, говорившая по-испански, не допускалась к общинной деятельности. Идишисты игнорировали и подрывали все попытки говорить на еврейские темы и делать еврейскую культуру по-испански. Молодые аргентинские евреи говорили с нами на иврите охотней, чем по-английски, а идиш знали с пятого на десятое. Это было совершенно непохоже на евреев Мексики, которые как раз заканчивали тогда процесс перехода еврейского образования с идиш на английский язык. В Аргентине не было раввинской анафемы на еврейскую культуру. Наоборот, школьников заставляли зубрить в школе тексты еврейских писателей. Раввинов же сторонники социалистического Бунда, руководившие общиной, не подпускали не только к школам, но и к любой общинной деятельности. Помню, на приме в синагоге, гостям сервировали бутерброды с ветчиной.

Приходилось даже слышать нелепые обвинения, что израильтяне, пытавшиеся перевести систему образования на иврит, продолжают дело уничтожения языка 6 миллионов жертв Катастрофы. Помню мероприятие, посвященное столетию создания еврейских колоний в пампасах. Туда съехались внуки и правнуки романтиков, заложивших сеть

еврейских сельскохозяйственных колоний – преуспевающие землевладельцы (остальные просто покинули землю), бизнесмены. На идиш уже не говорил никто.

Так зачем все это надо? Что привлекает к вам людей?

– У нас летом работают добровольцы, – рассказывает Лански, – Молодые ребята, студенты приходят, помогают разбирать и каталогизировать книги. Помогают нам во всем. Как-то раз я спросил одну молодую и стильную девочку «Что ты находишь в этих старых и пыльных книгах на почти непонятном тебе языке?»

– Вы не понимаете, Аарон, – отвечала она, – Идиш сегодня – это hit! Это прикольно! Это стиль!

ВЫ ВИДЕЛИ, КАК СМЕЕТСЯ ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОГИЛЬЩИК?

*Памяти еврейского писателя
Йоселя Бирштейна*

«В юности я хотел писать лирические стихи с печальной улыбкой – рассказывал замечательный Йосл Бирштейн. – Стихи получались короткие, и улыбка оставалась снаружи». Из Иерусалима пришло сообщение, что Йосла Бирштейна, автора парадоксальных иронических рассказов, собравших в себе квинтэссенцию еврейского юмора и мудрости больше нет с нами.

Биография писателя очень необычна и в то же время типична для еврея XX века. Йосл Бирштейн родился в 1920 г. в польском местечке Бяла Подольска, ставшей его литературной страной, как Йокнапатоф Уильяма Фолкнера или Одесса Исаака Бабеля. В детстве сначала учился в религиозном хедере, а затем пошел в социалистическую молодежную организацию «Ашомер Ацаир» (Молодой страж). В 17 лет Бирштейн эмигрирует в Австралию. Во Второй мировой войне сражался в составе австралийской армии. Там же он встретил своего друга на всю жизнь, замечательного рассказчика еврейских историй художника Йосла Бергера. После войны Бирштейн узнал, что всю его семью убили нацисты. В 1949 г. Бирштейн публикует сборник стихов на идише с иллюстрациями Бергера, а через год репатрируется в Израиль, где поселяется в кибуце Гиват.

Бирштейн рассказывает:

«Когда я попал в кибуц Гиват, то встретил там еврея по имени Хаим Гивати, будущего израильского министра сельского хозяйства. Уже тогда у Гивати взгляд был очень «агрикультурный». «Ты приехал из Австралии, страны овец,

– сказал он мне, – так будешь у нас пастухом». Правда, за 14 лет в Мельбурне я даже хвоста овечьего не видел, но сразу согласился».

Романтика нового Израиля, предлагавшего избавиться от всего местечкового, создать нового еврейского человека увлекла писателя. Но при одном условии, чтобы не оставить родной еврейский язык, не забыть многовековой парадоксальности еврейской мудрости, круто замешанной на юморе. Ведь когда смешно – не страшно.

«Я их в жизни не видел, овец. – Рассказал Бирштейн в одном интервью, – Каждый день я выбирал из Библии одно изречение и, пока пас овец, думал. Например: «Познай самого себя!» Думал: что такое «познай»? Что такое «я сам?» Глобально, но непонятно. Зато в одном маленьком городке у меня был сосед. Каждое утро он говорил мне: «Прекрасно! ...Сегодня будет еще хуже» Маленькие вещи – вот что мне нравится больше всего».

Бирштейн переезжает в Тивон, а затем поселяется в Верхнем Назарете, который и до сих пор остается городом новых репатриантов. Здесь у него рождаются две дочери. Старшая Маргалит позже переведет произведения отца на английский язык. В 1958 г. выходит единственный роман писателя «На узких ступенях». В 1966 году писатель публикует сборник «Ожидание и другие рассказы», годом позже переведенный на иврит. Затем видят свет «Новое платье принца», «Первая поездка Ролидера», сразу же переведенная Бирштейном на иврит в соавторстве с замечательным израильским писателем-сатириком Нисимом Алони. Второе издание книги в переводе Менахема Пери получило название «Биржа» и вышло в 1982 году.

Книги Бирштейна несколько раз переиздавались в Израиле, где для выживания народа вновь понадобился жизнеутверждающий, парадоксальный юмор европейских евреев. Огромной популярностью пользуются книги Бирштейна у молодого поколения светских ашкеназийских евреев, ищущих потерянную идентификацию и место в пестром

многообщинном и многоязычном Израиле. Недаром многие книги писателя на идише переиздавались, начиная с 80-х годов. Читало их, в основном, второе поколение израильской элиты, дети тех, кто вели «культурную войну» за утверждения иврита, запрещали в Израиле язык идиш, дрались с распространителями еврейских газет, поджигали киоски, штрафовали школьников за разговоры на идише, исключали из профсоюзов и больничных касс людей, не выучивших иврит. В последние 10 лет в новом переводе на иврит выходили сборники «Не зови меня Йов» и «Лицо в облаках».

«Главный герой моей новой книги, – рассказывал Бирштейн, – «ломовой конь», как я люблю говорить, потому что он тянет весь воз сюжета. Он в Польше, приезжает в маленький городок читать лекции. О философии Эммануила Канта. В крошечном местечке в Польше – они никак не могут жить без философии Канта. Поэтому идишисты пригласили его рассказывать о Канте. Это было на чердаке, под крышей сарая. Там был один сионист, и он сказал: «Мы тоже хотим лекцию про Канта». Так он отправился к сионистам. Потом к бундовцам. В конце концов, попал к портному. Портной сказал: «Познакомьтесь, это моя вторая жена. Она также моя первая жена. Я развелся и снова женился». Потом, через некоторое время, портной указал на эту же женщину и сказал: «Это моя третья жена. Я развелся и женился на ней снова». Мой герой спросил: «Как? Почему?» «Это маленький городок, – ответил портной. – Выбор тут невелик»».

Широкая известность к Бирштейну пришла, когда он решил отдать свои рассказы популярной радиопередаче «Два часа в два» израильской армейской радиостанции «Галей Цахал». Надо сказать, что армейское радио в Израиле всегда отличалось свободомыслием политическим и творческим, дало в свет путевку в жизнь многим израильским талантам. Свои рассказы для радио Йосл Бирштейн собрал и издал в первой книге, написанной им на иврите, «Пятно тишины» (1982 г.). Писатель гуляет по Иерусалиму, ездит в автобусах, бродит по улицам, заговаривает с людьми. Пара стариков

просит Йосла прочесть письмо, они на иврите не знают, лишь идиш. Старики ожидают двух официальных писем, одно из конторы социального жилья «Аמידар» об улучшении жилищных условий, а другое – из больницы, о результатах анализа тяжелой болезни. Йосл медленно разворачивает письмо, готовясь читать. Старики не знают, что им ожидать, радости или слез. И старик не выдерживает ожидания: – Роза, Роза! Кэнст шойн вэйнен! Ты уже можешь начинать плакать!

Замечательная проза Йосла Бирштейна – острая и парадоксальная, и в то же время абсолютно ясная и реалистическая. На русский язык Бирштейна переводили мало. Известен перевод с иврита замечательного московского знатока иврита и современного Израиля, в прошлом офицера КГБ и референта ЦК КПСС по Израилю, а ныне профессора иврита в одном из московских университетов Александра Крюкова, ставшего преданным другом нашего народа.

В 1982 г. Йосл Бирштейн переселяется в Иерусалим, где уже остается до самой смерти. Он очень тонко чувствовал атмосферу необычайного города. Один из сборников рассказов Бирштейна так и называется «Истории, пляшущие по улицам Иерусалима». Интересна попытка писателя наладить творческий диалог с ультрарелигиозным еврейством, так называемыми «харейдим», – буквально (бого)боязненными, сознательно отгораживающимися от современного мира. Когда-то я, по примеру Бирштейна, совершал этнографические путешествия, ходил в религиозные иерусалимские кварталы, в йешивы и дома харейдим. Я слушал их рассказы-«майсы», шутки, где трудно понять, плакать надо или смеяться. Евреи звали меня молиться, обедать, оставляли ночевать на субботу. Иногда брали меня с собой в паломничество в Пещеру Патриархов в Хеврон или в Шхем (Наблус) на гробницу библейского Иосифа Прекрасного. Все это было бы невозможно, если бы я представлялся израильтянином, но я говорил, что я турист с Украины, почти мифической земли предков, называл имена местечек и городков, навеки впечатанные в еврейскую историю, и самое главное говорил

с ними хоть и на плохом, но на нашем еврейском языке. И в таких походах я часто вспоминал Йоселя Бирштейна, пользовался его словечками и выражениями. Некоторые знали Бирштейна, неспособного прямо ответить на вопрос. Вместо ответа у Бирштейна всегда была еврейская притча или история. Вот, что ответил Йосл за несколько недель до смерти на вопрос радиожурналиста «Что означает для вас Иерусалим?»

«Иерусалим для меня не пафос, не символ тысячелетней истории... В десяти минутах ходьбы от моего дома расположен религиозный квартал «Меа Шэарим» (Сто ворот), – рассказывал Йосл Бирштейн. – Я знаю их жизнь с детства, у меня среди них друзья. Даже главный могильщик звонит мне порой, зовет: «Йосл, свет души моей, приходите, посидим, расскажем нам пару своих историй». И я прихожу. Он говорит жене: «Брайна, приготовь нам с Йослом стакан чаю, да и садись с нами рядом». Она же отвечает: «Как можно сидеть с таким...? Он что, накладывает тфилин при молитве?» Чтоб не смущать их я прихожу туда неизменно в платье с длинным рукавом, и я ей отвечаю: «Брайна, разве я вам выгляжу евреем, который не накладывает тфилин?» А главный могильщик смеется. Вы бы видели, как главный иерусалимский могильщик умеет смяться...»

У нас, евреев, говорят: «умер, шмумер, лишь был здоров». «Романы Бирштейна тоже начинались с того, что кто-то умер, – рассказывал израильский переводчик и издатель писателя Менахем Пери, – ведь только если он умер, то можно начать историю, и тем самым вернуть героя к жизни». Пока мы помним, то Йосл Бирштейн, его замечательное творчество человека, сохранившего древнее искусство собирать слова в еврейские истории, живут с нами и в нас.

80-летний портной жалуется писателю: – Семьдесят лет я шью и что же осталось теперь? Заплату я кладу на заплату, латку на латку. Да, – отвечает Йосл, – и я, писатель, тоже так. Кладу слово за слово...

«ПУЛЬСА ДЕ НУРА» НА «МНОГИЯ ЛЕТА»

Когда врачи боролись за жизнь израильского премьер-министра Ариэля Шарона, корреспондент российского медиа-портала Утро.ру подошел к иерусалимской Стене Плача посмотреть на молитву за здоровье израильского премьера. Неназванный источник, решивший вынести сор из избы и конфиденциально сообщил корреспонденту о проклятии пульса де нура, наложенном на Шарона. Портал привел слова самоуверенного анонима «такая судьба ожидает всякого, посягнувшего на целостность Земли Израиля». Другой аноним заявил, что «так карается всякая попытка нарушить Божий план». На русско-еврейских маргинальных форумах определенной направленности тоже царило ликование.

Сдобренные псевдоблатной лексикой политические штампы, замешанные на дурно понятой кабалистической символике доморощенные проклятия, рассуждениями о предателе, юденратах, было неприятно читать. Да и инфантильные обзывательства, вроде Шарика как будто слеплены по одному штанцу в заштатном агитпропе. А уж лишенные юмора проклятия ясно выдавали бессилие авторов и огромную пропасть, отделяющую их от живой души еврейского народа. Впрочем, любые экстремисты и радикалы, возмнившие себя авангардом, неизменно оказываются страшно далекими от народа.

Хотя евреи прочно занимают лидирующее положение в жанре сатиры и юмора во всех странах, где они живут, в последних поколениях наш народ в значительной мере утрачивает знаменитое еврейское умение проклинать и ругаться. Уходит в прошлое целый фольклорный жанр – острая, сдобренная парадоксальным юмором еврейская брань. Феномен не уникален для евреев. Оскудевает когда-

то богатейший запас русской брани. Ведь раньше не только «матюгались», но еще и «лешакались», с привлечением леших, водяных, кикимор и прочей лесной и домово́й нежити. Лишь специалисты-этнографы помнят о ритуальном сельскохозяйственном и свадебном сквернословии, идущим от древних магических заклинаний. Уходят в прошлое легендарные русские сквернословы-материнщики. Они исчезают не потому, что оскудел надор талантами, а потому, что теряется память и уже никто не понимает смысла понятия «трехэтажный мат», что почти интеллигентское сегодня «сукин сын» уходит корнями в языческие представления о браке Земли и Неба. Подменяя идею Громовержца злым демоном-псом, матерщинник оскорблял саму божественную идею, и лишь на самом поверхностном светском уровне намекал на сомнительное происхождение объекта брани и распутство его матери. Канадские лингвисты Дрейзин и Пристли пишут, что «мат – это теневой образ русского языка в целом. ... Мы видим в мате особую форму экспрессивного, нестандартного языка, который по самой сущности своей нейтрален по отношению к обозначаемым им значениям. Поэтому трехэтажный мат является не просто скопищем непристойностей, но системой рафинированных, сложных структур...».

Бледное представление о характере еврейской брани клолэ дает старый анекдот-тост «Чтоб у него было сто домов, и в каждом доме сто комнат, и в каждой комнате сто телефонов, по которым ему постоянно надо вызывать милицию, пожарников и скорую помощь». Или вот еще Алецейн зол дир ойсфален – Чтоб у вас выпали все зубы, норейнер зол дир блайбн оф цунвейтик – кроме одного, где бы тебя мучила зубная боль. Однако, подлинная еврейская брань невозможна без диалога.

...

Берл: А бейзер гзар зол аф дир кумен! (Чтоб злой промысел уже нашел тебя!)

Шмерл: Кумен золсту цу дайн эйбикер ру! (А чтоб ты уже нашел свой вечный покой!)

Берл: Руэн золсту ништ афиле ин кейвер! (А ты, чтоб не находил покоя даже в могиле!)

Шмерл: Зол дир лигн ин кейвер дер эйвер, ин ди кишкес а лох мит а шейвер! (Чтоб в могиле лежал твой член, как грыжа, делающая дырку в твоих кишках!)

...

Отвлекаясь от содержания, скажем, что здесь чувствуется подлинная поэзия. В классической еврейской брани наблюдается редчайший феномен взаимопонимания. Ведь бранящиеся внимательно слушают друг друга, подхватывают ключевое слово от предыдущей реплики и вставляют его в свой ответ. Все это далеко от современной ругани в политике, СМИ или интернете, когда стороны не слышат и не желают слушать друг друга, говорят через головы журналистов, непоколебимо верят в дешевые приемы политтехнологии и почитают народ электоратом, что тоже народ, только одноразовый. Классическая еврейская брань чем-то похожа на породившие музыку хип-хоп и рэп insult-game чернокожих американцев. Только негритянские речитативные игры сквернословов являются чисто мужским занятием и несут значительно больше сексуального контекста, чем еврейские. Однако, главная отличительная особенность в том, что еврейская брань в полной мере использует самобытный контекст еврейского языка, его богатейшее культурное наследие, укорененное в идише. Недаром один из лучших современных переводчиков с идиша Майкл Векс (из книги которого «Рожденный для квэч» мы позаимствовали некоторые наши примеры), назвал Талмуд идишем в зародыше. Именно в Талмуде заложена лингвистическая матрица, на которую еврейский язык идиш постоянно нанизывал свои слова, модели и понятия. Талмудическая литература веками питала еврейских мыслителей, остроумцев, и что греха таить, даже сквернословов и богохульников.

Не вдаваясь в бесплодные дискуссии о том, насколько Сталин был антисемитом, несомненно, что он последовательно проводил свою людоедскую логику, наряду с раввинами уничтожая и светских идишистов и коммунистов-евсегов. Потому, что коммунист, анархист или модернист бегло говорящий на красивом идише, несмотря на все декларации, все же оставался подлинным евреем. Недаром наиболее престижные йешивы, такие как иерусалимские «Мир», или «Слободка» требуют у своих студентов хорошего знания идиша. Для сефардских раввинов там тоже держится определенное количество мест, и цвет сефардского равината составляют выходцы из этих йешив. Хотел еврей или нет, но раз он говорил на идише, а значит, все его сознание и вся его жизнь была пронизана Талмудом и Торой значительно больше, чем у современного верующего, думающего по-русски, по-английски или на иврите.

Например, Талмуд называет облегчение после туалета ташмиш бей а кисэ, одной из трех вещей, напоминающих человеку о рае. Облегчившись после уборной, набожные евреи произносят «благословен Создавший» – ашер йоцер. И название туалетной бумаги на идише – ашер йоцер папир. Причем так называется туалетная бумага не на сленге. Это вполне стандартное, словарное выражение. Невозможно себе представить, чтоб какой-то другой язык воспользовался подобными семантическими полями для названия туалетной бумаги. Разумеется язык – явление подвижное и со временем происходит замена словаря, переход на другой язык. Однако ментальные структуры, лежащие в основе языка сохраняются только тогда, когда их бережно поддерживают и передают.

Много лет подряд, каждый день Берл и Шмерл ехали на работу одним и тем же автобусным рейсом и никогда не разговаривали. Однажды Берл не выдержал. «Слушайте Шмерл, мы с вами много лет знакомы, а даже словом не

перемолвились, даже не спросили друг друга как дела?»). «Ну? И как дела?» – спросил Шмерл. «Не спрашивайте...» Идишисткий человек просто не способен ответить, как рекомендуют американские консультанты по имиджу «хорошо» или «отлично». Так может ответить лишь человек, знающий слова, но не душу еврейского языка. На вопрос как жизнь вам запросто могут тветить «разве это жизнь?». Вероятно, не зря отцы-основатели государства Израиль безжалостно искореняли идиш, хотя почти для всех из них он был родным.

Сионистам казалось невероятным, что можно создать современное государство с языком, где одной из самых распространенных фраз было золст ойкумен цу майн мазел – чтоб у вас было мое счастье. И все же в искоренявшем всякие следы идиша иврите, понятийный строй отрицания отрицаний сохранился. Помню, как новую психбольницу в южном израильском городе Беэр-Шева гордо называли «Центр душевного здоровья», а Ливанскую войну называли Миром Галилее. В том самом смысле, как дурака называют хохем – мудрец, или проститутку – праведницей цодекес или ицох (сокращенное от «праведная и значительная женщина»), а про кладбище зовут порой дос гуте орт – хорошее место, а то и вовсе домом живых бесахаим. Традиция эта восходит к Талмуду, где трактаты «Великий и Малый Траур» относятся к... Симяхес – веселью, праздникам. Да и в стандартном молитвеннике погребальная служба стоит под рубрикой иньонэй симяхес – что в буквальном переводе – веселые дела.

* * *

Увы, вместе с нашим народным языком уходит и целый мир понятий, уникальных ответов на непростые вопросы, которые ставит перед людьми жизнь. Мы уже не понимаем, что большинство еврейских фамилий Орел или Орлов происходят не от царственной птицы, а от древнееврейского названия крайней плоти орел и значат попросту «гой».

То есть не генетический, генетика мало занимала амхо – говорящий на идише народ, а такой, что ведет себя «как гой». В том смысле, как непослушным и ленивым детям говорили «веди себя, как еврей, будь а-менч, человеком». Ведь еврей такой же человек, как все другие, а от народов (что буквально значит слово гой) отличается тем, что ведет себя как еврей, соблюдает мицвес. Впрочем, еще Чехов справедливо замечал, что нет такого слова, которое не могло бы послужить еврейской фамилией.

Не стоит уподобляться курице, копающейся в навозе, чтоб найти рациональное зерно. Поэтому не будем возвращаться к русскоязычным форумам, блогам, гостевым книгам, а то и печатным или электронным СМИ, претендующим на знание того, «как надо по-еврейски». Не их вина, а их беда – корявый язык, невежество и отсутствие еврейского юмора, который и есть а-пинтэлэ идиш, буквально искорка, а, по сути, душа еврейства. Понятие искорки тоже из Каббалы, где означает искры божественного огня, рассыпавшиеся после разрушения божественного миропорядка и одушевляющие все на свете. Наша беда, что народная вера в мистическое, таинственное и непонятное, больше столетия подменялась сухим рационализмом.

Не так давно пришлось читать на одном религиозном русско-еврейском сайте о том, что иудаизм заключается в строгом исполнении заветов, а все, что отдает мистикой, по определению нееврейское. В частности, там спорили о том, верят ли евреи в воскресение. Строгий модератор, объявляющий себя последователем хасидизма, называл идею воскресения христианской, забывая, что верующему еврею положено трижды в день произносит Борух ото адоной, мехаей амесим (Благословен Господь, воскрешающий мертвых).

Не их вина, а их беда, что под видом еврейского часто преподаются слегка перелицованные идейки христианские, атеистические, материалистические, а то и откровенно антисемитские. Довольно популярный русско-израильский автор, пишущий на религиозные темы, как-то поразил меня

статьей, пытающейся втиснуть в контекст еврейства Иисуса Христа. Автор обрушивал всю свою ярость на Павла, якобы искажившего еврейство фарисея Иисуса. Защищая еврейский характер идеи воскрешения из мертвых, автор приводил в пример талмудического мудреца рабби Хия, тоже верившего в воскресенье из мертвых. Автор, похоже, ломится в открытую дверь, забывая, что говорится о воскресении в ежедневной молитве.

Еврейская народная традиция наоборот хранит память о Павле, как а фрумэ ид – набожном, ученом и мудром еврее, рано осознавшем весь вред нового учения Назаретянина для иудаизма, и отдавшего жизнь, чтоб отлучить и отделить евреев от опасной ереси, от иудо-христианских предателей, спасти еврейство от необходимости молиться вместе с еретиками. С этой точки зрения Павел – «хорошо для евреев». Зато Иисуса еврейская народная традиция обливает тотальным презрением. В народе ходят поговорка мамошес а гоише гот – субстанция (кровь) гойского бога, и означающая что-то столь же далекое от правды, как утверждение, будто кровь Иисуса искупила грехи людей. Хотя гой на идише – любой нееврей, но любому говорящему на идише еврейскому человеку понятно, что речь не о Кришне или Нептуне. Есть много других примеров, где одним выражением опровергается и высмеивается самое сокровенное в христианской доктрине. Скажем, христианская Пасха называется среди говорящих на идише американских евреев Yeaster, вместо английского Easter (от yeast – дрожжи). Выражение непонятно, если не знать еврейскую поговорку «тесто поднялось (на дрожжах), как гойский бог на небеса».

* * *

Появившиеся в последние два десятилетия многочисленные защитники так называемой «иудейско-христианской цивилизации» и «иудейско-христианских ценностей», очевидно, путают иудаизм с исламом. Именно в исламе Иисус

считается величайшим из предшествовавших Мухаммеду пророков.

Евреи вообще избегают называть Иисуса по имени, зовут его «тот человек», ништ (ничтожество) мамзер бен а-нидо (байстрюк, сын нечистой женщины, которого не допустили к службе в Храме и он из мести заварил всю кашу); талуу (повешенный, по еврейским легендам, нашедшим свое выражение в средневековой антиевангелии «Повесть о повешенном» – о том, как мудрецы разоблачили колдуна-самозванца и повесили его на капусте) и многими другими обидными кличками. Если даже приходится назвать по имени Йешу (в еврейском произношении), то религиозные евреи настаивают, что речь не идет о форме имени Иисус, а о своеобразной, непонятной для посторонних аббревиатуре – Йимоху Шмой Узихрой – традиционной формуле «да сотрется имя его и память его». Помню, во время синагогальной службы наш раввин зачитывал вслух подсунутый ему список людей, за которых просили помолиться за здоровье. В конце длинного списка рабби вдруг запнулся и даже поперхнулся: «Jesus... Иисус... наверное Хесус», перевернул он неудобное имя на испанский лад и смял всю церемонию.

Когда евреи всерьез хотят проклясть, то они предельно лаконичны, безо всякого многословия, ругани и юмора. Уж тем более не любят вспоминать врага по имени. Здесь нет всяких «шариков»-Шаронов или других инфантильных кличек ненависти. А если уж евреи награждали прозвищем, то оно прилипало навечно. Достаточно библейских образцов, где ненавистная царица Йезавель значит дочь мусора (иззевель по древнееврейски, хотя ее вероятно звали Из баал – дочь главного языческого божества того времени, а само божество Баал Зебел – повелитель вселенной превратилось в Бааль зевув – повелителя мух Вользевула).

Не может быть для еврея наказания страшней, чем йимоху шмой узихрой – вымаранное имя из Книги жизни, или из списка всех живших. Разумеется, покойного человека могут забыть, не исполнять траурных церемоний, но имя,

его руф номен живет, его носят потомки, оно значится в Господних книгах. Пожелать человеку быть вычеркнутым из Книги – ужасно. Недаром, Библия столько места посвящает спискам рода человеческого.

Талмуд приводит дискуссию мудрецов о том, что является самым главным в иудаизме. «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего как самого себя (Лев. 19:18). Рабби Акива сказал: это принцип великий в Торе. Бен Азай сказал: Вот родословная книга человека (Быт. 5:1) – принцип более великий... Сказал рабби Йоханан: Мессия не придет до тех пор, пока не станут все люди, задуманные Творцом, и это те, о которых сказано в книге Адама – первого человека: зе сефер толдот адам – это книга порождений человека (Трактат Кохелет Рабба 1:12)... история начинается с Книги – с грубой, бессмысленной поначалу заготовки человечества. Буквы ее, словно семя не рожденных еще поколений, брошены в мир, чтобы стать живыми душами людей, стать именами живущих. И лишь когда завершится их список, когда исчерпается Книга и последняя буква ее обретет человеческую плоть и смысл – тогда придет мессия и закончится эта долгая история», – пересказывает талмудический мидраш замечательная статья Александра Львова «Список рода человеческого».

Когда евреи поминают недобрым словом Гитлера и других врагов, то нет никаких «шариков» или «леваков», а лишь короткое «да сотрется имя его». Извечный злодей и враг Амалек, которого Тора предписывает уничтожить – «Идите вперёд и атакуйте Амалека и поступайте с ними как с прокажёнными. Не щадите никого. Убейте и мужчин и женщин, и стар и млад, и быка и овцу, верблюда и осла» (1-я Кн. Царств 15:3). Он продолжает существовать в народном сознании, несмотря на однозначное Божеское указание: «Запиши это на память в Книгу и внуши Иисусу (Навину), что совершенно сотру Я память об Амалеке из Поднебесной» (Исход 17:14-16). Большая доля правды в шутке, услышанной мной на одной из лекций по библейской истории.

«Несомненно, что Тора написана по промыслу Г-споднему. Если бы ее написали сами евреи, то этот кусок выглядел бы так: «Сотру Я память об этом, не хочу даже имени его называть. да сотрется имя его и память его...».

* * *

Если вернуться к форумским зубоскалам, то там часто мелькало упоминание о страшном проклятии, которому подвергся израильский премьер-министр – «предатель». Речь идет о якобы каббалистическом проклятии пульса де нура – что в переводе удар, столп или бич огненный. Широкая публика верит, что речь идет о самом страшном иудейском проклятии. Проклятие это якобы было наложено на Ариеля Шарона неназванными 30-ю раввинами. Действительно, во время демонстраций протеста против эвакуации из Газы возле дома премьер-министра, группы правых экстремистов возносили молитвы за смерть премьера.

Шарон – далеко не единственный израильский политик, против которого, по сообщениям прессы, налагалась пульса де нура. Проклятию подвергались покойный премьер Ицхак Рабин, ныне живущий министр обороны Шауль Мофаз, покойный мэр Иерусалима Гершон Агрон и многие другие. Кстати сказать, чтобы наложить проклятие на Рабина по слухам понадобилось всего три раввина, а для Шарона уже 30. Экстремисты тоже молились возле дома Рабина, призывая смерть на его голову. Правда, убийца Игаль Амир не стал дожидаться Б-жественного суда, а сам совершил покушение.

Подвергался пульса де нура даже нынешний ультрарегигиозный мэр Иерусалима Ури Луполянский. Он якобы вызвал гнев тем, что недостаточно активно боролся с проведением международного «Парада гордости» геев, лесбиянок и транссексуалов в Святом городе. Список можно продолжить. Сегодня трудно найти в Израиле политика, хоть однажды не проклятого через пульса де нура, если не в синагоге, то через звонок в редакцию.

По сообщениям газет, церемонию эту надлежит проводить в полночь в синагоге. Должны собраться десять раввинов, жгут черные свечи, трубят в ритуальный рог шофар, якобы открывающий проклятию путь на небеса. Если проклятие наложено праведными людьми против согрешившего объекта, то оно неизбежно приводит к смерти в течение года, а если нет, то проклятие обращается на самих проклинавших. Церемонию пульса де нура, проведенную против иракского президента Саддама Хусейна в 1991 году во время войны в Персидском заливе, когда Израиль обстреляли иракскими ракетами «Скад», даже описал и сфотографировал журналист Амос Нево, работавший тогда в крупнейшей израильской газете «Едиот ахронот».

Публика верила подобным сообщениям, пока религиозный израильский еженедельник «Мишпаха» (семья ивр.) в мае 2005 года не обратился к трем старейшим и авторитетнейшим раввинам-каббалистам с вопросом о природе «страшного проклятия». Раввины были единодушны «Я не знаю», «я не слышал ничего подобного» и «нет такого в Торе». Действительно, в многотомном Талмуде не найти упоминания церемонии пульса де нура. В еврейских источниках, таинственный бич света пульса де нура упоминается лишь как небесное наказание, которому Г-сподь подвергал провинившихся ангелов, а вовсе не проклятие или анафема. Авторы статьи д-р Дов Шварц из религиозного университета Бар-Илан и религиозный деятель Моше Блой пришли к выводу, что речь идет о современном обряде, смысл которого анафемствование неудобных общине людей. Во время наложения анафемы, или по-еврейски херема, тоже зажигают свечи, трубят в рог и произносят проклятие. Только смысл анафемы – не колдовство, а отлучение грешника от общины. И действительно, какая разница нерелигиозному человеку, что одна из многочисленных, враждующих между собой религиозных общин наложила на него анафему, запрещает молиться с ним, выдавать за него замуж девушек из общины или даже разделять с ним трапезу.

Оказывается, пульса де нура – вовсе не каббалистический ритуал, его проводят не ночью, а днем, не надо поститься три дня, нет нужды повторять проклятие семь раз, нет необходимости поворачиваться к востоку, и прочие детали из газет являются досужей выдумкой. Появление ритуала статья в «Мишпахе» относит ко времени основания государства Израиль, а автором называют довольно противоречивого раввина Амрама Блоя, лидера ультрарелигиозной антиссионистской группировки «Нетурей Карта» (стражи стен – по-арамейски). Раввин Блой на своем веку проклинал как светских сионистов, как и религиозных евреев, получавших социальную помощь у «безбожной сионистской структуры» и даже жаловавшимся в израильскую полицию. Израильских полицейских деятели «Нетурей Карта», входившие в разное время в Палестинский национальный совет, любят именовать нацистами. Мне часто приходилось слышать в кругах моих религиозных знакомых насмешливое отношение к светским евреям, которые «во Всевышнего, Творца Вселенной и его Тору не верят, зато во всякие пульса де нура верят, да еще как верят». Особенно там веселились по поводу заявления, что проклятие обязательно подействует в течение года. А клоле нишкен телеграм, – говорили они. – Проклятие не телеграмма. Зи кумт ништон азой гихт, – оно не приходит так быстро. По еврейскому пониманию, как раз хорошо, чтоб несчастный проклятый сидел и ждал пока проклятие сработает. Может у него сердце не выдержит раньше, чем выпадут все зубы и появится зубная боль, – иронизирует по этому поводу Майкл Векс.

* * *

В Израиле многие уверены, что еврейская история началась, или по крайней мере обрела свой смысл с образования Еврейского государства. Совсем недавно в Америке мне удалось выяснить, что ритуал пульса де нура начался немного раньше, чем образовалось Еврейское государство. Первая документально зафиксированная пульса де нура

была объявлена против видного иерусалимского просветителя Давида Елина в 1905 году. Ультраортодоксальные раввины подвергли Елина церемонии пульса де нура за то, что он открыл в городе первую светскую школу, где обучение проводилось на иврите. Несмотря на «ужасное проклятие», Елин прожил до глубокой старости и скончался через 36 лет после «проклятия» в 1941 году. Пульса де нура оказалось что-то вроде зай гезунт – будьте здоровы или «многия лета».

Правда, мне известен один человек, поплатившийся от пульса де нура, хотя и не жизнью, а карьерой. Им стал журналист, тот самый Амос Нево, сделавший описание церемонии достоянием широкой публики. У редакции «Едиот ахронот» и на Втором израильском телеканале, куда он тоже продал сюжет, появились обоснованные подозрения, что Нево сфабриковал церемонию и даже заплатил участникам. До открытого скандала дело не дошло. Журналисту предложили уволиться, и его карьере в солидной израильской журналистике пришел конец. Хотя и до сих пор его истории о пульса де нура, да еще о том, как он пробрался в среду молодых американских неонацистов, боготворящих Гитлера, кочуют по интернету. И все же пульса де нура не зря занимает воображение еврейского человека, да и не только его. Рассказы о пульса де нура находят отклик в еврейской душе. Одна из них посвящена упоминавшемуся выше рабби Хия.

Талмудический трактат Б'аба Меция содержит рассказ о том, как пришел однажды рабби Хия, в синагогу во время поста, объявленного чтоб просить Бога об окончании засухи. Рабби Хия, наверное, не зря слыл в народе известным чудотворцем. Он взялся произносить шмона эсре – «восемнадцать благословений». «Он заставляет ветры дуть», – начал рабби, и тут же поднялся сильный ветер. «И Он заставляет дождь лить», – прогремел рабби, и тут же в подтверждение его слов разразился сильнейший ливень. Дальше по тексту шло «И Он воскрешает из мертвых», и на небесах пришли в тихое замешательство, потому, что мертвые могли бы восстать

раньше времени, до запланированного прихода Мессии. Сам Господь пожелал знать, кто сообщил человечеству такие великие мистические тайны. «Пророк Илия», – тут же доложили испуганные ангелы, – или по-еврейски Елиягу а-нави». И вот тогда-то Господь напустил на своего любимого пророка, взятого живьем на небеса, шестьдесят огневых бичей пульса де нура. И пророк Илья мигом скатился на землю и побежал. По словам Галмуда, он выглядел, «как обгоревший медведь». В самую последнюю минуту пророк Илья таки успел выгнать рабби Хия из синагоги, чтоб не допустить нарушения Божественного плана.

* * *

Когда материал уже был в работе, появилось сообщение, что проклинавшие Шарона фанатики получили неожиданную поддержку. Известный христианский телеевангелист Пэт Робертсон заявил в проповеди, что израильского премьера настигла Божья кара и так будет с любым, кто попытается нарушить Божий план. Робертсона любят в экстремистских израильских политических кругах, даже приглашают на важные мероприятия, как «друга Израиля». Однако, у себя дома, в Америке, знаток Божьих планов уже больше 10 лет числится в списках известных антисемитов Антидиффамационной Лиги. Робертсон неоднократно высказывал свои антисемитские взгляды, и даже собрал их в книге «Новый мировой порядок», повествующей, между прочим, о всемирном еврейском заговоре с целью завоевания Америки в 1994 г. В ответ на критику пастор Робертсон угрожал перестать поддерживать израильскую политику. Директор АДЛ Эйбрам Фоксман в ответ заявлял, что если это симпатия к евреям, то спасибо, не надо.

КАК МНОГО В ЭТОМ СЛОВЕ...

В старейшей израильской газете «Ха-Арец» очевидно произошла целая культурная революция. На место главного редактора Ханоха Мармори пришел из английского издания газеты Давид Ландау. И в «Ха-Арец» стало появляться больше материалов, посвященных культуре европейских евреев, языку идиш, движению поисков корней у европейских евреев в Израиле и во всем мире. Газета «Ха-Арец» считает себя израильской «Нью-Йорк Таймс» и даже на нее похожа по графическому оформлению и подаче материалов. «Ха-Арец», представляющаяся читателям, как «газета для думающих людей» по примеру своего американского образца, стала уделять больше места не только культуре на иврите, но и еврейской культуре на идиш, по-русски, по-английски и на других языках.

Недавно открыв газету, мы нашли подтверждение новой тенденции. Рубрика с патриотическим сионистским названием Мелэх ха-Арец (соль земли, но также на иврите означает суть, сливки страны Израиля) в еженедельном журнале «Ха-Арец» попрощалась со своими читателями. На ее месте появилась другая, с неожиданным и невиданным ранее в центральной израильской прессе на иврите еврейским названием «Эппес», посвященная политической сатире и юмору. Даже мало знакомый с идишем читатель в Израиле, в больших американских городах, да и во многих местах на просторах бывшего СССР несомненно слышал это слово, покрывающее огромное семантическое поле значений.

Что же такое эпес? Слово это еврейское и родственно немецкому etwas (нечто, что-нибудь) и английскому aptness (способность, уместность, годность). Однако его значение шире. Как многие понятия в еврейском языке, эпес трудно перевести. Первый ряд значений – «нечто», «чуть-чуть»; «немного». Вот пример – «Эппес, пахнет что-то в Дании» – это еврейская перифраза знаменитого шекспировского

«Прогнило что-то в Королевстве Датском». Кстати сказать, хотя еврейская поговорка намекает на крепкий запах датского сыра, в нью-йоркском английском сленге, слово «датский» часто означает запах коррупции, гнили и развала. Еще приходилось слышать «Это эппес своеобразно и исключительно» (Здесь есть некоторое своеобразие). Или еще «Заплати, эппес, налоги», что значит «заплати им, как можно меньше». Эппес также значит «большой», «замечательный» – «Ему пришлось, эппес, заплатить налоги», что значит, «ему таки пришлось заплатить очень большую сумму». Или еще одно – «Он, эппес, упрямый!», наш народ скажет о совсем уж непомерном упрямце.

Современный русский сленг широко использует словечко «типа». «Он, типа, лоханулся» скажут о человеке, сделавшем глупость. Эппес в идише может иметь то же значение, как в положительном, так и отрицательном смысле, хотя и более мягкого оттенка. «Уж она-то, эппес, кухарка» – значит такая замечательная, что слов нет описать. «Уж если я видел, эппес, жуликов, так это как раз этот парень» – значит «я его за руку не поймал, но уверен, что он жулик». Иногда это нейтральное словечко «типа» – «Мы должны что-то сделать. У кого есть, эппес, идея?».

Слово лох в значении «глупец», очевидно, пришло из идиша. «А лох!», что значит «дырка», издавна говорили евреи о простофиле, недотепе или человеке, пропустившем свой шанс по глупости. Подразумевается знаменитое еврейская поговорка лох ин дер коп – дырка в голове. Впрочем, у нас нет компетентного свидетельства происхождения слова «лох» в русском сленге. Зато в американском (где слово «лох» по звучанию и по значению ничем от русского не отличается), по авторитетному свидетельству принстонского профессора Лео Ростина имеет такую этимологию.

Еще одна группа значений слова «Эппес» – вероятно, возможно. Например – «Ему кажется, что он, эппес, трезвый». Или – «Она, эппес, думает, что она – красавица». Эппес может значить «неожиданный», «непонятный», «неизъяснимый»,

«непостижимый». Есть история про нью-йоркского гангстера Натана Козловски. В уличной перестрелке его ранили бандиты из соперничавшей ирландской шайки О'Каллахана. Истекавший кровью Нэт прибежал к матери. «Мама! – кричал он на лестнице, – мама!». Мать открыла дверь, посмотрела не его кровоточащий живот. «Нэтэлэ! Никаких разговоров! – воскликнула она. Перекормить ребенка у хрестоматийной еврейской мамы – а-идыше мамэ, наверное, самый распространенный способ проявить любовь к детям. И здесь она терпит возражений, – Сначала покушай, а потом будешь разговаривать!» Вот тогда, якобы, гангстер ответил «Вопреки ожиданиям, я, Эппес, не голоден».

Эппес может выражать недовольство – «вы хотите сказать, что, это, эппес, смешно (?!)» Иногда определяет спорный момент – «Эта колбаса, эппес, несвежая». Или еще пример диалога:

– Мой муж сделал мне, эппес, сюрприз на день рождения, рассказывает мадам Рубина – Отпуск в Арубэ.

– Где это Арубэ? – спрашивает ее подруга.

– Откуда я знаю, – отвечает мадам, – мы туда летали.

И, напоследок, пример из жизни. Недавно на церемонии вручения дипломов у нас в колледже, где я слушаю курс «Журналистика и новостной репортаж» выступил сенатор от штата Нью-Йорк Чак (Карл) Шумер. Он рассказал нам, как, закончив учебу на юриста, решил посвятить себя служению обществу. Во время своей первой предвыборной кампании он с удивлением обнаружил, что кроме его политических противников, против него агитирует его собственная мама.

– Она ходила по знакомым и говорила: «Не голосуйте за него. Пускай он провалится на выборах и пойдет в солидную адвокатскую фирму, чтоб зарабатывать много денег и стать, эппес, солидным человеком».

Сенатор выборы выиграл и начал свою длинную и успешную карьеру, а историю он привел как раз для того, чтоб сказать, что делать надо в жизни... эппес то, что нравится.

Раздел второй

МУЗЫКА РАДИКАЛЬНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КАРКАУЭР: КЛЕЗМЕР – ВЫРАЖЕНИЕ ИДИШ В МУЗЫКЕ

Думаете, клезмеры – это еврейские музыканты из Восточной Европы, игравшие на свадьбах, похоронах, да и на всех других событиях, радостных и печальных? Возможно, так и было. Однако сегодня в Америке – клезмеры – это уважаемый и бурно развивающийся музыкальный жанр, стремительно завоевывающий популярность, как среди евреев, так и среди всей американской публики. Клезмеры прочно вошли в мейнстрим американской музыкальной культуры. Свидетельством тому, прошедший в Зенкел-холл в Центре Карнеги концерт кларнетиста Давида Кракауэра и его группы «Клезмер маднесс» (безумье клезмеров англ.). Кракауэр исполнял специально написанные для концерта композиции композитора и джазового пианиста Ури Кейна. Впрочем, Кейна еще можно назвать диск-жокеем. Именно в жанре DJ он пишет свои композиции, komponует звуковые дорожки, играет скоростями, тембрами и звучанием.

Дейвид Кракауэр заинтересовался клезмерской музыкой, уже будучи известным кларнетистом классического репертуара, учеником знаменитого нью-йоркского педагога Яна Рашинова. Кракауэр играл в знаменитом струнном квартете «Кронос». Он записал с ними диск «Мечты и молитвы

слепого Исаака». Позже Кракауэр вошел в легендарный нью-йоркский ансамбль «Клезматика». Многие классические музыканты обращаются к восточно-европейской еврейской музыке. Кракауэр считает себя представителем второй волны творцов клезмерской музыки, занятой не только и не столько консервацией традиции, сколько обновлением и обогащением ее. Артист говорит, что клезмерская музыка, как и вся еврейская музыкальная культура, давно вышла за традиционные рамки, становится американской, впитывает в себя множество стилей и обогащает собой другие музыкальные жанры. Недаром, так много неевреев сегодня играют клезмерскую музыку. Впрочем, тенденция обновления издавна сопровождала клезмеров.

Изначально, хасидская традиция широко и глубоко черпала из музыкального наследия народов, среди которых жили евреи. Еврейские музыканты-клезмеры (от древнееврейского клей-земэр – музыкальные инструменты) играли вовсе не только для евреев и обязаны были учитывать вкусы разноплеменных заказчиков этнически пестрой Восточной Европы. Известны раввинские постановления, не только разрешающие, но и рекомендуемые хасидам заимствовать и обрабатывать мелодии соседей. Клезмерская музыка необычайно богата. Она впитала и пропустила через душу еврейского гения славянские, немецкие, балканские, цыганские мелодии, и даже германские военные марши, городские романсы и многое другое. В Америке клезмерская музыка получила новую жизнь, повлияла на джаз 20-х гг., на еврейские спектакли на Второй авеню, равно, как и на спектакли на Бродвее.

Кракауэр придерживается базисных жанров клезмерской музыки – песенная импровизация «дойна», медленный танец «хусидл», прерывисто-ритмичный «турецкий» танец, старинная румынская «хора» с особым темпом в 3/8, зажигательный танец в кругу «булгар» с подыманием почетных гостей на стуле, больше знакомый русскоязычной публике под названием «фрейлехс» (веселье идиш.). На такой базе

Кракауэр строит свои композиции, нанизывая туда различные акценты космополитического Нью-Йорка. «Смело используя элементы джаза, рока, фанка и даже хип-хоп, Кракауэр создает удивительную музыку, полную ностальгии по еврейской истории, нежных текстур и современных мелодий», – писал Майкл Райан в «Бостон Геральд».

«Для меня важно сохранить еврейство, – говорит Кракауэр, – Ведь клезмерская музыка является флексией в музыке языка моих дедов – идиш. Важно сохранить традиционный репертуар, музыкальные фразы, орнаменты, канторские напевы. И в то же время важно сохранить клезмерскую музыку живой, не допустить ее превращения в музейную. Ведь наша традиция всегда была живой».

Одна из композиций Кракауэра посвящена памяти легендарного еврейского кларнетиста 20-х гг. Нафтуле Брандвейна, вместе со своим другом-соперником Дейвом Террасом, зачинавший расцвет клезмерской музыки в Америке. Но Кракауэр не ограничился лишь ностальгией по «королю еврейского кларнета». Он соединил в композиции темы Брандвейна с музыкой другого великого кларнетиста – афроамериканского джазмена Сидни Бушэ. Эксперимент оправдан не только тем, что Брандвайн сам, наряду с греческими, турецкими и цыганскими мелодиями, широко использовал джазовые ритмы. Бушэ играл в негритянском клубе совсем неподалеку от Второй авеню, где работал, а чаще сживал в барах Брандвейн. Творческий синтез двух великих артистов в интерпретации Кракауэра стал настоящей удачей. Интерес к творчеству Бешэ у артиста значительно глубже. В 1998 г. Кракауэр записал целый диск «Цадик» с подзаголовком «Клезмерский салют Сидни Бешэ».

В прошлом месяце Кракауэр выпустил диск со своими выступлениями «Krakauer. Live in Krakau». Кракау – еврейское название польского города Краков. В разговоре с нами артист добавил, что его дед эмигрировал в США из Бяла-Подольска под Лодзем. Местечко это – родина замечательного еврейского писателя Йосла Бирштейна,

обессмертившего его в своих произведениях. В Польше Кракауэр записал свои последние композиции в стиле, который он сам определяет, как «психо-клезмер». Впрочем, не только мелодии Кинга Кримпсона или ритмы Генри Тредгилла можно уловить в музыке Дейвида Кракауэра. Несколько композиций в концерте представляют, казалось бы невероятное сочетание – клезмерскую обработку Первой симфонии Густава Малера.

«Малер – очень еврейский композитор, – говорил Кракауэр накануне, в программе Джона Шейфера «Саундчек» на Нью-йоркском Общественном Радио WNYC, – Глубокие еврейские мотивы Малера еще ждут своего осмысления современными музыкантами».

Возможно, строгим ценителям «классической» клезмерской музыки покажется недопустимым такое смешение жанров. Может представиться, что «подлинных», незамутненных американическими изысками клезмеров еще можно услышать в хасидских районах, пытающихся блюсти дух и стиль жизни еврейского местечка XIX века. Как бы не так! Дело не в том, что у них на свадьбах танцуют под переработки старых рок и поп хитов. И не в то, что на мелодию «Чингиз-хан» шоу-звезды религиозной эстрады поют «Мессия, мессия!». Как-то пришлось побывать на самом, что ни на есть настоящем хасидском «тыш» – застолье у ребе одного из небольших, но крепко спаянных хасидских дворов. Была хасидская свадьба. Клезмеры играли традиционный «нигун» и среди известных мелодий, так называемых «нигуней рэбе из Труско», я вдруг уловил мотивы тромбона Эрла Хайнса. Что поделаешь? Ведь мы находились около Хадсон-ривер, совсем неподалеку от того места, где сегодня лежат развалины WTO, которые мы зовем «Гранд Зеро».

БОБЭ МАЙСЕС – БАБУШКИНЫ СКАЗКИ В СТИЛЕ ХИП-ХОП

В этом году на праздник Песах я допустил большую оплошность. Дожидаясь начала ритуальной трапезы – седера, я услышал, как на другом конце большой комнаты моя тетя внушает своим внукам: «Смысл праздника, как и смысл нашей жизни – порядок. Недаром его символизирует седер (порядок, но также название ритуальной пасхальной трапезы у евреев ивр.)...».

«Да нет, Песах – это праздник свободы, – ляпнул я с места, – праздник освобождения». Внушки взглянули на меня с интересом и повторили «Свободы? Освобождения?» Я добавил цитату из пасхального предания Агады «Из рабства к свободе... были мы рабами в Египте, а теперь свободные, сыны свободы». Тетя отчаянно сверкнула очками «Неправильно! Песах – это седер! Порядок!» Я закусил губу, сообразив, что нарушаю педагогические усилия не одного года, и оставил разгневанную тетю, бороться с мировой энтропией и убеждать внучек, что главное порядок, а не так называемая свобода, которая тоже вынужденная необходимость.

Интересно, изменила бы она свое мнение, если бы послушала диск «Так называемый седер» – So-called Seder. «Так называемый» здесь не фраза, а имя, верней псевдоним рэпера, еврейско-канадского артиста жанра хип-хоп DJ So-called – Сокал. DJ – это диск жокей. В среде исполнителей этого своеобразного и необычайно популярного сегодня направления принято брать псевдонимы -Комитет Смерти, Предательская тройка, Мастер Дон, Нация Зулу, Занятая Пчела, Бешенные Ноги, Наличник, Брат Вопрос, 50 центов, Поджигатель, Здравый смысл. Некоторые имена хип-хоперов и вовсе непонятны посторонним – Eminem, Мос Деф, Закир Джей-5, Расширенные Люди или SSUR. «Так называемый» – Сокал вполне уместно в такой компании.

«Сейчас мы достигли периода, который я называю битвой за еврейскую самоидентификацию, – голос с явным бруклинским акцентом, который по-русски лучше всего передать одесским произношением. Вмешивается виртуозный кларнет, а затем и ударники, ритмические темпы и характерные хип-хоп восклицания – Так мне бабушка говорила, так рассказывала свои майсы...»

Так начинается проект двух замечательных артистов – Дэвида Кракауэра и Сокал. О Кракауэре я писал в статье «Клезмер – выражение идиш в музыке». Теперь Кракауэр представляет еще более неожиданную для любителей «чистой» комбинацию – клезмер и хип-хоп. И все еврейское!

Кракауэр был хорошо известным кларнетистом, респектабельным педагогом. Однажды, к нему случайно обратились участники клезмерского ансамбля и попросили порекомендовать им студента по классу кларнета. Кракауэр попробовал сам и увлекся на всю жизнь. Позже он вошел в легендарный ансамбль «Клезматик» – один из пионеров современной клезмерской музыки. После семи плодотворных лет Кракауэр создал в середине 90-х собственный ансамбль «Безумье клезмеров», с которым продолжает играть, писать музыку и экспериментировать до сего дня.

Кракауэр встретил Сокал в Монреале на фестивале «Клезм-Канада». Они провели целый день вместе и на прощанье Сокал дал Кракауэру послушать самодельную запись «Так называемого седера».

«Я отнесся скептически. Седер и хип-хоп – это звучало странно, – рассказывал Кракауэр в одном из интервью, – Потом я все же послушал, и музыка захватила меня. Это было самое замечательно, что я слышал в жизни. Я понял, что хочу сотрудничать с этим артистом, что нашел соратника и единомышленника, душевного друга... Здесь не просто смешение стилей. Надо именно вжиться в музыку, прочувствовать ее страсть и тогда получается истинный синтез».

Сокал, получивший от родителей имя Джонатан Долгин, известен острым языком. Когда пожилая журналистка из извест-

тной идишистской газеты спросила его что-то о «возрождении идиша», артист вспыхнул: «Хватит говорить о еб... возрождении, потому, что идиш – живой!». И все же интересно, как хип-хопер пришел к идиш? Сокал стал подбирать еврейские мелодии, в качестве фона и заставок для речитативной декламации, в чем, по сути, и состоит техника хип-хоп. По-английски такой речитатив называется рэп. В хип-хоп каждый приносит странные, малоизвестные мелодии.

«Я стал работать со старыми еврейскими звукозаписями и открыл целый чудесный мир, замечательных старых артистов, как Мики Кац, Аарон Лебедев, Мойше Ойшер. Я никогда и нигде этого не слышал, ни по радио, ни на концертах. И понял, что это – мое! Это как раз оказался подходящий материал для такого, как я еврейского парня, делающего рэп-музыку. Оказалось даже, что их звуки отлично ложатся в контур хип-хоп, поддаются рекурсии».

«Еще одно замечательное качество, – усмехается Сокал, – В глобализованном мире интеллектуальной собственности никто не предъявит ко мне претензий за нарушение авторских прав».

В свое время Кракауэр сделал программу, как бы воображаемую встречу-дуэт двух великих кларнетистов прошлого клезмера Нафтуле Бравейна и джазмена Сидни Буше. Здесь в Нью-Йорке нельзя избежать вопроса о связи еврейско-американской и афро-американской музыки. Особенно, если речь идет о хип-хоп, которые многие считают лишь музыкой черных кварталов.

«Я еврейский канадец, – отвечает Сокал с улыбкой, – Это немного освобождает от ответа...»

«Разумеется, есть миллион вещей, связывающих еврейскую и негритянскую музыку – опыт гетто, притеснений и гонений. Общее в стремлении скрыться от жестокой реальности, забыться в музыке. Есть общее в выражении страданий и в выражении радости... Негритянский спиритизм, как и хасидская музыка, черпает свое вдохновение в Ветхом Завете, в Танахе... Есть много связей... Но!

Для меня хип-хоп – это прежде всего современное средство. Сейчас все используют это имя «хип-хоп» для того, чтобы быть современным. Хип-хоп, музыка «рэп» давно уже оторвались от афро-американского контекста и означают лишь использование стиля, определенной технологии для художественного самовыражения. Бывает хип-хоп итальянский, индийский, латиноамериканский... Все используют стиль. Я не думаю, что там остался афро-американский контекст.

Разумеется, от них пришел хип-хоп. Разумеется, афро-американцы были первыми. Они дали хип-хоп миру, но теперь – это всеобщее достояние. Примерно как рок-музыка. Целые библиотеки написаны о взаимоотношениях черной и еврейской музыки в Америке... Но!

Я просто хочу делать свою музыку в стиле хип-хоп. Меня не волнует, еврей, негр или цыган, черный, белый, желтый или голубой..., – продолжает Сокал.

Мы смешиваем стили, смешиваем традиции абсолютно так же, как это происходит в реальной жизни».

Сообщество хип-хоперов хорошо приняло еврейского музыканта. Его рэп на фоне мотивов и отрывков клезмеров и еврейских театральных артистов 40-х год сразу нашла отклик и понимание.

Итак, клезмер и хип-хопер. Еврейские эмигранты создали в Америке самобытную музыкальную культуру, выражавшую их ностальгию по старой родине. Считается, что клезмеры – это провинциальные музыканты из Восточной Европы, из черты оседлости, куда загнала евреев царская власть. В 20-30-е годы здесь творили артисты, играли на свадьбах, бар-мицвах, создавалась музыка для чрезвычайно популярного еврейского музыкального театра, на равных конкурировавшего с Бродвеем, было записано огромное количество замечательной клезмерской музыки.

Фактически Америка спасла клезмерскую музыку от забвения и уничтожения. Ведь в Холокосте фактически сгорела вся самобытная еврейская народная культура Восточной Европы. То, что оставалось, было уничтожено

Советской властью. Наследию замечательных клезмеров середины XIX века Педоцер – Арн-Мойше Колоденко и Стемпеню – Йоселе Друкер, увековеченных Шолом-Алей-хемом грозило полное забвение.

– Третьим, и наверное самым опасным фактором стала ассимиляция в Америке... да и везде – говорит Кракауэр, – Для нас, начинавших в 70-е, таких как Энди Статмэн, «Капелия», других ансамблей, искавших корни, проблема состояла в том, чтоб что-то найти, возродить.

Они нашли свои корни совсем недалеко от дома. В Нью-Йорке в 20-30 годы работали и записывались великие клезмеры, такие как Нафтуле Брандвейн и Дейв Терас, сохранившие и обновившие клезмерскую традицию. Кстати, после публикации моей статьи, где упоминались эти артисты, я получил письмо из Израиля, где меня просили помочь найти Дейва Тераса, «который на самом деле Давид Тарасюк, родной брат моей бабушки из местечка Терновка в Днепропетровской области». В 1979 году я слышал музыку в исполнении почти столетнего тогда Тераса, но найти его – увы! Его не стало в 1989 году.

Программа, а также совместный диск Кракауэра и Сокала называется «Бобэ майсес: байки, которые бабушка нам рассказывала». Что это, бабушкины сказки?

«Как бы старые рассказы, байки, которые нам рассказывают с детства, которые все считают общепринятым мнением, – говорит Сокал, – Такие байки, что передают, что живут в семье. Но это очень-очень неопределенно. Я когда то слышал пьесу в исполнении Кракауэра с названием «Бобэ майсэ» и она послужила толчком к созданию диска.

– Пьесу эту я записал в серии «Архив американской еврейской музыки Милкина», посвященной 350-летию еврейской общины в Северной Америке, – продолжает Каракаэур, – Мелодия пришла от моего учителя Лиона Ришонова, а тот получил ее от своего учителя, замечательного кларнетиста Семена Белосина, игравшего в оркестре Нью-йоркской филармонии с 1920 по 1965 год. Белосин был

большим энтузиастом, одним из зачинателей возрождения клезмерской традиции в Америке».

Несколько слов об «Архиве американской еврейской музыки Милкина» – грандиозном проекте, призванном включить весь широкий спектр музыкальной деятельности евреев в Америке – клезмеров, театральную музыку, канторское пение, музыку еврейского кино. Архив возвращает к жизни творчество забытых композиторов, как Стивен Вольпе или Дариус Миклад, подчеркивает еврейский аспект творчества всемирно-известных известных, как Леонард Бернстайн, Джордж Гершвин, Ирвинг Берлин, Курт Вейль. Вейль, к примеру, писал в Америке музыку для еврейского театра и это совсем другой Вейль, другая музыка, отличая от хорошо известных мелодий для постановок Брехта. Архив восстанавливает старые записи, а часто заново записывает музыкальные произведения. Проект поддерживается «Фондом семьи Милкин». Несмотря на то, что сам глава семьи крупный финансовый брокер Майкл Р. Милкин сел в тюрьму за финансовые махинации на Уолл Стрит, деятельность проекта успешно продолжается. Сам Милкин считает «Архив американской еврейской музыки» общественным служением, призванным как-то вернуть долг обществу и общине.

Как и во всем еврейском, «бобэ майсес» имеет много подтекстов. «Бобэ майсес» – одно из первых произведений светской литературы на идише, одна из первопечатных книг на идиш в начале XVI века. Вероятно, эта книга была и самая распространенная – не бабушкины сказки, а «Истории Бовы». Она выпущена впервые в Италии христианским первопечатником еврейской книги Паулем Фангисом. «Бобэ майсес» – перевод итальянского рыцарского романа в стихах «Бова д'Амато», выполненный одним из первых идишистских филологов Элией Левита (известным в еврейской литературе, как Элия Бохер). Сам роман тоже является переложением нормандского рыцарского романа XIII века о полу-мифическом основателе Саутгемптона (Sir Bevis of Hampton или по старофранцузски Voeve de Hatone). Роман

этот пользовался огромной популярностью по всей Европе в течение нескольких сотен лет, переводился и перетолковывался во многих странах. На Руси «Бова д'Амато» лег в основу одной из первых русских лубочных книг «Повесть о Бове-королевиче». В еврейском языке «бобэ майсес» стали нарицательным именем для всяких выдумок, баек и имя легендарного рыцаря связалось с созвучным еврейским словом «бобэ» – баба, бабушка.

Итак, «Бобэ майсес»: считается, что бабушка печет самое лучшее в мире печенье, хотя она обычно покупает печенье в супермаркете. Если свистишь в доме, то призываешь крыс. Не ковыряй в носу, а то руки будут короткими. Ешь манную кашу, а то никогда не вырастешь. Куриный бульон – лучшее лекарство от всех болезней, а сквозняк, наоборот вызывает всякую хворь. Одень шапку, а то простудишь голову. Отойди от кухонного стола, а то никогда не женишься...

Бабушкины сказки. Теперь еврейский рэпер и клезмер продолжает золотую цепочку народной традиции, и доносят свои майсес до американской аудитории.

«Майсес – это, что-то такое, что нам говорили, вроде «На твоём папе держится вся больница», – говорит Кракауэр, – папа действительно работал в больнице, но бабушка слишком преувеличивала... Но «майсес» и это критическое осмысление многих расхожих истин, которыми живет американское еврейство – преемственность, Холокост, наше прошлое...»

Многие сегодня сомневаются, слышали ли мы всю правду о еврейском прошлом от своих родителей. Опросы показывают, что традиционные американские еврейские лозунги перестают работать в возрастной группе 18-36 лет. Традиционные формы еврейской активности: Израиль, община, антисемитизм, даже Холокост воспринимаются многими, как «майсес» Именно поэтому вынесенная в начало статьи фраза – отрывок из записи покойного голливудского актера Гершеля Бернарди, одного из зачинателей компании

поиска еврейской идентификации «Помни, кто ты есть... Возвращайся со мной...».

«Мы записывали диск как раз на следующий день после президентских выборов 2004 года, – рассказывает Кракауэр, – Мы уже знали, что победил Дж. Буш. Настроение было дрянное. Мы растерялись оттого, что доверие людей можно завоевывать с помощью «майсес»... Теперь уже не «бобэ майсес», а «Буш-майсес...»

Одна из наиболее запоминающихся вещей в программе – «Румыния, Румыния». Переработка старого эстрадного номера Аарона Лебедева, широко известного всем любителям клезмерской музыки. Впервые «Румыния» была записана в 20-е годы и широко разошлась по всему миру.

«Я всегда хотел исполнить «Румыния», – рассказывает Кракауэр, – Однако я понимал, что после Лебедева так уже не получится. Да и почти любой ансамбль клезмеров включает эту вещь в свой репертуар».

Действительно, эту вещь исполняют так часто, что ее во многом затаскали. Кракауэр придал своей интерпретации совершенно иной, мрачный оттенок. «Румыния» в его обработке – не только веселые еврейские куплеты, но и надвигающаяся тьма, Румыния времен наступления фашизма, когда Лебедев создал свой шедевр, темные улицы и слепые окна румынских городов времен Чаушеску, и сегодняшнюю Румынию, обремененную нищетой, коррупцией и преступностью. Кларнет Кракауэра плачет и стонет, оставляя очень мало от веселья классической еврейской оперетты. 20-30 годы многими осмысляются сегодня заново, как время наступления реакции, и как время удивительного творческого расцвета и как время перелома, в чем-то напоминающего наше. Еще один важный аспект – 20-30-е годы – время, когда новые технические средства – звукозапись, радио вторглись в музыкальное творчество, радикально изменив всю музыкальную культуру. Во много это напоминает техническую революцию сегодняшнего дня. Существует и сильная реконструктивная философия – попробовать воссоздать

художественные тенденции, трагически прерванные Второй мировой войной.

Американская еврейская музыка всегда менялась, обогащалась и обогащала собой других – еврейские театр на Второй авеню и Бродвей неразрывно связаны не только общей традицией. Зачастую те же самые люди работали в обоих местах. Курт Вейль повлиял на обоих. Поэтому последний вопрос. Вы не боитесь разрушить традиционную клезмерскую музыку, вторгаясь в нее, вводя столько разных элементов?

«Мы получаем множество гневных писем с призывами: «не трогать клезмерскую музыку!» «оставить ее в покое!». Но те, кто слышат нашу музыку – действительно вдохновляются. Клезмерская музыка – изначально танцевальная музыка. Речь не идет о музейной этнографической реконструкции. Чтобы жить, танцевальной музыке необходимо обновляться, соответствовать современным ритмам и звучанию».

МУЗЫКА «РАДИКАЛЬНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ» ДЖОНА ЗОРИНА

Восточноевропейская еврейская мелодия замечательно звучит в классическом джазовом исполнении. Неожиданно, главную партию вел глубокий звук контрабаса. Имя Masada вызывает ассоциации с Мецадой – легендарной крепостью на юго-востоке Израиля. Однако «Мецада» – также имя оригинального музыкального проекта Джона Зорина (пишется John Zorn, но он сам произносил именно Зорин), которую он называет новой музыкой еврейской радикальной культуры. Проекту исполняется 10 лет, и в Зале им Эдмонда Сафры при Музее еврейского наследия на Батарейной площади в Нью-Йорке Джон вместе с друзьями и коллегами отмечает месячной серией концертов плодотворное десятилетие проекта. Зорину удалось собрать вокруг своей звукозаписывающей студии, известной любителям еврейской музыки под лейбелем «Цадик», большую группу единомышленников. Выяснение терминов часто грозит лишить смысла любую дискуссию. Не сомневаюсь, что Джону Зорину приходилось отвечать десятки раз: цадик – это кто?

– Тот, кто делает добро в общине. Кто помогает избавиться от трудностей. Что-то среднее между раввином и крестным отцом.

Цадик вызывает ассоциацию с пожилым, ученым мужчиной?

– Не обязательно. Для меня цадиком может быть женщина тоже.

«Радикальная еврейская культура». Что думал Зорин десять лет назад, вводя в оборот это выражение?

– Я очень люблю афро-американскую музыку. Много играл в самых знаменитых джазовых группах. Это направление за последние полвека расцвело необыкновенно – от

Мортон до Армстронга, потом Чарли Паркера... – огромное число стилей, жанров. Однажды я подумал, а что же происходит с еврейской музыкой?

Еврейская музыка и еврейские музыканты оказали огромное влияние на американскую музыкальную культуру. Наверняка не меньше, чем афро-американские артисты. Сначала Зорин заинтересовался клезмерской музыкой. Это интересная музыка. Замечательный синтез различных культур – цыганской, балканской, восточно-европейской, осуществленный через еврейский музыкальный гений. После клезмеров пришел интерес к другим стилям и жанрам. Зорин играл во многих известных коллективах, работал с выдающимися музыкантами. И везде встречал евреев. Вот Зорин и решил предложить им сделать в его студии «Цадик» что-то еврейское. Предоставил шанс сделать свой вклад в еврейскую культуру. Каждая запись – оригинальный проект, каждый артист нашел свой особый путь. Сам Зорин тоже много исполняет и пишет музыку. Кроме «Мецады» камерной есть еще «Мецада»-джаз банд – громкий, энергичный стиль, созданный Зориным, да и сам он играет там на саксофоне. Один из самых сложных «еврейских» вопросов – это «Что такое еврейское?»

– Ответить по-еврейски – это вопросом на вопрос. По настоящему еврейское – это умение задавать вопросы. Каждый в нашем проекте своим творчеством больше спрашивает, пробует, ищет, чем предлагает готовый ответ.

Проект тем и интересен, как каждый артист, композитор или исполнитель ставит свой «еврейский» вопрос, ищет свое определение еврейского в музыке, еврейской музыки и культуре в проекте, специально посвященном еврейскому творчеству. Кто-то брал традиционные мотивы и предлагал новые аранжировки. Скажем, вместо традиционных еврейских инструментов – кларнета, скрипки и контрабаса – их мелодии исполняла рок-группа. Другие писали оригинальную музыку, выражая в ней свое понимание еврейства в конце XX – начале XXI века.

– Мы не предлагаем вернуться к какому-то ответу, – говорит Зорин. – Каждый предлагал свою версию ответа. Наш проект больше посвящен возвращению к вопросу, к проблеме.

«Возвращение к ответу» – «хазара лэ тшува» – это еще и традиционная иудейская формула обращения к религии. Зорин зовет к иному – к поискам оригинальных еврейских вопросов, которые и есть самобытный путь еврейской мысли в течение сотен лет.

– Мой ответ таков: еврейская духовность, еврейская культура и еврейская религия связаны между собой множеством связей, часто причудливых и невероятных. Меня в еврействе больше привлекает культурный компонент. Однако такой ответ верен только для меня. Главное – не предлагать каких-то готовых рецептов, якобы пригодных на все случаи жизни. Еврейство сложнее, чем приготовление печенья, где действительно необходимы точные рецепты

Зорин не отвечает прямо на вопрос о своем отношении к тем в еврейском народе, кто считает еврейским лишь то, что связано с выполнением религиозных заветов и ритуалов, кто считает еврейскую культуру враждебной иудейской религии, а то и вовсе несообразной иудейской духовности.

– Мое этническое сознание менее религиозное или политическое, чем это принято в моей общине. Зато я очень остро ощущаю культурный компонент моего еврейства. Музыка служит для меня связью с моей культурой, а также связывает нашу культуру с широким миром.

При просмотре каталогов студии «Цадик», а особенно проекта «Радикальной еврейской культуры» удивляешься, сколько известных имен из элиты американской музыкальной культуры оказываются евреями, и тому, что они захотели принять участие в проекте. Когда-то профессор Иосиф Лайтман из Бостона рассказывал, как при составлении Еврейского энциклопедического словаря в Москве редакция обращалась ко многим именитым россиянам еврейского происхождения с предложением поместить о

них словарные статьи. Огромное число людей отказалось, посчитав, вероятно, еврейство чем-то второстепенным, местечковым, неинтересным или невыгодным для себя. У Зорина произошло как раз наоборот. Артисты благодарили его за шанс подумать и ощутить свои корни.

Интересны и необычны произведения самого Джона Зорина – созданный вместе с японскими артистами диск по мотивам мистической еврейской «Книги Сияния – Зоар», написанной по традиции еще древним мудрецом Шимоном Бар Йохоам, жившим в II веке н.э. Интересна серия дисков с записями живой музыки Зорина Live In Taipei 1995, Live In Sevilla 2000, Live in Jerusalem 1994.

Просматривая каталог, все время натыкаешься на известные в Нью-Йорке музыкальные имена – и тот оказывается еврей, и она тоже.

– Мы никогда специально не подчеркивали еврейское происхождение. Речь шла о том, чтобы сделать что-то свое в еврейской музыке, в еврейской культуре. И это очень укоренено в еврейской культуре – ассимиляция среди народов, где евреи жили. Мои родители с трудом помнили еврейские праздники, а уж традиции: наша семья была атеистическая и космополитическая. Зорин рассказывает, что все окружение было интернациональным. Евреи тоже были интернациональные. У его родителей, как и у большинства нью-йоркских евреев, почти ничего не осталось от старой культуры местечка, которой в их время фактически был вынесен смертный приговор. В какой-то момент Зорин почувствовал, что его еврейство – важная часть личности и захотел обогатить еврейство чем-то своим.

– Я рассказал родителям, что хочу сделать что-то «еврейское», и они мне ответили, что это явная блажь, freak, – рассказывает Джон.

Зорин затрудняется вспомнить, был ли особый момент озарения. Скорей была долгая эволюция, приведшая его к желанию делать что-то еврейское. Возможно, как у многих, после смерти отца. Интересно, что многие американские

евреи, выбравшие в творчестве еврейскую тему, решались на это после смерти отца. Об этом приходилось слышать и от джазмэна и клезмера Фрэнка Лондона, и от еврейского лингвиста профессора Довида Каца и от многих других. Большое впечатление на Зорина произвела поездка в Германию. Когда он многое осознал, то всяко лыко оказалось в строку – и то, что вырос в еврейской семье, и то, что жил в еврейском районе Манхеттена, и еще много всего в его жизни сложилось так, чтобы еврейство стало важной частью личности.

Интересно и то, что личный опыт Джона Зорина в точности повторяет историю возрождения клезмерской музыки в 80-е годы. Тогда многие музыканты в Бостоне, в Нью-Йорке, в Кливленде вдруг осознали, что они играют на инструментах – трубе, кларнете, скрипке, контрабасе – тех же самых, на которых играли и их предки. Играли иначе, иную музыку, согласно иной традиции. Сперва было любопытно попробовать, потом стало модно, стало круто.

– Мы сами сделали еврейство крутым, – говорит Зорин. – В моей молодости быть евреем было совсем немодно. Не хочу обидеть других, но именно сегодня наше еврейство пользуется уважением в современной культуре. В середине XX века этническая идентификация стала важной как для человека, так и для общества. То, с чем раньше многим было тяжело жить, теперь стало принятым и даже весьма модным. Джон признается, что, затеяв десять лет назад серию «Радикальная еврейская культура», он не представлял ни характера, ни объема, ни границ проекта.

– Со временем я интуитивно стал чувствовать, что подходит, а что нет для нашего проекта.

С разных сторон проект «Радикальная еврейская культура» упрекали в нехватке еврейского, в нехватке радикализма, а то и вовсе в недостатке культуры. Зорину пришлось отказаться от любых формальных определений, что же считать еврейским и поверить своей интуиции.

– Не нужно формального определения, что такое еврейское. Наоборот, определение продолжает оставаться пред-

метом споров, а я люблю дискуссию. Клезмеры далеко не исчерпывают разнообразия современной еврейской музыки. Традиционно сложилось, что с нее началось возрождения интереса к еврейскому творчеству в американской культуре, – говорит Джон Зорин. – Дальше интерес только ширится. Ведь были еще Серж Гинсбург, Берт Бахрах, Аарон Копланд, Ленард Бернштейн, и еще, и еще... Америка не имела бы богатой культуры без евреев и афроамериканцев. Мы хотим показать, что еврейская культура универсальна и понятна всем. Не обязательно быть евреем, чтоб творить еврейскую музыку и, шире, еврейскую культуру. Более того, очень важно привлечь неевреев к участию в этом творческом процессе. Любой человек, увлеченный еврейской культурой, может творить ее. В серии участвовало много музыкантов-неевреев, таких как замечательный гитарист Тим Спарк. Другой пример – кубинский музыкант Роберто Хуан Родригес стал одной из блестящих находок Зорина.

– Он не еврей, хотя мы никогда точно не знали, кто он такой. У него в роду много тайных «крипто-иудеев», потомков принявших католицизм евреев Испании, а скрытно в течение пятисот лет исповедовавших иудейскую религию. Родригес много работал с еврейскими музыкантами здесь в Нью-Йорке и интересовался их творчеством.

Зорин предложил Родригесу записать собственный диск. Результат – диск «El Danz?n de Moises» (дансон – народный кубинский танец, а под Моисеем имеется в виду библейский пророк) превзошел все ожидания. Родригес создал воображаемую музыку реальных кубинских «крипто-иудеев». Он соединил латиноамериканскую сальсу с традиционными средиземноморскими и восточноевропейскими еврейскими мелодиями, и из них реконструировал музыку, которая должна была бы быть у этой общины, жившей на Кубе в течение многих поколений. Он, по сути, создал для них особую и оригинальную музыкальную культуру. Проект Родригеса под стать легендарным культуртрегерам советской поры, создававших оригинальную современную музы-

кальную культуру народам Кавказа и Средней Азии. Как и они, кубинцы приняли музыку Родригеса в свою традицию. Кроме того – его диски стали бестселлерами и пользуются огромной популярностью у любителей музыки в Штатах. Сейчас Родригес работает над третьим диском.

«Новая радикальная еврейская культура» – вовсе не проект маленькой группы из Манхеттена и Бруклина, поклонников только клезмерской музыки, он открыт для разных других стилей. В серию «Радикальная еврейская культура» вошли не только современные произведения. Там есть и мемориальные компакт-диски, посвященные памяти замечательного израильского композитора Саши Аргова, рано умершего музыканта и импровизатора Мартина Вейнберга, считавшегося надеждой еврейской музыки Америки, и «Поиск золотого волчка» (Search for the Golden Dreydl) ансамбля «Сон Нафтуле» (Naftule's Dream) названного в честь «короля еврейского кларнета» 30-х годов Нафтуле Брандвейна. Есть и прекрасная запись «Краковских клезмеров» из Польши, и юмористическая группа «Rabbinical school dropouts» (что-то вроде «Исключенных из раввинской школы») и диск музыки замечательного французского артиста Сержа Гинсбура, последнего, и самого интересного французского шансонье, наверное неслучайно оказавшимся сыном еврейских эмигрантов из Екатеринослава.

Несомненная находка «Радикальной еврейской культуры» – новая группа «Рашаним» под управлением Джона Мадофа, нашедшая особый стиль исполнения музыки еврейской диаспоры. Недавно артисты записали диск обработок композиций замечательного бразильского музыканта Джакоб до Бадолим. На вопрос, что означает на иврите «Рашоним», Зорин затруднился ответить.

– Я знаю... но не могу вспомнить. Мое знание иврита... увы!

Если кого-то пугает слово «радикальная», то стоит послушать диск «Полуночный миньян» Пола Шапиро. Мягкая и лирическая обработка популярнейших еврейских

эстрадных мелодий напоминает нью-йоркцам курортную негу полузабытых и очень модных у старшего поколения курортов горного Катскилла в штате Нью-Йорк. Мне же диск напомнил концерты на набережных в Ялте, Одессе и Сочи, куда мы ездили семьей в детстве. Еще неповторимую атмосферу старых кинотеатров, где покупали сладкие трубочки и булочки с кремом, газированную воду с сиропом или морс, а перед началом сеансов обязательно играл оркестр. Такие же романтические: «Душа диаспоры» Стивена Бенрстина и «Дети Израиля» Дениэла Замира. Хотя есть в серии и действительно новаторские, модернистские вещи, как «Месть заики» Ронни Сомэк и Элиотта Шарпа или «Любовница рэбе» Дженни Шейнмен. Радикализм, прежде всего, в отказе от всякой узости, от определения общего стиля. Проект «Радикальная еврейская культура» положил начало созданию целого сообщества увлеченных людей. За 10 лет вокруг проекта выстроилась большая сеть, связавшая разных людей в одном проекте. В Нижнем Манхеттене открылся клуб, давший крышу любителям «радикальной еврейской культуры». На наших глазах состоялся редкий феномен в музыке, когда слово «сообщество» – не метафора.

Вероятно, пришло время поговорить о создании сообщества слушателей и любителей «Радикальной еврейской культуры»?

– Я не беспокоюсь об этом. Когда работаешь в индустрии звукозаписи, то не обойтись без определения целевой группы, без четкого понимания интересов и запросов покупателя. Меня не заботит, кто придет нас слушать. Я даже не четко представляю, кто заполняет зал на наших концертах. Я вижу в зале широчайший возрастной и этнический спектр нашей аудитории. Всем у нас «добро пожаловать».

Действительно, помочь людям делать то, что они хотят, несомненно, лучший способ руководства. Особенно, если дело идет в желательном направлении.

Недаром, вначале Джон Зорин говорил о том, что цадиком может быть и женщина. Жемчужина проекта – Бася

Шехтер и ее группа «Дочери фараона». Группа творит неповторимую средиземноморскую еврейскую музыку, пронизанную арабскими, американскими и кавказскими ритмами. Еще одна находка – Джули Айзенберг (Jewlia Eisneberg) – совершенно иная, хотя тоже женская, очень сильная, крепкая, пришедшая из рок-клубов и смело вводящая в еврейскую музыку не только рок, но современную классику, цыганские и балканские мелодии.

– Женщины у нас в проекте «Цадик» получили «карт-бланш». Я заранее уверен, что все, что они сделают, будет хорошо.

Большое влияние на участников сообщества «Радикальной еврейской культуры» оказал нью-йоркский джаз. Здесь рядом жили и творили иногда вместе, а иногда и в здоровой конкуренции, великие еврейские и афроамериканские джазисты. Луи Армстронг любил ходить на пасхальный седэр к своим еврейским коллегам. Пол Робсон пел песни на идише, «король еврейского кларнета» Нафтула Брандвейн играл по соседству с великим черным кларнетистом Сидни Бушэ. Яркими продолжателями джазовой традиции стали участники проекта гитарист Тим Спаркс и саксофонист Пол Шапиро.

– Цель проекта «Радикальной еврейской культуры» – показать всему миру и самим евреям то, что они сделали, делают, и помочь вырасти новому. Чего греха таить, есть много страха, забот... не хочу сказать ненависти, однако есть много проблем. Большинство от невежества.

Джон Зорин уверен, что декларируемая открытость проекта «Радикальной еврейской культуры» явилась причиной его феноменального коммерческого успеха. Это самый узнаваемый и самый успешный проект студии «Цадик». Проект продолжается, а с ним продолжаются споры. И это, по мнению Зорина, есть истинный еврейский творческий процесс. Проект продолжается потому, что создает условия и вдохновляет многих талантливых людей внести вклад в собственную культурную традицию.

ПОДАРОК К ПРАЗДНИКУ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ¹

«Клезфесты делают невероятную в нынешнем мире вещь – записала в 2004 году в интернет-дневнике, называемом блог, Анна Смирнитская, солистка клезмерского ансамбля Дер партизанер киш («Поцелуй партизанки» идиш). – Они создают живую традицию. Похожую на то, как было в старые времена. Это притом, что традиционное общество разрушено, традиционного уклада нет, они, вот, мановением руки, идеей и организацией делают это. Удивительно...»

В старину, разумеется, бывало по-разному. Музыканты-клезморим, как и другие еврейские артисты, в старые времена жили далеко не только ради искусства, а ради заработка. Мой отец, еврейский журналист Борис Дорфман, в детстве дружил с детьми еврейских музыкантов и артистов, и помнит, как тяжело доставался им кусок хлеба, как неприязненно относился к ним религиозный и «культурный» истеблишмент. Еврейское сценическое искусство – театр музыка и эстрада – в старину были профессиями семейными. Семья ревниво следила за тем, чтобы нарушители не вторгались в их границы.

Австрийская исследовательница еврейского театра Дорис А. Карнер (автор замечательной книги Смех сквозь слезы: Еврейский театр в Восточной Галиции и Буковине)² рассказала мне недавно удивительную и смешную историю об артистической семье Гимпель, поколениями игравшей во Львове.

Гимпели стали прототипами героев романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды», – говорила Дорис, сидя

¹ А. Смирнитская, А. Пинский // Альманах «Музыка идишкайта», статьи и песни. Выпуск 2, М., 2006, С. 268.

² Doris A. Karner. Lanchen unter Tr?nen, J?discher Theater in Ostgalizien und der Bukowina. Edition Steinbauer, Wien, 2005.

в маленьком венском кафе, в котором по ее рассказу до войны собирались еврейские артисты. – Раньше считалось, что австрийские власти десятилетиями не пускали еврейские труппы во Львов из-за антисемитизма. Оказалось, что все это – результат усилий, часто не совсем законных, артистической семьи Гимпелей. Они не гнушались взятками, чтоб сохранить свою монополию и извести конкурентов из своих угодий. Все это спокойно уживалось с беззаветной преданностью делу, идеализмом, деловой щепетильностью и порядочностью, правильным деланьем добра эрлихкайт, страстью к улучшению мира, свойственной идишкайту – буквально еврейству, а по сути уникальному набору ответов, веками дававшемуся еврейским народом на универсальный вопрос «что значит быть человеком – мэнчлахкайт?»).

Вероятно, в «доброе, старое время» было не до клезфестов. Однако, по большому счету, Анна Смирнитская права. Сегодня музыканты-клезморим собираются на клезфесты в точности, как в старые времена съезжались хасиды на съезды -кибуцим к своему рэбе – молились, учились, пели, танцевали, делились рассказами и историями, присматривали невест, заключали сделки, привозили подарки...

Так и сегодня, к празднику нашей культуры – Московскому международному фестивалю еврейской музыки Донафест 2006 – московское издательство Мемories выпустило замечательный подарок, альманах «Музыка идишкайта». Хорошо иллюстрированная книга содержит интересные культурологические и этнографические материалы о традициях и основах клезмерского искусства. Необыкновенно интересен раздел «Современность». Ведь клезмерское искусство далеко не академическое, живет и развивается на наших глазах. Статьи Псоя Короленко, Ильи Верховского, Анатолия Пинского, Татьяны Гутовой и других авторов распахивают перед читателем захватывающую панораму живого искусства. С неожиданных сторон открывается бурно развивающееся направление клезмерской музыки,

впитывающего в себя многообразие мировых традиций, стилей и культур. Кроме статей в альманахах вошли ноты и тексты песен. В книгу входит карта местечек, упоминаемых в песнях на идиш, с подробным перечислением песен.

Мне не раз приходилось писать об идишкайте и клезмерской музыке. От Балкан до Балтийского моря, от Эльбы до Днепра игра на свадьбах исконно была еврейской и цыганской профессией. Клезморим приходилось играть не только перед еврейской аудиторией. Базисных форм клезмерской музыки всего пять – меланхолическая песенная импровизация «дойна» (румынское *doina*), медленный танец хусидл, прерывисторитмичный «турецкий» танец, старинная румынская хора с особым ритмом 3/8, зажигательный танец в кругу болгар (болгарский – идиш.) с подыманием почетных гостей на стуле, больше знакомый русской публике под названием фрейлехс (веселье – идиш.) Названия жанров говорят о разнообразном происхождении клезмерских мелодий.

Традиция продолжается и поныне. Ищущий еврейский гений постоянно перерабатывал и переосмыслял традиции своих соседей. Клезморим внесли огромный вклад в развитие джаза в Америке и России. Стоит вспомнить лишь легендарных нью-йоркских кларнетистов-соперников Дэйва Гарраса и Нафтуле Брандвайна или замечательного джазиста Эдди Рознера. Сегодня клезмерская музыка стала уважаемым, в чем-то элитным направлением, привлекающим к себе музыкантов всего мира. Понятно, что клезморим не остаются в старинных рамках, а много экспериментируют.

Один из зачинателей современной клезмерской музыки Йел Стром много сил отдал творческому сотрудничеству с цыганскими музыкантами. Великая израильская певица Офра Хаза работала с замечательным композитором из мусульманской Боснии Гораном Бреговичем. Американский раввин Хаим Лук поет традиционные нигуны на классические арабские песенные мотивы Андалузии XIV века. Замечательный американский клезмер, кларнетист Давид

Кракауэр, сделал диск с канадским еврейским рэппером DJ Socalled. Восходящая звезда современной хасидской музыки Матасягу смешивает в своих выступлениях хасидские напевы с ритмами рэгги из Ямайки. Не удивительно. Ведь центр любавичского хасидизма Кроун Хейст расположен через дорогу от квартала, заселенного выходцами из с островов Вест-Индии. Невозможно, чтобы две музыкально одаренные общины не заимствовали друг у друга.

Кое-где в еврейских кругах раздаются призывы сохранить чистоту клезмерской музыки, хотя общепринято, что любая попытка консервировать столь разнообразную культуру неминуемо убивает ее. Такую мощную и разнообразную традицию нельзя законсервировать. Иногда доводится слышать о клезмерских ансамблях, мол «там играют неевреи!», подсчеты, сколько клезмеров «имеют право по израильскому Закону о возвращении» и сетования, что «еврейские деньги лучше бы тратить на что-то еврейское».

– Мы получаем множество гневных писем с призывами «не трогать клезмерскую музыку!», «оставить ее в покое!», – рассказывал Давид Кракауэр. – Те, кто слышат нашу музыку – действительно вдохновляются. Клезмерская музыка – изначально танцевальная музыка. Речь не идет о музейной этнографической реконструкции. Чтобы жить, танцевальной музыке необходимо обновляться, соответствовать современным ритмам и звучанию.

– Таков путь музыки, – рассказывал как-то ветеран клезмера Фрэнк Лондон, – широко заимствовать друг у друга. Ехал я как-то в такси по Бруклину после концерта. Пожилой кэбби – таксист, явный уроженец Ямайки, поставил диск с рэгги. Причем, не с современным рэгги, а со старой классикой 50-х годов. Я услышал в этих ритмах что-то неуловимо знакомое. Я стал выбивать ритм и вдруг понял, что это мелодия классики арабской эстрады «Мустафа, Мустафа»... Ведь в Вест-Индии жила большая арабская община, и неизбежно рэгги впитала в себя арабскую музыку, как

впитала и еврейские мелодии иммигрантов из Бесарабии, живших когда-то на Карибских островах.

Во время своих странствий по Южной Америке я попал однажды на остров Тринидад. Во времена Холокоста там был свободный порт, куда впускали всех беженцев, которые смогли туда добраться. На острове образовалась небольшая община, в основном выходцев из Бесарабии. Уже в 60-е годы большинство уехало, а оставшиеся тяжело работали, чтоб дать возможность своим детям выучиться за границей, найти себе хорошую партию.

Я случайно попал на еврейскую свадьбу, наверное, последнюю на острове. Выдавали внучку одного из первых еврейских поселенцев по фамилии Гендельсман. Под знойным тропическим небом поставили навес и справили свадебный обряд-хупэ на старинный ашкеназийский манер. Раввина на острове не было, и обряд правил отец невесты. Родственники невесты сами танцевали традиционный мицвэ тенцл потому, что родственники жениха не смогли приехать из далекого Нью-Йорка.

Местный оркестр, в основном из индийцев, составляющих 40% населения острова, наяривал клезмерские мелодии хусидл и бессарабский волехл. Руководил ансамблем китаец с португальским именем. Путая английские слова с местным китайско-хинди-англо-португальским пиаменто, он с большим энтузиазмом рассказал, как ему нравится еврейская музыка. Смуглые музыканты с явным удовольствием постукивали ногами в такт фрейлехс, нет-нет, да и вставляя что-то совершенно экзотическое. После нескольких месяцев репетиций они чувствовали еврейскую музыку своей. Было очевидно, что гостям – последним евреям Тринидада – совсем не так весело, как музыкантам. Сегодня от еврейской общины на острове, вероятно, остались лишь улицы, названные когда-то в честь Теодора Герцля, Давида Бен-Гуриона и местного филантропа Хаима-Бера Ойербуха.

Считающийся классическим ансамбль «Клезматикс», из которого вышли многие знаменитые клезморим, выпус-

тил в 2005 году замечательный диск «Черный, кошерный, евангельский клезмерский юбилей». Подзаголовок диска «Клезматикс» снова улыбается», однако сам диск – это серьезная попытка создать синтез хасидской музыки с литургической негритянской евангелической музыкой «госпел». Здесь тоже нет ничего странного. Многие считают всю клезмерскую музыку хасидской, однако это не так. Клезмерская музыка – светская, свадебная, а хасидская – хоть и создана на основе клезмерских и нееврейских мотивов (встречаются даже немецкие военные марши) – по сути, духовная, даже литургическая. Она служит для молитвы и медитации. Поэтому так хорошо звучит в диске «Клезматикс» сочетание хасидских мелодий с духовными афро-американскими мелодиями.

В сборнике «Музыка идишкайта» есть и моя статья «Музыка радикальной еврейской культуры Джона Зорна». Впервые она была опубликована в газете «Ами» (№6 (346) от 31 марта 2005 года) и была приурочена к фестивалю «Клезфест в Петербурге» 2005 года. Статья рассказывает о десятилетии интереснейшего еврейского культурного проекта. Владелец звукозаписывающей фирмы и известный джазовый музыкант Джон Зорн предложил американским музыкантам еврейского происхождения «сделать что-то еврейское». В результате получилась замечательная коллекция, озаглавленная «Музыка радикальной еврейской культуры». В проекте приняли участие не только евреи. Кубинский музыкант Роберто Хуан Родригез создал, а практически реконструировал музыку живших на Кубе «крипто-иудеев», потомков принявших католицизм евреев Испании, в течение столетий скрытно исповедовавших иудейскую религию.

Интересно, что на мой скромный репортаж откликнулся «сам» Петр Ганнушкин – гуру современного джаза в России. Он снизошел со своего Олимпа, чтобы раскритиковать мою статью в своем блоге. Критика была больше насчет любимого вопроса Паниковского «а ты кто такой?» – «популярный, судя по количеству доступных в сети текстов, публицист

Михаэль Дорфман». Однако, в отличие от многих моих критиков, Ганнушкин все же человек профессиональный. Моя статья его явно заинтересовала, и он указал на ряд фактических ошибок. Ведь я, записывая за Зорном, не все четко сообразил со слуха, и назвал диски «Жизнь в Иерусалиме» или «Жизнь в Тайбее». Речь шла о Live in Jerusalem, Live in Tairei, что по-английски означает запись живых концертов, состоявшихся именно в этих городах. Нашлось еще несколько ошибок, например саксофониста Пола Шапиро я назвал певцом, а диск Даниэла Замира «Дети Израиля» – «Дети диаспоры». Случается и хуже, и я благодарен критику за поправки. Я ведь и не скрывал, что неспециалист. Однако вечно занятый Зорн, которого ничего, кроме его дела, не интересует, меня не выгнал, а даже, наоборот, после беседы повел обедать.

Раздражение Ганнушкина вызвало другое. Во-первых, как я посмел заняться «их» темой, когда мы тебя не знаем? Во-вторых... Причину раздражения лучше всего сформулировал в обсуждении статьи Ганнушкина председатель Ассоциации джазовых журналистов России Кирилл Мошков: «Такое ощущение, что автор пытается (может, и бессознательно) продемонстрировать, как неважно и суетно для него все нееврейское». Ганнушкину мешает, например, что я считаю творчество последнего, и, наверное, величайшего французского шансонье, сына эмигрантов из Екатеринослава Сержа Гинсбура еврейским. «Просто музыка!», строго заключает критик.

«В Нижнем Манхеттене, – писал я, следуя за рассказом Зорна, – открылся клуб, давший пристанище любителям «радикальной еврейской культуры»». «Ах да, клуб, в котором нашли пристанище бедные евреи, – язвит Ганнушкин. – Я, конечно, могу ошибаться, но почему-то мне кажется, что автор имел в виду The Stone, куратором которого в прошлом месяце была Карла Кильстед, в этом – Рой Кэмбелл, в следующем – Адам Рудольф и Билл Ласвелл, а через один – Джим О'Рурк. Одни, как не трудно заметить, извиняюсь,

жиды... Ох...». Что на такое ответить, если не особо обижаться на ненормативную лексику? Вероятно блюстителям интернационализма Мошкову и Ганнушкину, как и нашим ревнителям «еврейской чистоты» клезмерской музыки, стоит ответить строчкой Марины Цветаевой: «Все поэты - жиды». Ответить и больше не отвлекаться на полемику, а продолжать наслаждаться музыкой и получать подарки, каким стал альманах «Музыка идишкайта».

ЧОЛНТ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Приятно евреям посидеть в шаббат, после сытного чолнта и рассуждать... о чолнте. Шаббат, как известно – не суббота. Начинается он в пятницу с первой звездой и заканчивается в субботу вечером. Сказано, что не человек для субботы, а суббота для человека. Можно добавить, что для чолнта тоже.

Чолнт для евреев не просто блюдо, но символ. Заповедано Богом не зажигать огня в субботу. В ответ евреи придумали чолнт. В горшок закладывалось мясо, засыпалась фасоль, крупа, нарезались картофель, морковь и прочие коренья. Иногда сверху клали целые яйца. Все это заливалось водой. Горшок плотно перевязывали тряпкой и в пятницу, накануне шаббат и ставили в горячую русскую или литовскую печь. Варено прело целую ночь и половину дня, когда вернувшись из синагоги ели замечательное блюдо. На старой родине, в Восточной Европе было принято нести свой чолнт в местную пекарню и ставить в печь, остывавшую после выпечки субботних булок – халы. На следующий день по дороге из синагоги хозяйки захватывали свои горшки, как на фотографии сверху, что до Большой войны в Бялостоке сделали.

Так заповедано, есть в субботу горячее. Заповедано, чтобы отличаться от караимов. Они, дерзкие, заявили, что нипочем для них Закон Талмуда. Караим – по-древнееврейски – чтец. Что в Торе читают, то и исполняют. Как сказал их основатель «Все ответы в Торе, читайте и не спрашивайте меня совета».

Написано – не зажигать огня, вот они холодным и довольствуются. Наши же раввины, которые в древние времена с самим Господом не стеснялись поспорить за верность толкования буквы Торы, тогда постановили, что надо есть горячее. Недаром евреи рассказывают, что сам Господь, Дух

Святой признал как-то: «вот ведь, мои дети, ученики мои, меня превзошли». И сам стал исполнять, что в Его Святой Торе написано.

Так часто бывало, когда написано одно, а понимать надо другое. Вот есть у нас восемнадцать благословений, так и называются «Шмона-Асар» – «Восемнадцать». А по сути их девятнадцать. Еще одно потом ввели, чтобы христиан проклясть. Ну и те в долгу тоже не остались, да Бог им судья. Чолнт у евреев – блюдо культовое. От него еврей не отказывается, даже если чолнта не любит и не ест никогда.

Сидели мы как то в шаббат со девятистолетним киббуцником Абрашей в Бей Альфа в Галилее, неподалеку от старинной, даже не знаю, как назвать, вроде синагога, а с другой стороны посмотришь, так греческий храм. Мозаики дивные там открыли. Чего на них только нет – и семисвечник-менора, и пляшущие нимфы, и, не при евреях будь сказано, кресты и агнцы, полумесяцы, и звезды. В одном месте и вовсе свастики в орнаменте.... И рассуждали мы о чолнте.

– Когда мы сюда приехали из Пинска, – говорил Абраша, – то мы здесь готовы были ко всему ради создания нового еврейского человека. Все готовы были изменить, от всего отказаться. Кроме обрезания и... чолнта. Обрезание сильно на психологию влияет, как отдельного человека, так и целого народа. Смотри, вот мусульмане как гордятся, что обрезаны. Не нашли другого слова, именно гяур – необрезанный. Крестonosцы отсюда ушли, потому, что оказались здесь чужие. Презирали обрезанных. Многие из них, правда, остались.

– Посмотри на местных арабов или друзов в Галилее или в Бей-Лехем. Сколько в них европейской крови? Но те, что остались, смогли найти гармонию со здешней землей и здешними обычаями. Евреи наши тоже, хоть в самых атеистических киббуцах Киббуц а-Арци и коммунисты под портретами Сталина обрезание делали. Ваши русские приезжают, которым с обрезания не сделали. Они же здесь выглядят как инопланетяне.

– Второе важное дело – это чолнт, продолжал Абраша, – Нельзя еврею без чолнта. Даже фаршированная рыба – не так важна. Евреи желают «Сэуда левиятани», что значит трапезы вам рыбной. Мудрецы наши в раю, якобы едят эту рыбу, Левитан. Но когда говорят, то о чолнте думают тоже. Чего мы только в киббуце не придумывали, чтобы чолнт такой получился, как мы любим. Печей русских у нас не было. Мы кутали горшок с чолнтом в одеяло, и укрывали его. Да все не то. Как ни крути, на примусе чолнт все равно не такой, как в печи. Потом была такая Ривкалэ Стариковски в мошаве из Кфар Виткин. Она взяла и разрежала жестянки от оливкового масла, закрутила жечь конусом и сделала рефлекторы, снизу примуса и сверху. Вот тогда стало получаться. Я тоже рецепт имею – в паровой кастрюле. За мной одна русская ухаживает, зовет скороваркой. Все кладешь и оставляешь на четыре часа. Воды только поменьше надо, чем в рецепте, да горячей водой замоченную за сутки фасоль залить. Вот тогда получится как надо».

– Так, что чолнт – не просто пища. Да и не просто культовая пища. Чолнт – доказательство еврейской преемственности. Часто видишь на стенках израильских городов листовку «Ашкенази – не евреи, а хазары». Это не антисемиты. Откуда в израиле антисемиты. Это наш брат, восточный еврей-сефард. Даже главный сефардский авторитет, раввин Овадия Йосеф как-то заявил, что «братья наши, ашкеназы только делают вид, что хотят нам добра. Не понимают они нас, чистых сефардов. Наверное потому, что сами неясно от кого...». Вот говорят нам такое, а мы им чолнт. Смотрите, вот это пища, которые наши предки ели еще во время Римской империи. Как мы говорим про мацу в Пасхальном предании Агаде: «вот пища, которую ели отцы наши...»

– Мало мы вещей пронесли через века гонений, а вот чолнт – сохранили. Говорят, что чолнт – одно из немногих слов, которое в идиш еще со времен, когда евреи жили в Римской империи. Castelumna – так, если не на латыни, то уж точно на старофранцузском называлось это блюдо.

Кто сегодня помнит старофранцузский? Оказывается, помнят еще. Творческие вечера бывают разные. Иногда люди приходят на встречу с любимыми поэтами, артистами и художниками. Иногда вечер превращается в собрание, для создания массовости для политика, оплатившего угощение. Иногда для того, чтобы красиво и законно заплатить послушному журналисту. Совсем особый, но несомненно творческий вечер – встреча с настоящим артистом своего дела, шеф-поваром посольства Французской Республики Эммануэлем Тейе прошел недавно в одном закрытом клубе. Кулинария является важным компонентом французской культуры, французского образа жизни, французского характера. И не только знакомое всему миру ресторанное меню с изобилием блюд, берущих свое начало от дворцовой кухни французских королей, не только революционная новая «нувель куизин» Эскуфье, но и народная провинциальная кухня.

Артист, а по-французски артист – это мастер своего дела Эммануэль Тейе посвятил вечер пище своего детства – кашуле. «Мы жили около Тулузы, рассказывает он. Вся семья работала в хозяйстве, на поле, на ферме. А в это время женщины ставили в печь удивительное жаркое с фасолью. С тех пор острый аромат жаренного лука, тмина и чеснока всегда напоминает родной дом».

Кашулле Cassoulet – это французская форма провансальского слова Castelnoudary – блюдо, любимое во всех горных районах на юге Франции: в Перигоре, Каркассоне, Пиренеях, в департаменте Верхняя Гаронна. Когда мэтр Тейе сказал, что он собирается готовить, то я понял, что сейчас произойдет чудо реставрации древнего рецепта, который ели великие средневековые раввины Франции – рабби Давид Кимхи прозываемый Радак, рабби Шломо бен Ицхак, известный как Раши. Кашулле ели наверное ревностные раввины Прованса, сжигавшие труды непонятого им придворного лекаря и ученого рабби Моше Бен Маймуна, известного, как Маймонид, а в еврейском мире по инициалам Рамбам. В отличие от творческого вечера художника или поэта,

после творческого вечера артиста высокой кулинарии нам остается рецепт. По французской традиции рецепт принято подписывать именем автора.

Мы предлагаем читателям «Кассуле от Тойе». Его делают следующим образом: заранее отварить килограмм замоченной на 12 часов белой фасоли. Вместе с фасолью нужно сварить одну крупную морковь, разрезанную пополам луковицу и нарезанную кожу от утки или гуся. Еще добавляется «гарнирный букет» – перевязанный ниткой букет из трав: петрушки, укропа, сельдерея. Французские повара рекомендуют варить фасоль в той воде, в которой она замачивалась, причем, сначала надо вскипятит воду, а потом засыпать в нее фасоль. Тогда уйдут неприятные «сырофасольные» запах и вкус.

Такой способ варки рекомендуется для всех бобовых – хумуса, чечевицы, бобов, гороха. Отдельно обжарить телячьи или бараньи ребрышки с луком до золотистого цвета. Жарить надо в гусином или курином жире, и месье Тейе привез с собой несколько банок смальца собственного приготовления банок, которые можно было приобрести.

Сковороду плотно закрыть крышкой и тушить полчаса. Тем временем повар ломтиками порезал утиные ножки и грудинку. По-французски такие ломтики называются медальонами, как когда-то называли в старых русских поваренных книгах. Да и сейчас в некоторых ресторанных меню можно найти «Медальоны в соусе».

Затем повар достал колбаски светло-розового цвета. Поначалу казалось, что это знаменитый «андуй» французский вариант зельца. На деревенском рынке в Париже эти свежие колбаски покупались с утра и в студенческие годы служили нам пищей в течение целого дня. Но здесь французский повар сказал, что речь идет об еврейской «кишке» с традиционной тестяной начинкой: мука, жир, жаренный лук.

Когда готовая фасоль была выложена на открытый керамический противень, на нее кладется мясо: обжаренные ребрышки, ломтики утятинны. После этого повар добавил

еще и нарезанный антрекот из ягненка, лук, чеснок, перец, тмин. Все это надо полить соком, образовавшимся во время тушения, смешанным с томатной пастой. Впрочем, томатная паста сегодня все больше и больше заменяется в Европе итальянскими помидорными соусами типа сальсы – вкуснее и калорий меньше. По необходимости добавить можно бульон и сверху все густо присыпать молотыми сухарями. Такой прием французской кухни позволяет впитать лишнюю жидкость, предохраняет от подгорания, потому, что если подгорит или пересохнет, то сухарей не жалко. Известный советский анекдот о соотношении хлеба и мяса относится к столовским котлетам. Во Франции традиционная претензия в ресторанах: «я плачу за мясо, а не за хлеб», относится к случаям, когда среди щедрой рукой засыпанных сухарях гость с трудом находил кусочки мяса.

Огромное значение имеет сорт хлеба и гостей принято спрашивать, какими сухарями посыпать жаркое. Затем блюдо поливается гусиным жиром и ставится в духовку на полтора часа при температуре 170-180 градусов Цельсия или 340-360 по Фаренгейту. По мере выкипания жидкости необходимо доливать бульон. Хотя умелый повар, знакомый с нравом своей печи очень редко ошибается в пропорциях необходимой жидкости. В конце месье Тейе разлил кассуле в горшочки и мы смогли сполна насладиться творчеством художника-кулинара. На вечера Эммануэля Тейе приходят настоящие любители. Такие творческие встречи приняты во Франции. Недавно шеф-повар готовил кассуле также во Французском культурном центре в Нью-Йорке, а в Балтимор он ездил, чтобы приготовить там бургундское фондю.

Следующий вечер месье Тейе решил посвятить кондитерским изделиям. И это тоже целое искусство: во Франции они разделяются на утренние, к кофе, «файв о-клок», или французы зовут их четырехчасовыми и обеденные, которые подаются на суаре. В каждое время суток принято есть свои сласти, и считается некорректным подавать утренние сорта в обед. Да и выпеченная утром булочка бриош покажется

уважающему себя французу черствой, если ее подадут в обед. На встрече будут представлены сдобные пирожные, называемые французами «венские», круассоны-рогалики, бриоши и многое другое.

Но нам могут возразить «Что нам французы! Ведь замечаем-то здесь исключительно по еврейской истории и культуре. И живем мы то ли в еврейском мире, то ли на «острове Израиль». Сейчас в еврейских кругах принято говорить, что Франция антисемитская страна, что их надо наказать, не надо ездить туда в отпуск. Дайте еврейский чолнт! А мы скажем, попробуйте приготовить кассуле, может быть – понравится.

ПИРОЖКИ ПО-ХАЗАРСКИ

Несколько десятилетий не затихают споры, вызванные знаменитой книгой Артура Кестлера «Тринадцатое колено» о том, что европейские евреи, называемые в еврейской традиции ашкеназим, произошли от хазар. Гипотеза Кестлера вызывает страстные споры среди широкой публики, используется в политических и общественных дискуссиях для поддержки тех или иных лозунгов и горячих тем. В академических кругах гипотеза Кестлера хорошо известна, хотя и нашла горячих сторонников. Сторонники гипотезы Кестлера привлекают разнообразный материал, в том числе из сферы лингвистики и медицины. Проведено несколько интересных исследований о тюркском влиянии в язык идиш. Медики отмечают, что среди европейских евреев встречаются генетические нарушения, свойственные центрально-азиатским тюркоязычным народам и не свойственные евреям-выходцам из исламских стран. У части ашкеназийских евреев отмечается наличие черт, свойственных монголоидной расе.

Противники Кестлера настаивают на малом числе тюркских заимствований в глоссарии языка идиш, принадлежащего к германской группе языков. Действительно, если ашкеназим происходят от хазар, то почему так мало тюркизмов в их языке. Впрочем, идиш стал письменным языком относительно недавно, да и то за основу литературного языка был взят «литовский» диалект идиш, наименее подверженный тюркским влияниям. Но все же, кроме знаменитой еврейской ермолки прямых тюркских заимствований в идиш действительно мало. Но так ли это?

На самом деле тюркских корней в идиш много, но они могли проникнуть туда через славянские языки. Славянские заимствования составляют от 20 до 35% в глоссарии различных диалектов идиш, а в самих восточно-славянских языках около 20-30% корней тюркского происхождения.

Так или иначе, но трудно себе представить, чтобы тюркские языки не оставили по себе следа во всех областях еврейской жизни, в ремеслах, в хозяйстве, в кулинарии. Для сравнения, евреи привезли и внедрили свою кухню и свои названия в различные языки. Многие традиционно русские блюда – баранки, кренделя, вареники, блинчики и т.п. известны в Америке под их еврейскими именами – бэйгеле, прэцл, варничкэс, блинчэс. Некоторые, как борщ так и сохранили свое имя. Американский словарь Webster указывает, что этимология румынской пастрамы – из идиш. Наверное так и есть и евреи принесли в Америку это вид готовки мяса. Недавно читал, что и в Южную Африку литовские евреи занесли много восточноевропейских блюд – кашу, пироги, называемые пирогаес.

Стоп! Пироги. Не тюркское ли это слово? Что-то знакомое есть в турецком, в татарском... Волгари знают старинный чувашский пирок. Если заимствование происходит сейчас, то могло происходить и раньше. Кулинария – мощный двигатель человеческого прогресса.

Есть исследователи, которые в отличие от Энгельса считают, что не труд, а именно изобретение готовки пищи сделало австралопитека человеком. Признанный знаток и историк русской кулинарии Вильям Похлебкин считает пирожки исконно русским блюдом. В «Царской невесте» царь Иван грозно произносит: «Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами». Происхождение слова пирог принято производить от славянского слова пир, пировать... пирог. Так и в чешском, словацком, в польском, где пирожками, впрочем, называют вареники. Немного неубедительная этимология, но Макс Фасмер, строгий гейдельбергский профессор и автор единственного Этимологического словаря русского языка утверждает именно так. Добавляя при этом, что этимология неясна и возможно пирог происходит от старославянского пыро – полба.

«Но позвольте, зачем так сложно? – возражают его оппоненты Рамстед и Рясинен, – Вот ведь в тюркских языках

есть аналогичные корни покрывающие весьма определенное семантическое поле – заполненная чем-то закрытая емкость». Как тут не вспомнить о страсти еврейской кулинарии фаршировать все что угодно – гусиную шею, тестяную оболочку, рыбью голову, куриные яйца, баранью кишку или капустные листья? Да и в русских диалектах бурак означает закрытое крышкой лукошко и сам Фасмер, хоть и неохотно, вслед за Рясиненом возводит его к чувашкосму, *rukrakas* бурдюк или к татарскому *burak* т.е. тюркским языкам.

«Проще нельзя, – возражает им Фасмер, – потому, как нет этого слова в южно-славянских языках, то и в восточно-славянские не могло проникнуть». Не будем вдаваться в теорию. Лингвистика – наука не менее точная, чем физика или химия, единичных заимствований не любит, а тем более фонетических. Да и с Фасмером особо не поспоришь. Но можно ввести дополнительные аргументы, например Хазарскую теорию, которую Фасмер не рассматривал. Что, если не евреи заимствовали «пирогэс» от своих славянских соседей, а славяне заимствовали пироги от тюркоязычных хазар-ашкеназим? Известно, что ходили хазаре-жидовины отрядами, брали дань с русских городов и весей. «По белке за дым» то есть с каждого двора по беличьей шкурке. Могли за это научить пироги печь. И пословицу подарить, чтобы «сапоги тачал сапожник, а пироги пек пирожник».

Справедливости ради надо заметить, что пирожков все же маловато для подтверждения Хазарской гипотезы. Исторические источники никак не уточняют, какую форму иудаизма исповедовали в Хазарском каганате, а известное письмо хазарского визиря Хисдая бен Шапрута большинство историков считает сочинением Иегуды а-Леви, преследовавшее две цели – популярное изложение еврейских принципов для неевреев и введение в оборот слухов о существовании где-то еврейского царства, что поддерживало политическое значение еврейской общине в Испании того времени. С точки зрения ортодоксального иудаизма, Хазария тоже никак не могла быть еврейским государством, поскольку

неизвестно о соблюдении ритуала гиюр, необходимого для принятия в еврейство хазарского царя Булана. Описанные традиции, вроде накидывания петли на шею царя с целью определить срок его правления, тоже далеки от известных в истории еврейских обычаев. Известно также, что хазары сжигали своих покойников или же хоронили в курганах вместе с лошадьми, собаками и прочим инвентарем. Армянские авторы рассказывают о проведении человеческих жертвоприношений в похоронном ритуале хазар. Все это не позволяет считать Хазарию еврейским государством и с еврейской канонической точки зрения, хотя какие-то иудейские элементы там несомненно были.

Удивительна веротепимость хазар. По сообщениям арабских путешественников Ибн Русте и Гардизи жители области Савир ходили по пятницам, следуя мусульманскому обряду, в мечеть, по субботам, по еврейскому обряду, в синагогу и, как христиане, по воскресеньям – в церковь.

Признанными потомками хазар считаются чувашаи создавшие замечательные пироги, о которых мы говорили раньше. Хазары, или упоминаемые в русских летописях бродники стали одним из формантов этнической общности донских казаков. Считается, что казак и хазар происходят от одного и того же тюркского корня, означающего свободный. Уральские казаки и до сегодняшнего дня называют себя казара. В кинофильме «Чапаев» один из командиров говорит «Казара смажет пятки до Гурьева». От хазар ведут происхождение астраханских татар.

Ученые считают, что потомками хазар являются также караимы – народ говорящий на языке кыпчакской группы тюркских языков с большим количеством семитских, в частности древне-еврейских заимствований, пользующиеся еврейским алфавитом и исповедующие разновидность неталмудического иудаизма. Впрочем, полностью отделять караимов от еврейства никак нельзя. Их название от

древнееврейского слова караим – чтецы, читающие Тору и живущие по ней, а не по наставлениям позднейших талмудических авторитетов. Караимы отделились от раввинского талмудического иудаизма в Багдаде в VIII веке и многие переселились в Хазарию, где нашли себе многочисленных последователей. Еще в XVI в. каноническая связь между караимами и раввинистическими иудеями не была потеряна, и между ними заключались браки. Потомки от этих браков стали частью еврейского народа.

Еврейских ученых-талмудистов долгое время волнует вопрос о том, что если караимы произошли от евреев, то теоретически среди них может сохраниться семя коэнов – жрецов Храма. Талмудистов волнует, как же будет, когда с приходом мессии всем потомкам коэнов предсказано служить в возрожденном иерусалимском храме. Вопрос караимских служителей, потомков еретиков, поколениями не соблюдавших заветов Талмуда тревожит еврейских теологов. Вопрос этот из серии вечных вопросов, вроде того, что будет, когда обнаружатся потомки потерянных десяти колен Израиля. Раввинский истеблишмент в мире довольно холодно принял сообщения исследователей в 2003 году, полагающих, что потомками потерянных колен являются афганские пуштуны, составлявшие основное ядро войск исламских фундаменталистов-талибов.

Что же касается генетических данных, приводимых в подтверждение Хазарской гипотезы, то они тоже могут быть объяснены иначе. Во времена Хмельнитчины и позже, во время Гайдамацкого восстания на Украине происходили массовые погромы и резня, сопровождавшиеся изнасилованиями. После Хмельнитчины, ради спасения еврейского народа раввинские авторитеты приняли смелое решение изменить многотысячелетнюю традицию и определять еврейство по матери. Такое решение позволило принять в общину и разрешить брак тысячам детей, рожденным в страшное время. Могли ли тогдашние раввины, заботив-

шиеся о сохранении и умножении еврейского народа знать, что на основании их решения политические и религиозные сектанты в возрожденном еврейском государстве откажут в признании еврейства тысячам людей, воспитанных отцами-евреями, среди евреев, чувствовавших себя евреями. Но это, как говорится уже «другие пироги».

Кстати, хотелось бы в конце предложить рецепт знаменитого чувашского пирога, да подумал, что тесто замешивается на простокваше, а традиционный фарш делается из зайчатины, да и решил, что заинтересованный читатель сам найдет его в интернете.

НАШ ПОСОЛ В НАШЕЙ СТРАНЕ

А.Е. Бовин «Пять лет
среди евреев и МИДовцев»:
ПОПЫТКА ЛИЧНОГО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Ну, вот и дошла до нас отпечатанная в далеком Екатеринбурге книга последнего посла Советского Союза и первого посла России в Израиле Александра Бовина. Бледным уральским утром ее упаковали, и отправили туда, где она задумывалась и вынашивалась – к нам, в Израиль. Неизвестно, как дело обстоит в России, но в наших краях отношение к этой книге особо пристрастное.

Сотни людей в Израиле называют Александра Евгеньевича Бовина своим другом. Но очень мало тех, кого он назвал своим другом в книге. Один из них – житель Беэр-Шевы Илья Войтовецкий. Когда-то он подарил Бовину свою книгу с посвящением «...Нашему послу в нашей стране».

В книге Бовина Илье посвящено много добрых слов. «Илья возник в 1936 году на Украине. С 1941 по 1971 – Урал. Учился, работал, жил. Инженер. В 1971 году с тещей, женой и двумя сыновьями добрался до Израиля и сразу осел в Беэр-Шеве, на границе с пустыней Негев. Участвовал в войне Судного дня. Потом и до пенсии трудился инженером по ЭВМ на Химическом комбинате Мертвого моря. На пенсии отрастил бороду, стал похож на Хемингуэя. Пишет стихи, иногда – прозу. Хобби – компьютер и все, что можно на нем выделять. Главное хобби – слабый якобы пол. А вообще, повторяю, чудесный человек, настоящий товарищ, который не подведет...»

Мы сидим в просторном салоне дома у Ильи, а перед нами на столе – только что вышедшая книга первого посла России в Израиле. На нас с обложки поверх бокала лукаво смотрит российский близнец Оноре де Бальзака. Гуляет

анекдот, что происходит Бовин непосредственно от Петра Великого через дочь канцлера Шафирова. Смех смехом, а «причудливо тасуется колода», нам с вами не разобраться. Первоапрельская генеалогическая шутка израильских журналистов отразила нежность новых израильтян к выдающейся фигуре посланника. Бовин – эта та Россия, которую мы любили, вспышка разума среди мрака, колорит и утерянная нами широта.

Ехали как-то по Беэр-Шеве Бовин и Войтовецкий на посольском Мерседесе, и захотел Александр Евгеньевич пива. Для водки было еще рано, до шести вечера А.Е. ее, родную, принципиально не употребляет. Остановившись у знакомого киоска, Илья выскочил купить желаемое, и продавец-«марокканец» спросил:

– Давно ли ты на таких машинах разъезжаешь?

«А ты посмотри, кто там внутри сидит», – ответил Войтовецкий. Продавец пригляделся. «Толстяк?» «Да». Не говоря больше ни слова, киоскер накидал в пакет десяток банок пива, принес к машине. «Подарок». Значит, любовь – болезнь заразная.

Илья познакомился с Бовиным, когда был помощником мэра Беэр-Шевы Ицхака Рагера. Рагер – фигура незаурядная, заслуживающая отдельного рассказа. Для одних – интеллеktуал, герой, друг, для других – деятель, ввергший город в пучину коррупции, обвиненный в мошенничестве и умерший под судом. Правда, следует добавить, что после смерти мэра обвинения были признаны несостоятельными. Для Ильи он навсегда значитcя в первой категории. Его рассказы об Ижо (так называли Рагера друзья) полны гордости и восхищения. Особенно в той их части, что связана с Бовиным.

Итак, Рагер узнал, что российский посол заказал два билета на концерт в беэршевскую «Синфониетту». Мэр попросил Илью взять для него еще два билета рядом и пригласить Бовина на ужин. Так началась дружба. Бовин часто приезжал

в Беэр-Шеву, встречался с Рагером. Застолья с обильными возлияниями продолжались до глубокой ночи, а то и до утра. Оба умели поесть и выпить. После нескольких часов таких посиделок этим двоим уже не нужен был переводчик, роль которого бессменно исполнял тогда еще не похожий на Хемингуэя Илья. Однажды они сидели в ресторанчике «Эль Ранчо». Примерно к часу ночи остались втроем, остальные посетители разошлись. По радио зазвучала «Венгерская рапсодия» Листа. Бовин подхватил мелодию, а Рагер не мог отстать. Их дуэт вдруг приобрел черты дуэли. Они соревновались, старались превзойти один другого. Музыка и связывала, и разводила за барьеры... Так мирным музыкальным турниром завершилась многолетняя дуэль двух мужчин.

Причудливо тасуется колода. Свою первую любовь похоронил Бовин на краю пустыни Негев, вместе со своим многолетним соперником – визави в политической дуэли пил и пел в маленьком ресторанчике на заправочной станции в Беэр-Шеве. Они выяснили, что в одно и то же время по разные стороны железного занавеса тянули, каждый в свою сторону, один канат. Рагер был советником израильского посольства сначала в Париже, а потом в Лондоне. На самом деле он был сотрудником Бюро по связи с советским еврейством «Натив» и координировал деятельность в защиту советских евреев. Сотрудник аппарата ЦК КПСС Бовин вырабатывал рекомендации по борьбе с ведомством Рагера. За столом в «Эль Ранчо» они буквально по датам расписали, что каждый делал, чтобы помешать один другому. А потом, на церемонии памяти Рагера Бовин сказал: «Я должен признать, что Рагер вышел победителем. Поэтому вы все здесь». Войтовецкий бросил с места: «Вы тоже, Александр Евгеньевич». Бовин усмехнулся и кивнул.

Очень скупо, буквально в нескольких словах рассказывает Бовин в своей книге о поездках по югу страны и на Мертвое море. Он даже не упоминает, то ли не придав значения, то ли по скромности, что бывал в таких местах,

где до него не ступала нога не только иностранного посла, но и просто иностранца. Однажды он попросил Илью Войтовецкого организовать ему необычную поездку. А.Е. хотел побывать в технологической теплице при атомном реакторе в Димоне. Дело в том, что возглавлял теплицу бывший генеральный директор реактора, и он был в состоянии получить (редкость!) средства для работы. Теплица стала образцовой, тем более что большинство ее работников – выходцы из бывшего СССР. Не просто было уладить вопрос о приезде российского посла, но Войтовецкий преуспел, и все прошло гладко. Позже он привез туда же группу российского телевидения с Владиславом Флярковским, и тоже обошлось без инцидентов. Впрочем, дружеское расположение не помешало Бовину поставить на вид израильским властям, что беспокойство вызывают не только советские атомщики, работающие в Ираке, Ливии, Саудовской Аравии и Иране, но и 32 специалиста в Димоне. Как-то, во время сытного обеда Войтовецкий задал Бовину «недипломатический» вопрос:

– А что будете делать, если узнаете, что Израиль подвергнется ядерному удару?

– Ну, я сделаю все, чтобы мои друзья не пострадали, – ответил нетипичный дипломат Бовин.

И вообще, по прочтении книги становится ясно, что «таких дипломатов не бывает». Ну, какой профессионал так откровенно пожалуется на грубость и чванство персонала собственного посольства? Кто еще смело приведет критические отзывы читателей на собственное интервью?

В книге Бовина – все пунктирно. Штрихи, слова, полунамеки. Пару раз упомянуто имя Татьяны Анисимовны Карасовой. У Ильи Войтовецкого с этой женщиной связаны отдельные воспоминания. В 1987 или 1988 году ему позвонил профессор Иерусалимского университета Мелик Агурский и попросил принять как гостью руководителя Лаборатории по изучению Израиля Института Востоковедения Академии Наук СССР. Илья согласился сразу и даже

взял отпуск на работе. Он рассказывает: «Много лет я был членом Общественного совета солидарности с еврейством СССР, работал с Нехемией Леваноном, поддерживал связь с отказниками. Часть моей души всегда была «там». И вот – «живой человек оттуда». Мог ли я упустить такую возможность?» Тем более что в журнале «Вестник Востоковедения» даже в самые мрачные годы можно было почерпнуть немало ценной информации об Израиле, особенно, если замазать чернилами необходимые советские заклинания.

Запомнилась Илье поездка с Карасовой в кибуц Негба. Поздно ночью они подошли вдвоем к могилам двадцати юношей, погибших в Войне за Независимость, защищая свой кибуц. По лицу Татьяны Анисимовны было видно, что с Израилем ее связывают не только профессиональные обязанности... Когда Илья на одной из первых встреч с Бовиным упомянул имя Карасовой, оказалось, что тот уже прилагает усилия, чтобы заполучить Т.А. в качестве первого секретаря посольства и атташе по культуре. Усилия, как известно, увенчались успехом.

В книге есть эпизоды, откомментировать которые могут и другие люди. Бовин пишет: «3 декабря газета «Наша страна»...поместила редакционную «Русский цирк просит убежища в Израиле». Газета сообщала, что артисты – со всем оборудованием и дрессированными животными, включая 120 кошек – хотят остаться в Израиле, превратить Российский национальный цирк в Национальный цирк Израиля и создать школу циркового искусства. Упоминались Юрий Куклачев (уже получил статус нового репатрианта, так как у него жена еврейка)... Начали разбираться. Типичная липа. Из мухи сделали слона».

Признаться, я был автором этого «скупа». Тогда я лишь начинал свою карьеру на ниве общественных связей, и раскрутка цирка стала одной из первых моих профессиональных достижений. Российский национальный цирк

впервые приехал на гастроли в Израиль и начал их, как водится, с провинции, с Беэр-Шевы. Это был отличный цирк, но дело, к сожалению, не пошло. Люди, а главное – звери, буквально голодали. Если артистов приглашали в гости и как-то поддерживали, то животные – сами понимаете... Руководители гастролей Арсен Готтлиб и Виктор Коган были просто в отчаянии, и тогда придумали произвести рекламный трюк – попросить политического убежища. Продюсеры оторопели. Какое убежище? Ведь уже и Советского Союза нет... Потом сообразили, что дело хорошее... Из моего офиса тут же разослали факсы во все концы. Успех был ошеломляющим. В цирк повалили представители газет, которых никогда прежде не видывали в Негевской пустыне. На следующий день новость передали по ОРТ, потом по Израильскому ТВ, а затем по ведущим европейским телеканалам. Ни о чем не подозревавший Куклачев находился тогда в Бельгии. Он не растерялся, и дал по тамошнему ТВ развернутое интервью.

За журналистами повалил зритель. Три-четыре представления в день при аншлаге! Бовин не прав – это не было липой. При благоприятном стечении обстоятельств актеры серьезно намеревались создать здесь цирковую академию мирового класса. Жаль! Как и многие замечательные вещи, привезенные русской алией – идея профессионального цирка в Израиле не состоялась. Зато удалось накормить зверей. Зверей кормят не липой. Не мухой, и не слоном. А натуральным мясом! Арсен Готтлиб, как и тысячи молодых творческих русских израильтян, вернулся в Россию, стал таки успешным продюсером и поставил фильм «Москва». Недавно на экраны вышел фильм «Процесс» о судебной расправе с еврейскими интеллектуалами в августе 1952 г. Продюсер фильма – тоже Арсен Готтлиб.

Александр Евгеньевич Бовин, в качестве российского посла, не мог отнестись к газетным сообщениям иначе. Трудно сказать, кто по национальности жена Юрия Куклачева, но мама его проживает в Ашкелоне, и, вероятно, великий

котовод имеет право на «возвращение» не только по линии супруги. К счастью, такого рода погрешностей в книге «5 лет...» не много. Книга Бовина стала не только интересным документам тех замечательных дней, но и самой откровенной и личной книгой этого замечательного человека.

МИДРАШ О ЕВРЕЙСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Практически любой текст современной еврейской мысли, от почти ницшеанских «Тезисов о Фейербахе» Карла Маркса до мессианских «Тезисов о философии истории» Вальтера Биньямина, можно прочесть как мидраш. Не только произведения таких признанных еврейских авторов, как Альфред Казин, Сол Белоу или Ирвинг Хоу и Синтия Озик, но и тексты Франца Кафки, Зигмунда Фрейда, Гершома Шолема, Гарольда Блума, Эрнста Жавэ, Джорджа Стейнера, Филиппа Рота, Аллена Мандельбаум, Жака Деррида, Хаим-Йосефа Йерушалми, Марка Шехнера, Пауля Целлана, многих других модернистских творцов. Даже по-викториански чопорный Лайонел Триллинг свои Эллиотовские лекции назвал «The Yiddisher Mr. Johnson», а позже обосновывает свои построения «Заветами отцов» – «Пиркей Авот».

Мидраш это акт и процесс интерпретации текста в обеих сферах – галахической и агадической... Любопытно, что оба эти вида мидраша поднимаются из одинакового набора. Вначале мы наблюдаем внутренний культурный или религиозный конфликт или же нарушение последовательности. Затем следует вопрос и дается ответ, чем создается новый культурный или интеллектуальный нажим, который обязательно обращается (в новый вопрос). Мидраш начинает сказываться через разрешение кризиса и вновь подтверждает преемственность и целостность традиции прошлого.¹

Еврейские рассказы – незавершенные, как бы сопротивляющиеся окончательному завершению, как бы отстраняющиеся от привычного уклада. Традиционные еврейские истории долго (иногда и нудно) рассказываются и украшаются

¹ Barry W. Holtz, «Midrash» in *Back to the Sources: Reading the Classical Jewish Texts*, edited by Barry W. Holtz (New York: Summit Books, 1984), 179.

подробностями, с тем, чтобы увековечить событие. Истина, мудрость или честность в традиционном смысле этих слов распознаются трудней, чем прежде. В мидрашистской повести рассказчик компенсирует двусмысленностями историческую трагедию и личное крушение. Дурачок Гимпл из Фрамполя, выходя в широкий мир, становится рассказчиком. В конце его рассказа уже ясно, что он больше мошенник, чем простак. Гимпл сам понимает, что его ложь – фикция. Она должна получить метафизическую достоверность: «Несомненно, что наш мир – полностью воображаемый мир. Но зато он двоюродный племянник истинного мира». ¹ Под таким вот девизом еврейское творчество оказывало беспрецедентное влияние на современный мир.

Современная еврейская жизнь в огромной мере накапливает опыт культурных конфликтов и нарушения преемственности. Не удивительно ли, что за последние двести лет еврейские авторы смогли разрешать кризисы и подтверждать традицию в своих нарративах и притчах? «Вместо акта творчества достаточно попытки культурной трансмиссии самого себя», – замечает Вальтер Биньямин о Кафке. Вот эта традиция и является мидрашем – по сути и по форме.

Несколько вопросов, так или иначе, возникают в любой еврейской дискуссии. Почему религиозная идея постоянно затрагивает чувства современного светского еврейства, даже отъявленных атеистов или убежденных агностиков? И еще более интересен вопрос, как именно это происходит. Гарольд Блум замечает, что «централизм текста» важнее для еврейского восприятия, чем «религиозная идея». Рассуждая о развитии иудаизма, Гершом Шолем пишет: «Не систематизация, а комментарий является здесь легитимным способом приближения к истине». ² С такой же верой в силу комментария, сохраняющуюся несмотря на неадекватный

¹ Isaac Bashevis Singer, *The Collected Stories*, (New York: Farrar Straus Giroux, 1982), 289.

² Gershom Scholem. *Revelation and Tradition as Religious Categories in Judaism // The Messianic Idea in Judaism* (New York, Schocken Books, 1871), 352.

в принципе перевод, еврейство вступило в современную эпоху. Независимо от того, насколько далек современный еврейский интеллектуал от религиозной жизни, и даже независимо от того, какие исторические обстоятельства он попадал, все его поиски и культурные проекты сосредоточивались на книге.

«В книге еврей сам становится книгой. В еврее книга сама становится еврейским миром. Поскольку книга для еврея значит больше, чем подтверждение веры, она становится откровением его иудаизма».¹

Говоря это, Эдмон Жабэ совершенно не имеет в виду какой-либо конкретной книги. Современный светский еврейский автор, будь то Блум или Жабэ, меньше размышляет о Торе, а больше о мыслительном процессе постижения Писания. Независимо от того, какая именно версия иудаизма предлагается, комментарий Вальтера Биньямина к Кафке становится парадигмой для любого еврейского интеллектуала, не приемлющего старого пути:

«Путь к справедливости лежит через учение. Но Кафка не дерзнул соединить учение с обетованием, которое традиция связывает с изучением Торы. Его помощники – служки, теряющие свой молельный дом, его ученики – воспитанники, потерявшие святые письма. Теперь никто не поддерживает их в их «безудержном и счастливом странствии»».²

Общее для Биньямина, Жабэ и для множества еврейских интеллектуалов то, что «еврей, склонившись над книгой», как ни иронично это выглядит, отправляется в «свое безудержное и счастливое странствие».

Любой комментарий предполагает повторение сказанного. «Remembering forward» – так Кьеркегор называл

¹ Jacques Derrida, *Margins of Philosophy* (Chicago: University of Chicago Press, 1982).

² Walter Benjamin, *Illumination* transl. Harry Zohn (New York, Schocken Books, 1968), 139.

парадокс, как через множество слов, уже сказанных, через идеи, уже обдуманые, каждому автору и каждому комментатору удается сказать что-то оригинальное. В эссе «Новое творение и ритуалы каббалы» Шолем показывает, как замысловато каббалисты подменяют традиционные обряды поминовения и освящения раввинистического иудаизма, наполняя их трансформационным и магическим смыслом.

«Существующий ритуал не изменяется, – пишет Шолем, – он остается более или менее нетронутым... Каббалисты исполняют существующий нравоучительный ритуал, переживают его, вкладывая в него свой страстный мистический замысел. В результате получается новое творение, которое, однако, согласно еще со старой традицией».¹

Диалектическое изучение религиозной мысли и культурных взаимоотношений выявляет парадоксальную картину. Мессианский всплеск и кризис, достигший кульминации в народном движении Шабтая Цви, сближает традиционный иудаизм с движением еврейского просвещения Хаскала, с его огромной восприимчивостью к влиянию современности. В новое время вера, вложенная в ритуал, подвергается решительному сомнению. И если ритуал остается, то лишь потому, что в него постоянно вкладывается акт нового творения, описываемый Шолемом.

* * *

Джордж Стейнер говорит, что «наша родина – это наши тексты». Норман Финкельштейн отмечает, что современные еврейские писатели, как художники или композиторы, всю жизнь живущие в современном секулярном мире, по сути, никогда не покидают своего дома (а с каких пор еврей чувствует себя дома где бы то ни было?). В своих книгах, в своем творчестве они воссоздают процесс нового творения.

¹ Gershom Scholem, *On the Kabbalah and Its Symbolism* trans. Ralf Manheim (New York, Schocken Books, 1965). 126.

И уважение к прошлому идет через перелом. По словам Йосефа-Хаима Йерушалми, еврейское прошлое – это традиция перелома. Комментарий становится главным признаком еврейской литературы и даже всего еврейского искусства, предписывая и сохраняя их долгую традицию. Для Йерушалми еврейская история – это цепь разломов, крушений и катастроф, серия провалов и спасения, которые современный еврейский интеллект отрицает только с большим интеллектуальным и спиритуальным риском. Не удивительно, что Вальтер Биньямин стал парадигматическим еврейским художественным интеллектуалом XX столетия.

Наверное, поэтому большинство еврейских авторов, критиков и исследователей культуры, как в Америке, так и в Европе сопротивляются соблазнам постмодернизма. Интересны работы ученика Триллинга Маршалла Бермана о различии модернизма и постмодернизма, о настойчивой жизнеспособности первого и статическом нигилизме второго. Вспомним яростные нападки Синтии Озик, обвиняющей постмодернизм в идолопоклонническом отравлении сознания. Впрочем, Гарольда Блума Озик тоже обвиняет в создании идола из литературы. Известно утверждение Вальтера Биньямина: «Массовая репродукция отделяет продукт воспроизведения от сферы традиции».¹ Признавая и приветствуя потенциал фотографии и кино для эмансипации масс в сфере искусства, Биньямин тем не менее отмечает, что они уничтожают квази-магическую «ауру» уникального произведения, замещая единственный оригинал множеством его копий. Тревога Биньямина в эссе «Рассказчик» и «Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости» очень глубоко еврейские, опирающиеся на Вторую заповедь. Тем более Синтия Озик, размышляя о «Новом Явне» в Америке и создании нового еврейского языка New Yiddish на основе английского, не устает обличать современное писательство, творящее себе кумира.

¹ Benjamin, Illumination. 221.

Даже на родине структурализма во Франции Оливье Рево д'Аллонэ (Olivie Revault d'Allones) противится деконструкции человеческой личности через постмодернистский долг духовности. Шауль Фридландер атакует с неожиданной стороны, заявляя, что «постмодернистская нейтрализация истории, хотя и породила ряд значительных художественных произведений, книг и фильмов, но большинство ее художественной продукции составляет разного вида хитрый кич, похожий на нацистский».¹ Впрочем, постмодернистская идея ностальгии Фредерика Джеймсона охватывает большую территорию и ведет начало еще от революционной ностальгии Биньямина. Но вряд ли идеи культурной амнезии могут привлечь многих еврейских интеллектуалов, приверженных идеям, определенных Берманом как идеи «прогрессивной современности».²

* * *

Чем больше знакомишься с современной еврейской литературой, тем больше возникает сомнений в разделении между светским и религиозным творчеством. Речь не идет о традиционном религиозном еврейском комментарии, малоизвестном, да и мало влияющем на литературный и художественный процесс. Трудно обнаружить связь между теологическими сочинениями Любавичского ребе М.М. Шнеерсона или раввина Дова-Йосефа Соловейчика и творчеством р. Хаима Потока или даже р. Адина Штейнзальца.

В письме к своему другу и издателю Залману Шокену Гершом Шодем пишет о Кафке: «Он идет по тонкой линии между религией и нигилизмом». По определению Шодема, «секулярное изложение кабалистического мироощущения в

¹ Saul Friedlander, *Reflections of Nazis: An Essay of Kitch and Death*. trans. Thommas Wheir (New York: Harper & Row), 1984.

² Jean-Francois Lyotard, *The Post-Modern Condition: A Repoprt on Knowlege*. trans Geoff Bennington and oth. (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1968), 184.

современном духе видится мне, как будто труды Кафки покрывает нимб святости». Наверное, сам Кафка первым поднял вопрос о соотношении святого и светского в еврейском творчестве, об относительности их разграничения. В известной дневниковой записи Кафка определяет писательство как «штурм последней земной границы», которая «может быть легко развита в новую тайную доктрину, в Каббалу».¹

Размышляя над этим пассажем, Блум, явно под влиянием Шолема, предсказывает, что Кафка станет «строжайшим и самый волнующим из позднейших мудрецов формирующейся еврейской культурной традиции будущего».² Сведение воедино терминов поэтики и традиции («строжайший и самый волнующий» – «severest and most harassing» – цитата из поэзии Уоллеса Стивенса) подчеркивает декларацию Блума: «Я нахожу неясным и неопределенным, якобы один аутентичный литературный жанр считается более священным или же более светским, чем другой». Художественное воображение избегает или же сопротивляется резкой антитезе противоположных категорий. Или, в терминах деконструктивизма Жака Деррида, – «разрушает бинарную оппозицию».

Так или иначе, но через сопротивление и беспокойную оппозицию «еврейская культурная традиция будущего» уже рождается. Даже авторы немодернистской и даже весьма традиционной ориентации не могут обойти шаатнэз – проблемы смешения священного и светского. Джордж Стейнер настаивает, что смысл зависит от «ставки на превосходство», которая, как он верит, составляет смысл создания и восприятия всякого художественного произведения. Стейнер провозглашает «наши долги перед теологией и метафизикой (божественного) присутствия» и призывает нас переосмыслить происходящее, когда мы входим в неизбежно ритуальную

¹ The Diaries of Frantz Kafka. Ed. Max Brod, trans. Martin Greenberg (New York, Schocken Books, 1949), 202-203.

² Harold Bloom, *Ruin the Sacred Truth: Poetry and Belief from the Bible to the Present*. (Cambridge: Harvard University Press, 1989), 172:

сферу творчества. Переосмысление особенно важно для еврейских текстов. Традиционная еврейская склонность к писательству, прошедшая даже через испытание современностью и сама ставившая испытания, напоминает нам о договорных отношениях между Богом и еврейским народом, даже если многим часто кажется, что договор отменен.

Если перейти от Стейнера к определениям Синтии Озик, еврейская литература определяется, как «осознание литургии». Несмотря на огромные разногласия между ними, высказанные Озик в редкостном полемическом задоре, оба согласны, что религиозные чувства всегда присутствуют в значительных литературных произведениях. Синтия Озик идет значительно дальше, утверждая, что «светский еврей – лишь фикция; когда еврей становится светской личностью, он уже больше не еврей. Это особенно верно для творцов литературы».¹

Такое прямолинейное и грубоватое утверждение интересно потому, что возвращает нас к вопросу: как определить «еврейское» в творчестве авторов-евреев? Если оно не связано с определенной религиозной принадлежностью, скажем, если автор – атеист, скептик или агностик, признающий самоценность понятия «светский еврей», то какие аспекты еврейского творчества необходимо исследовать?

Одним из ответов будет идея Гарольда Блума о «смысле странствий». Блум рассматривает еврейское творчество как «синекдоху (то есть перенос значения с части на целое или наоборот) всех метаморфоз еврейского изгнания на достижение успеха». Здесь Блум делает важное обобщение: «Странствующий народ преподает себе и другим урок смысла странствий. Странствие вынуждает к множеству изменений в способах интерпретации, имеющих в распоряжении Запада».² Такое определение больше подхо-

¹ Cynthia Ozic, *The Art and Ardor* (New York: Knopf 1983), 169.

² Harold Bloom, «Introduction» *Musical Variation On Jewish Thought*, by Oliver Revault D'Allonnes. (New York: George Braziller, 1984), 30.

дит для современной еврейской литературы, чем любое традиционное религиозное определение. Странствия и изменения предполагают движение, процесс, изменение состояния. Но тогда вопрос в том, насколько далеко может еврейский автор зайти, насколько он может измениться, чтобы уход не стал слишком далеким, а изменение – слишком большим?

Разумеется, диапазон ответов на этот вопрос огромен. Один, крайний ответ дается Жабэ, известным непомерным стремлением сочетать писательство с иудаизмом. Он гласит: «Одно и то же ожидание, одна и та же надежда, одно и то же преодоление». Здесь современное единство, выраженное раньше в еврейском кредо «Шма Исраэль – Слушай Израиль, Господь Бог, Господь единый». Жабэ верит, по крайней мере для себя, что процесс писательства когерентен процессу выявления своей еврейской идентификации. Поскольку Жабэ определяет современность как открытость, то основным условием создания еврейской книги является открытая индивидуализированная самоидентификация. Жабэ отмечает, что метонимическая цепочка современность-открытость-книга-автор-еврей определяет процессы странствий и трансформации.

* * *

В эссе о Жабэ Жак Деррида рассуждает о наличии негативной теологии и «атеологии». Для него, как и для Жабэ, современная еврейская литература состоит из «бесконечных сомнений и колебаний между отрицательной теологией и позитивным утверждением игры». На идеи Деррида о «смысле еврейского скитания», как и на идеи Блума, сильно влияют труды их предшественников Гершома Шолема и Вальтера Биньямина, развивающих аналогичные идеи.

Биньямин в своей интерпретации Кафки рассуждает об изменяющемся и непостоянном соотношении между еврейским законом галлаха и преданием агада, а Шолем много

пишет о пропорции между благоговением к преданию и ритуалу и между самонадеянностью и бесцеремонностью каббалистических интерпретаторов в обращении с текстом и аллегориями. Впрочем, не все согласны с такой интерпретацией. Следует учесть и начавшееся в 60-70-е годы возрождение традиционной еврейской учености, например книги р. Ш.-Й. Соловейчика. Дэвид Стерн отмечает, что «разница между всеми концепциями не нова, как и многообразие еврейских интерпретаций в прошлом».¹

Рассуждая о «смысле странствий», невозможно обойти стороной и другое фундаментальное еврейское понятие: изгнание – галут. Принятые в разных версиях иудаизма обобщения здесь не годятся, поскольку литература, в отличие от фольклора, – явление индивидуальное, а следовательно, эти понятия – галут, изгнание или диаспора – каждый автор описывает в индивидуальных терминах.

Нельзя не отметить и другой, неотъемлемый смысл галута, постоянно отмечающий тексты еврейской литературы. В своем великом эссе о мессианской идее Гершом Шолем описывает этот смысл: «Значение мессианской идеи соотносится с бесконечным бессилием еврейской истории в течение всех столетий изгнания, когда она была не готова выйти на передний план мировой истории. Отсюда предварительность и временность еврейской истории, не позволявшая целостного самоощущения. Мессианская идея – это не только утешение и надежда. Каждая неистовая попытка осуществить ее приводила к абсурду и открывала бездну отчаяния. Есть нечто великое в жизни с надеждой, но одновременно и глубоко нереальное. Личная значимость индивидуальности уменьшалась, и человек никогда не мог полностью выразить себя, поскольку несовершенство его стараний никогда не могло соответствовать общепринятой высшей ценности. Так мессианская идея в иудаизме вынуждала жить в ожидании, в отсрочке, когда ничего не могло

¹ David Stern. *Midrash and Indeterminacy*. *Critical Inquire* №15, 1988. 161.

быть окончательным и определенным, ничто не могло быть бесповоротно завершено».¹

Так Шолем описал условие, ставшее особенностью современных еврейских писателей. Если еврейское изгнание через мессианскую идею ведет к непреодолимому несовершенству и незавершенности в еврейской жизни, следовательно, еврейские писатели сталкиваются с постоянным разочарованием. Речь идет о «галуте текста», что Деррида назвал «необходимостью интерпретации, как изгнания». Но если Шолем прав, то изгнание должно уменьшать персональный успех, зато поощрять надежду. Аллан Мандельбаум пишет²:

*Diaspora,
Is still the way
of shreds and shards,
of all that frays,
discolored words,
and leaves astray,
and winds that scatter
resting birds...*

*Изгнание-
Это тягостный путь
Из бывшего клочков,
Битых душ черепков,
Обесцвеченных слов,
унесеной листвы и ветров,
разметавших истерзанных птиц...*
пер. Татьяны Сергеевой (Литва)

Разумеется, лучше всех это выразил Кафка, говоривший о «чистоте и красоте неудачи».³

¹ Scholem, *The Messianic Idea*. 35.

² Allen Mandelbaum *Chelmaxioms* (Boston: David R. Godine, 1977), 15.

³ Benjamin, *Illumination*. 145.

Вхождение евреев в западную культурную жизнь в XIX – начале XX века совпало с ростом модернизма. Кафка, наверное, наилучший и наиболее очевидный пример тому. Его отец отступил от иудейской традиции. Кафка рассказывает: отец «точно освободился от необходимости выглядеть передо мной благочестивым».¹ Вместе с тем отец Кафки «учил иврит и идиш и легко разбирался в новом тайном учении, в каббале».

* * *

Евреи, вдохновленные мечтой о гуманизме, обычно связывавшейся с либеральными или левыми программами, действовали весьма агрессивно. Марк Шехнер объясняет: «Невозможно ошибиться, рассматривая марксизм, в определенный момент, внедрившийся в еврейское существование, как замена иудаизма. Марксизм полностью перенял у галахического, ортодоксального иудаизма принадлежавшее ему право интерпретировать мир, диктовать принципы, определять и регулировать образ жизни и руководить обществом. Когда марксизм провалился, то интеллектуалы оказались не менее дезориентированными и потрясенными, чем их деды, пережившие распад традиционного еврейского уклада жизни, управляемого галахой».²

Шехнер определяет еврейское увлечение различными теориями социализма и психоанализа как «цепь разочарований, неудач и отступничества». Он считает, что идеи без умысла препятствовали прямой инкорпорации еврейского образа мысли и текстуальности. Парадоксальным образом, но вполне может быть, что возвращение нынешнего поколения к несколько более определенным форматам еврейс-

¹ Frantz Kafka, «Letters to His Father» in *The Basic Kafka* (New York: Washington Square Press 1979), 216.

² Marc Shechner *After the Revolution: Study of Contemporary Jewish American Imagination* (Bloomington: Indiana University Press, 1987), 8.

кой идентификации стало возможным благодаря закалке в тиглях марксизма и модернизма.

Цена, которую платили ассимилированные Западом еврейские авторы, предлагая свою «модернистскую каббалу» еврейским и нееврейским читателям, – это никак не отказ от еврейства. Джон Муррей Кудихю (John Murray Cuddhy) ввел термин «*ordael of civility* – испытание вежливостью».

Вклад евреев в европейскую культуру (даже в самую радикальную и модернистскую) не мог бы состояться без «отрешения» от старых путей и ценностей. Ведь фрайер (свободный) – кодовое слово религиозного еврейства для отступника («свободного от Закона»).

Кудихю пишет: «Сначала пришел шок еврейской эмансипации. Соблазненных обещаниями гражданских свобод, евреев девятнадцатого века ожидало разочарование. Вместо ожидаемой *paus legale* – страны закона политического общества – они оказались в *paus geel*, реальной стране гражданского общества. Соблазненные обещаниями стать *citoyens*, они оказались вынужденными становиться *bourgeois* – буржуа. Пропуск в европейское общество определялся не крещением, как полагал Гейне, а *Bildung* – образованием и манерами».¹

В конце XIX века венский еврей Зигмунд Фрейд «стал их самозванной интеллектуальной элитой, их посредником среди обещаний и опасностей современности».² Психоаналитический метод открывал индивидуальное пространство в гражданском обществе, где невротический еврейский пациент мог справляться со своим травматическим прошлым, включая семейную историю недопустимого и невозможного более образа жизни еврейского местечка штетл. Открытые Фрейдом закономерности стали достоя-

¹ John Murray Cuddhy, *The Ordael of Civility: Freud, Marx, Levi-Strauss, and the Jewish Struggle With Modernity* (New York: Basic Books 1979), 38.

² *Ibid*, 40.

нием мировой науки потому, что психологическая дилемма венских евреев оказалась универсальным симптомом распространяющегося общественного недуга, показала, какую цену необходимо платить за modernity в западном обществе. Психоанализ вместе с его критикой и сегодня остается необыкновенно важной частью мировоззрения секулярного еврея. Не случайно самый известный роман Филиппа Рота о еврейских терзаниях разворачивается на кушетке психоаналитика. От Фрейда до Рота еврейский модернизм соединял в себе безмерную отчужденность и скрупулезный критический интеллект.

Впрочем, постмодернизм не только тема для драмы еврейской культуры. Он прямо бросает вызов собственным концепциям еврейских интеллектуалов, их явно затруднительной этнической самоидентификации и роли, которую они играют в мировой культуре.

«... difference не есть, не существует и не является ни одной из форм бытия. Нужно обратить особое внимание на то, что не есть и что, соответственно, не имеет ни существования, ни сущности, на то, что не принадлежит ни категории бытия, ни присутствующего, ни отсутствующего. Тем не менее то, что определяется здесь как difference, не есть нечто теологическое, даже в самом негативном смысле негативной теологии. Последняя, как известно, имеет дело с анализом некоторой сверхсущностной реальности, выходящей за пределы категорий сущности и существования, то есть присутствия. Постоянным референсом негативной теологии является напоминание о том, что даже если предикат Бога и отрицается, его непременно следует признавать, как высшую, невоспринимаемую и непознаваемую форму бытия...

Difference не просто несводима к некоторому онтологическому или теологическому или онто-теологическому образованию: напротив, difference как бы обнаруживает то самое пространство, в котором онто-теология = философия продуцирует свои системы и свою историю. Difference,

таким образом, включает в себя и превышает, причем необратимо, онто-теологию или философию».¹

В постструктуралистском эссе Жака Деррида отрицается сама возможность философской или «онто-теологической» концепции позитивного постижения. Эссе Деррида несомненно является плодом светской еврейской культуры и вплотную соприкасается с проблемой постмодернистской еврейской самоидентификации. Труды Деррида отмечают границу между современным модернистским «евреем культуры» и постмодернистским «евреем *differance*». Деррида пишет: «Если бы слово «история» не содержало в себе тему окончательного вытеснения *differance*, мы могли бы сказать, что различия являются «историческими» сами по себе и через самих себя, причем с самого начала».² Для еврейских интеллектуалов здесь есть особый момент. Через утверждение различий – *difference* (а не *differance*) – они открывают свой исторический, а часто, по еврейской традиции от Маймонида до Синтии Озик и того же Деррида, антиисторический аспект. Светский и ассимилированный еврей действует от имени культуры и во имя культуры, а сама культура воспринимается им как «игра различий».

* * *

Творческий еврейский интеллектуал, хоть по определению светский, культурно гетерогенный, вдохновленный идеей освобождения от прошлого, зато всегда обладает исторической родословной. И даже самые «нееврейские евреи», по определению Исаака Дойчера, «находящие еврейство слишком тесным, слишком архаическим, слишком сдавливающим», даже они, так или иначе, обладают еврей-

¹ Жак Деррида *Differance* в Елена Гурко. Деконструкция: тексты и интерпретация. (Минск: Эконом Пресс).

² *Ibid.*

ским наследием, живя на «границе между нацией и религией... способны лучше постигнуть современные движения и противоречия природы и общества». ¹ Наверное, поэтому еврейские интеллектуалы придерживаются собственного диалектического понимания противоречий современного светского творчества не менее ревностно, чем их ортодоксальные прадеды придерживались закона Торы. Их творчество продолжает живую духовную традицию еврейской культуры, начатую четыре тысячи лет назад. Продолжает верней, чем мир ультрарелигиозного еврейства, занятый изнуряющей, мелочной, поглощающей все творческие силы борьбой за выживание. Гершон Шолем пишет: «Со временем традиция испытывает изменения, новые лики светят впереди и освещают путь. Традиция, согласно ее мистическому смыслу, это истинно Устная Тора, поскольку всякая стабилизация текста грозит затруднить и вовсе разрушить его вечное движение, постоянный прогресс и раскрытие новых глубин в нем. Иначе традиция окаменеет». ²

Радикальные изменения сохраняют и поддерживают еврейскую традицию в той же мере, что и традиционная раввинская практика. Каббала настаивает, что Ур-Тора, «Пламенная Тора», написанная Господом накануне творения мира буквами из черного пламени на белом пламени, никогда не нашла своего полного выражения на Земле, кроме как через бесконечный процесс медитации и размышлений. То, что мы знаем как библейские книги Торы – это на самом деле Тора устная, так как размышления над истиной всегда эзотерические и открывающиеся через откровения. ³ Мону-ментальный текст остается у Бога, а еврейская традиция с самого начала представляет собой последовательность созидательных тропов над скрытым Словом.

¹ Isaac Deutcher, *The Non-Jewish Jew and Other Essays* (New York: Oxford University Press, 1968), 26.

² Scholem, *The Messianic Idea*, 296.

³ Scholem *On the Kabbalah*, 49-50.

Герой Филиппа Рота Натан Цукерман теряет все и, отчаявшись из-за спятившего на почве право-религиозного сионизма брата в Израиле и ударившегося в антисемитизм тестя в Англии, просит свою беременную жену Марту вернуться. Если будет мальчик, говорит он, то я сделаю ему брит – обрезание:

«Обрезание-брит подтверждает, что есть мы. И мы не только он и я. Британия сделала меня евреем всего за восемь недель, но я думаю, что есть менее болезненный способ. Пусть будет еврей без иудаизма, без сионизма, без еврейства – идышкайт, без храма и армии, даже без пистолета, еврей, очевидно, и без дома. Тогда он становится объектом самодостаточным, как стакан или яблоко».¹

Такой ясный мидраш подытоживает наши мысли о еврейской культуре, которая, несмотря на всякие «измы», есть *object of himself* – объект самодостаточный, и продолжает свое «безудержное и счастливое странствие».

¹ Philip Roth. *The Counterlife*.

Использованная литература:

1. Haym-Yosef Yerushalmi *Zakhor: Jewish History and Jewish Memory* (Seattle: University of Washington Press, 1982), 101.
2. George Steiner, «Our Homeland of Text» *Salmanguindy* No 66. (Winter-Spring), 1985.
3. Lionel Trylling *Beyond Culture: Essays on Literature and Learning* (New York: Viking), 1968.
4. Norman Finkelstein *The Ritual of New Creation* (New York: SUNY Press), 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел первый

КАК ЕВРЕИ ПРОИЗОШЛИ ОТ СЛАВЯН

Башевис-Зингер: портрет, который ни в какие рамки не укладывается	3
Еврейская культура это не только.....	33
Чарли Чаплин снимает конец еврейского государства.....	40
Советские евреи: Анна-Ванна – наш отряд хочет видеть поросят!.....	66
Кот в шляпе по-еврейски.....	77
Как евреи произошли от славян.....	81
Слишком левый, слишком правый, слишком мертвый идиш	132
Человек, спасший миллион еврейских книг	157
Вы видели, как смеется иерусалимский могильщик?	164
«Пульса де нура» на «Многия Лета»	169
Как много в этом слове.....	183

Раздел второй

МУЗЫКА РАДИКАЛЬНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Каркауэр: Клезмер – выражение идиш в музыке.....	186
Бобэ Маисес – бабушкины сказки в стиле хип-хоп.....	190
Музыка «Радикальной еврейской культуры» Джона Зорина	199
Подарок к празднику еврейской музыки	208
Чолнт по-французски.....	216
Пирожки по-хазарски	223
Наш посол в нашей стране А.Е. Бовин «Пять лет среди евреев и МИДовцев»: попытка личного послесловия.....	229
Мидраш о еврейском творчестве.....	236

УДК 94(=411.16)

ББК 63.3(0)

Д55

Компьютерный дизайн М.Р. Хафизов

Дорфман, М.

Д55 Евреи и жизнь. Как евреи произошли от славян / Михаэль Дорфман. – М.: АСТ: Красноярск: АБу; Владимир: ВКТ, 2008. – 253, [3] с. – (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-17-053212-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-8230-0 (ООО «Издательство АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-903925-05-6 (ООО Издательство «АБу»)

ISBN 978-5-226-01013-2 (ВКТ)

(С.: Ист. библиот. (84)).

ISBN 978-5-17-055183-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-9702-1 (ООО «Издательство АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-903925-01-8 (ООО Издательство «АБу»)

ISBN 978-5-226-01014-9 (ВКТ)

(С.: Ист. библиот. (новая)).

Под одним словом «евреи» объединяются совсем разные народы! Вовсе не все евреи произошли от древних иудеев! Есть евреи, которые произошли от других народов, принявших иудаизм. Например, от принявших иудаизм хазар, тюрок и славян.

О происхождении евреев от славян почти неизвестно в мире. В самом еврейской среде эти вопросы стыдливо замалчиваются.

В своей новой книге Михаэль Дорфман рассказывает и о тайнах евреев ашкенази. И о том, какой вклад в культуру всего мира внес этот маленький активный народ.

УДК 94(=411.16)

ББК 63.3(0)

© А.М. Буровский, 2008

© Издательство «АБу», 2008

Литературно-художественное издание

Михаэль Дорфман

ЕВРЕИ И ЖИЗНЬ

Как евреи произошли от славян

Редактор *А.М. Буровский*
Художественный редактор *О.Н. Адашкина*
Компьютерная верстка *П.Ф. Косяк*
Технический редактор *П.Ф. Косяк*
Корректурa *В.Н. Новожилова*

Подписано в печать 19.06.08.
Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 13,44.
(С.: Ист. библиот. (84)). Тираж 2500 экз. Заказ № 797и.
(С.: Ист. библиот. (новая)). Тираж 2500 экз. Заказ № 797и.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АБУ»
660047, Красноярск, ул. Лебедевой, 31, кв. 352
E-mail: burovsky@mail.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Под одним словом «евреи» объединяются совсем разные народы! Вовсе не все евреи произошли от древних иудеев! Есть евреи, которые произошли от других народов, принявших иудаизм. Например, от принявших иудаизм хазар, тюрок и славян.

О происхождении евреев от славян почти неизвестно в мире. В самой еврейской среде эти вопросы стыдливо замалчиваются.

В своей новой книге Михаэль Дорфман рассказывает и о тайнах евреев ашкенази. И о том, какой вклад в культуру всего мира внес этот маленький активный народ.

Историческая библиотека